

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Казанского университета

серия

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Uchenye Zapiski
Kazanskogo Universiteta
Seriya Gumanitarnye Nauki

2025

Том 167

Книга 1

Volume 167

Issue 1

Ученые записки Казанского университета.

Серия Гуманитарные науки
рецензируемый научный журнал

2025
Т. 167, кн. 1

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ОСНОВАНЫ В 1834 ГОДУ

Редакционная коллегия

Главный редактор

Д.А. Таюрский – первый проректор – проректор по научной деятельности, д-р физ.-мат. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Члены редколлегии

Е.А. Горобец (зам. гл. редактора) – канд. филол. наук, доц., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Л.Р. Ахмерова (секретарь) – канд. филол. наук, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Е.М. Абайдельдинов – д-р юрид. наук, проф., Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Республика Казахстан

Н.Ф. Алефиренко – д-р филол. наук, проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

А.И. Алиев – д-р юрид. наук, проф., Бакинский государственный университет, г. Баку, Азербайджанская Республика

Б.С. Алишев – д-р психол. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Й. Баберовски – д-р наук, проф., Берлинский университет имени Гумбольдта, г. Берлин, Германия

Б.А. Байтанаев – д-р ист. наук, проф., Институт археологии имени А.Х. Маргулана Комитета науки МОН, г. Алматы, Республика Казахстан

С.А. Балащенко – д-р юрид. наук, проф., Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

Н. Вайс – д-р наук, проф., Университет Потсдама, г. Потсдам, Германия

Д.Х. Валеев – д-р юрид. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Г.А. Волков – д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Г.Х. Гилязетдинова – д-р филол. наук, проф., Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия

С.Ю. Головина – д-р юрид. наук, проф., Уральская государственная юридическая академия, г. Екатеринбург, Россия

Б.М. Гонгало – д-р юрид. наук, проф., Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург, Россия

Л.П. Громова – д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

А. Квятковская – д-р психол. наук, Институт психологии, Польская академия наук, г. Варшава, Польша

А.М. Лушников – д-р юрид. наук, проф., Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия

Н.Л. Люттов – д-р юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, г. Москва, Россия

Д.Е. Мартынов – д-р ист. наук, доц., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

О.М. Мельникова – д-р ист. наук, доц., Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Россия

В.М. Мокиенко – д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия; Университет им. Эрнста Морица Арндта, г. Грайфсвальд, Германия

М.М. Мюллер – д-р наук, проф., Лейпцигский университет, г. Лейпциг, Германия

Г.П. Мяков – д-р ист. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

И.А. Невская – д-р филол. наук, Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск, Россия

Е.М. Николаева – д-р филос. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Ф.Ш. Нуриева – д-р филол. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

А.Н. Паикуров – д-р филол. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

А.О. Прохоров – д-р психол. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

А.Н. Рарог – д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, г. Москва, Россия

Л.П. Репина – д-р ист. наук, чл.-корр. РАН, Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Россия

Л. Росси – проф. по рус. лит., Миланский государственный университет, г. Милан, Италия

Й. Сипко – д-р наук, проф., Прешовский университет в Прешове, г. Прешов, Словакия

А.Г. Ситдииков – д-р ист. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

М.В. Талан – д-р юрид. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

И.А. Тарханов – д-р юрид. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Д.В. Ушаков – д-р психол. наук, акад. РАН, Институт психологии РАН, г. Москва, Россия

Т.Я. Хабриева – д-р юрид. наук, акад. РАН, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия
Ю Хаймей – д-р права, Нанкинский педагогический университет, Институт правовой модернизации Китая, г. Нанкин, Китай
А.Н. Чумаков – д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия
М.Д. Щелкунов – д-р филос. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
Й. Эккенга – д-р юрид. наук, проф., Университет имени Юстуса Либига, г. Гиссен, Германия
Р. Ястиембски – д-р права, проф., Варшавский университет, г. Варшава, Польша

Научные редакторы:

Е.А. Горобец – канд. филол. наук, доц., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
Е.В. Лунева – д-р юрид. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
Г.П. Мягков – д-р. ист. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Редактор *Л.Р. Ахмерова*

Редактор английского текста *А.О. Кармазина*

Учредитель и издатель: ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-41876 от 27 августа 2010 г.

Журнал реферируется/индексируется в DOAJ, ROAD, EBSCO, eLIBRARY.RU, Google Scholar,
ERIH PLUS, CEEOL, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, КиберЛенинка.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Подписной индекс 19421. Цена свободная

Адрес издателя и редакции «Ученые записки Казанского университета»:
420008, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18
Телефон: (843) 233-73-01; e-mail: uz.ku@kpfu.ru; сайт: <http://kpfu.ru/uz-rus/gum>

Дата выхода в свет 4.04.2025.
Формат 60х 90/8. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 17,24. Уч.-изд. л. 15,31.
Тираж 300 экз. Заказ 13/4.

Отпечатано в типографии Издательства
Казанского университета
420008, Республика Татарстан, Казань,
ул. проф. Нужина, д. 1/37

Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta.

Seriya Gumanitarnye Nauki

Proceedings of Kazan University. Humanities Sciences Series

Peer-Reviewed Scientific Journal

2025
Vol. 167, No. 1

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA FOUNDED IN 1834

Editorial Board

Editor-in-Chief

Dmitrii A. Tayurskii – First Vice-Rector – Vice-Rector for Scientific Activities, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Members of Editorial Board

E.A. Gorobets (Deputy Editor-in-Chief) – PhD in Philology, Associate Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

L.R. Akhmerova (Secretary) – PhD in Philology, Kazan Federal University, Kazan, Russia

E.M. Abaidel'dinov – Doctor of Law, Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

N.F. Alefirenko – Doctor of Philology, Professor, Belgorod State University, Belgorod, Russia

A.I. Aliev – Doctor of Law, Professor, Baku State University, Baku, Republic of Azerbaijan

B.S. Alishev – Doctor of Psychology, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

J. Baberowski – Doctor of History, Professor, Humboldt University of Berlin, Berlin, Germany

B.A. Baitanaev – Doctor of History, Professor, A.Kh. Margulan Institute of Archeology, Almaty, Republic of Kazakhstan

S.A. Balashenko — Doctor of Law, Professor, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

N. Weiß – Doctor of Science, Professor, University of Potsdam, Potsdam, Germany

D.Kh. Valeev – Doctor of Law, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

G.A. Volkov – Doctor of Law, Professor, Moscow State University, Moscow, Russia

G.Kh. Gilazetdinova – Doctor of Philology, Associate Professor, Institute of Language, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia

S.Yu. Golovina – Doctor of Law, Professor, Ural State Law Academy, Yekaterinburg, Russia

B.M. Gongalo – Doctor of Law, Professor, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia

L.P. Gromova – Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

A. Kwiatkowska – Doctor of Psychology, Institute of Psychology of Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland

A.M. Lushnikov – Doctor of Law, Professor, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

N.L. Lyutov – Doctor of Law, Associate Professor, O.E. Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia

D.E. Martynov – Doctor of History, Associate Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

O.M. Mel'nikova – Doctor of History, Associate Professor, Udmurt State University, Izhevsk, Russia

M.M. Muller – Professor of Psychology, University of Leipzig, Leipzig, Germany

G.P. Myagkov – Doctor of History, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

I.A. Nevskaya – Doctor of Philology, Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

E.M. Nikolaeva – Doctor of Philosophy, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

F.Sh. Nurieva – Doctor of Philology, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

A.N. Pashkurov – Doctor of Philology, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
A.O. Prokhorov – Doctor of Psychology, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

A.N. Rarog – Doctor of Law, Professor, O.E. Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia

L.P. Repina – Doctor of History, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Institute of Universal History, Moscow, Russia

L. Rossi – Professor of Russian Literature, University of Milan, Milan, Italy

J. Sipko – Doctor of Science, Professor, University of Presov, Presov, Slovakia

A.G. Sitdikov – Doctor of History, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

M.V. Talan – Doctor of Law, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

I.A. Tarkhanov – Doctor of Law, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

D.V. Ushakov – Doctor of Psychology, Member of Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology, Moscow, Russia

T.Ya. Khabrieva – Doctor of Law, Member of Russian Academy of Sciences, The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Yu Haimei – Doctor of Law, Nanjing Normal University, Institute for Chinese Legal Modernization Studies, Nanjing, China

A.N. Chumakov – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University, Moscow, Russia

M.D. Schelkunov – Doctor of Philosophy, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

J. Ekkenga – Doctor of Law, Professor, Justus Liebig University Giessen, Giessen, Germany

R. Yastshembski – Doctor of Law, Professor, University of Warsaw, Warsaw, Poland

Science Editors:

E.A. Gorobets – PhD in Philology, Associate Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

E.V. Luneva – Doctor of Law, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

G.P. Myagkov – Doctor of History, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Editors: *L.R. Akhmerova*

English Editor: *A.O. Karmazina*

Founder and Publisher: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Kazan (Volga Region) Federal University”.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media

Registration certificate PI No. FS77-41876 dated August 27, 2010.

The journal is abstracted and/or indexed in DOAJ, ROAD, EBSCO, eLIBRARY.RU, Google Scholar,
ERIH PLUS, CEEOL, Cyberleninka, Ulrich’s Periodicals Directory, WorldCat.

The journal is included in the list of Russian peer-reviewed scientific journals publishing the main results
of dissertations for the Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees.

Subscription index: 19421. Free price

Contacts: Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta, ul. Kremlevskaya 18, Kazan, Republic of Tatarstan, 420008 Russia

Phone: (843) 233-73-01; e-mail: uz.ku@kpfu.ru; cañr: <http://kpfu.ru/uz-eng/hum>

Date of publication: April 4, 2025.

Page size: 60*90/8. Offset printing. Conventional
printing sheet: 17,24. Publisher’s signature: 15,31.

Circulation: 300 copies. Order: 13/4.

Printed in KFU Publishing House

ul. Prof. Nuzhina 1/37, Kazan, Republic of Tatarstan,
420008 Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

<i>Конопаткин В.А.</i> Церемониал адвента в Риме в последние десятилетия Западной Римской империи (440–476 годы)	5
<i>Пронченко М.А.</i> К вопросу о правах Адмиралтейств-коллегии на лес в частных владениях	21
<i>Русанова В.А.</i> Английская революция XVII века на страницах «Социологии революции» П.А. Сорокина	32
<i>Скуднякова Д.С.</i> «Разрешите указать, что в томе использовался предоставленный вами материал»: эпизод из истории подготовки IV тома «Очерков истории СССР» 1953 г. (по материалам личного фонда Н.Г. Бережкова)	43
<i>Смолина Н.А.</i> «Золотую рыбку конфисковать... и сдать в музей»: уездные дома-музеи Нижегородской губернии в 1917–1922 годах	56
<i>Шарапов М.А.</i> Общие тенденции становления малого предпринимательства в г. Казани в 80–90-х годах XX века	71

ЛИНГВИСТИКА

<i>Бармина Е.А., Скидан О.Г., Местанко Н.А.</i> Передача речевого портрета подростка как проблема перевода	81
<i>Габдреева Н.В., Хэ Юань, Ван Юйцун.</i> Особенности функционирования иноязычной лексики китайского происхождения в русском языке XIX–XX веков	94
<i>Грудева Е.В., Соловьева С.А.</i> Специфика грамматических ошибок туркменских учащихся при изучении русского языка как иностранного (на материале Русского учебного корпуса)	105
<i>Иванова О.А.</i> Особенности усвоения личных и притяжательных местоимений детьми с сенсомоторной алалией	117
<i>Каменев Д.М.</i> Некоторые особенности употребления форм двойственного числа в Волынской летописи	128

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

<i>Кийко Д.С.</i> Основные механизмы этического регулирования военной робототехники	139
<i>Малый А.Ф., Нигметзянов А.А.</i> Мотивирование в системе регулирующего влияния права на общественные отношения	158
<i>Пекарникова М.Е., Валиуллина К.Б.</i> Правовое регулирование эмиссии метана: реализация глобального обязательства по метану в национальном законодательстве основных государств-эмитентов	169
<i>Ширенин Р.П.</i> Принципы государственного финансового контроля в сфере государственного оборонного заказа	184

CONTENTS

HISTORY

<i>Konopatkin V.A.</i> Adventus ceremony in Rome during the last decades of the Western Roman Empire (440–476)	5
<i>Pronchenko M.A.</i> On the Admiralty Collegium's rights to forests on private lands	21
<i>Rusanova V.S.</i> The English Revolution of the 17th century through the lens of P.A. Sorokin's "The Sociology of Revolution"	32
<i>Skudnyakova D.S.</i> "Let me point out that the volume includes the material you provided": An episode from the making of Volume IV of "Essays on the History of the USSR," 1953 (based on the personal archive of N.G. Berezhkov)	43
<i>Smolina N.A.</i> "Goldfish to be confiscated and handed over to the museum...": House museums of the Nizhny Novgorod Governorate in 1917–1922	56
<i>Sharapov M.A.</i> Key trends that shaped small business development in Kazan during the 1980s–1990s	71

LINGUISTICS

<i>Barmina E.A., Skidan O.G., Mestanko N.A.</i> Rendering a teenager's language portrait as a translation problem	81
<i>Gabdreeva N.V., He Yuan, Wang Yucong</i> Integration of Chinese loanwords into the Russian language during the 19th and 20th centuries	94
<i>Grudeva E.V., Soloveva S.A.</i> Common grammatical errors made by Turkmen learners of Russian as a foreign language (insights from the Russian Learner Corpus)	105
<i>Ivanova O.A.</i> Acquisition of personal and possessive pronouns in children with sensorimotor alalia	117
<i>Kamenev D.M.</i> Some features of dual grammatical forms in the Volhynian Chronicle	128

JURISPRUDENCE

<i>Kiiko D.S.</i> Key mechanisms of ethical regulation in military robotics	139
<i>Malyj A.F., Nigmatzyanov A.A.</i> Motivation in the system of legal regulation of public relations	158
<i>Pekarnikova M.E., Valiullina K.B.</i> Legal regulation of methane emissions: The Global Methane Pledge in the national legislation of the major emitting countries	169
<i>Shirenin R.P.</i> Principles of state financial control in the state defense order fulfillment	184

ИСТОРИЯ

Оригинальная статья

УДК 94(37).09

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.7-20>

Церемониал адвента в Риме в последние десятилетия Западной Римской империи (440–476 годы)

В.А. Конопаткин*Московский государственный университет им М.В. Ломоносова, 119991, г. Москва, Россия**vladgimn93@gmail.com*

Аннотация

В статье рассмотрены причины пребывания императоров Западной Римской империи в 440–476 гг. в Риме, а не в Равенне. Отмечается, что Рим в течение V в. играл важную роль в репрезентации императорской власти, поскольку имел большое символическое значение, обладая необходимой инфраструктурой для проведения демонстраций императорского величия. Сенаторская аристократия, проживавшая в Риме в V в., отличалась богатством и влиянием и могла воздействовать на внутренние дела империи. Доказано, что символическое значение Города и концентрация в нем влиятельных элит являлись значимыми факторами, определявшими проведение ритуала *adventus* именно в Риме. *Adventus* – это триумфальный въезд императора в город при всеобщем ликовании граждан с участием местных элит. Утверждается, что, несмотря на сложившееся в историографии мнение о забвении адвента на Западе после 404 г., *adventus* проводился в течение всего V в. и даже в Средние века. Церемониал адвента в Риме создавал картину единства императорской власти и сенаторской аристократии. Последняя примеряла на себя часть императорской легитимности и могла использовать торжество в собственных карьерных целях, император же демонстрировал наличие у него мощной поддержки со стороны разных слоев населения. Только Рим, обладая высоким статусом столицы империи и одновременно – места пребывания влиятельных лиц и магнатов, с помощью символического и идеологического наполнения церемонии адвента мог имитировать картину величия и процветания империи в условиях ее упадка.

Ключевые слова: потестарная имагология, поздняя Античность, репрезентация власти, Поздняя Римская империя, римские императоры, Рим

Для цитирования: Конопаткин В.А. Церемониал адвента в Риме в последние десятилетия Западной Римской империи (440–476 годы) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2025. Т. 167, кн. 1. С. 7–20. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.7-20>.

Original article

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.7-20>

**Adventus ceremony in Rome during the last decades
of the Western Roman Empire (440–476)**

V.A. Konopatkin

Moscow State University, Moscow, Russia

vladgimn93@gmail.com

Abstract

The reasons why the rulers of the Western Roman Empire stayed in Rome rather than in Ravenna between 400 and 476 are identified. In the 5th century, Rome played a major role in the representation of imperial power because of its great symbolic importance. It had a well-developed infrastructure and was a stage for imperial grandeur. The wealthy and influential senatorial aristocracy living here had a significant impact on the region's internal affairs. The city's symbolic role and concentration of elites made it a natural setting for the adventus ritual, which was a triumphal entry of the ruler into the city celebrated with cheers from residents and attended by prominent local figures. Contrary to the widespread opinion in historiography that adventus declined in the West after 404, the results obtained reveal that the ritual was held throughout the 5th century and even in the Middle Ages. Adventus symbolized the unity of the Roman ruler and the senatorial aristocracy. The aristocracy tried to reinforce its legitimacy and joined the celebration for promotion, while the emperor exploited the ceremony to show that he was supported among various social groups of the population. Only Rome, with its higher status as the capital of the empire and the residence of many influential and wealthy figures, could sustain the illusion of greatness and prosperity under the conditions of decline.

Keywords: potestary imagology, late antiquity, representation of power, Later Roman Empire, Roman emperors, Rome

For citation: Konopatkin V.A. Adventus ceremony in Rome during the last decades of the Western Roman Empire (440–476). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2025, vol. 167, no. 1, pp. 7–20. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.7-20>. (In Russian)

Введение

В течение V в. правители Западной Римской империи нередко находились в Равенне – резиденции императора Гонория, месте рождения Валентиниана III; именно там был смещен последний номинальный император Запада Ромул Августул. А когда Западная Римская империя *de iure* прекратила свое существование, германские вожди Одоакр и Теодорих также пребывали именно в Равенне; там же находилась и византийская администрация после завоевания Италии Велитарием. Все вышеперечисленное создавало впечатление наличия у Равенны статуса главного города Западной Римской империи, где постоянно пребывали августы V в. – эта точка зрения отражена и в историографии [1, p. 274; 2, S. 93, 116; 3, p. 163, 260; 4, p. 126; 5, S. 219, 374]. Однако большинство современников, таких как галльский хронист Идаций, историк Приск, поэт Сидоний Аполлинарий, переносят все

ключевые события в Рим и именно о нем говорят как о наиболее значимом городе Запада (Hyd. Chronicon. 120, 148, 210, 235 etc.; Prisc. Fr. 20. 3, 30. 1, 32, 36. 2 etc.; Sid. Ap. Ep. I. 6. 2). Только Иордан считал главным городом Италии Равенну (Iord. Get. 147), вероятно, в связи с тем, что в его время двор Остготского королевства находился именно там. Важным для нас представляется выяснить, как часто императоры Западной Римской империи в V в. взаимодействовали с городом Римом и какие причины подвигали их на это.

Причины пребывания императоров в Риме

Рим сохранял важнейшее идеологическое и политическое значение для императоров Западной Римской империи, которые в V в. довольно часто посещали его. Эту тему в своей работе детально разобрал А. Джиллетт. Он утверждает, что по меньшей мере с 440 г. Валентиниан III избрал Рим своей резиденцией [6, p. 146], в одной из своих новелл прямо назвав Город «главой империи»: “*urbis Romae, quam merito caput nostri veneramur imperii*” (Nov. Val. 5 praef.). Последующие императоры также пребывали главным образом в Риме. Именно там Петроний Максим был провозглашен императором и пробыл вплоть до своей гибели [6, p. 148]. Авит был провозглашен августом в Арле и сразу же отправился в Рим, чтобы легитимизировать свою власть (Hyd. Chron. 163; Sid. Ap. Carm. VII. 8). Где конкретно вззошел на престол Майориан, неясно, однако, судя по всему, этот император чаще находился в Равенне и Арле, чем в Риме [6, p. 150]. Тем не менее Идаций сообщает, что Рицимер убил Майориана, когда тот возвращался в Рим (Hyd. Chron. 210), как если бы последний был его основной резиденцией. Либий Север, ставший императором в Равенне, переместился в древнюю столицу и там же оставался [6, p. 151]. Антемий, будучи ставленником Востока, обосновался именно в Риме [6, p. 152–153]. Там же получил власть римский сенатор Олибрий, где и остался [6, p. 153–154]. Гликерий, ставленник Гундобада, при поддержке армии стал императором в Равенне и сразу же отправился в Рим, где и находился все время [6, p. 154]. Юлий Непот из Восточной империи прибыл в Равенну, откуда отправился в свою постоянную резиденцию – Рим, затем бежал оттуда в Далмацию, будучи смещен Орестом (Anon. Val. VII. 36). Последний же возвел на трон своего сына Ромула в Равенне, где тот и был впоследствии свергнут. Таким образом, после 440 г. именно из Рима чаще всего правили римские императоры. Августы могли быть провозглашены таковыми в Равенне или Арле, если они происходили из армейской среды или галльской аристократии, однако затем все равно по какой-то причине устремлялись в Рим.

В то же время пребывание в старой имперской столице было для императоров далеко не безопасным. Прежде всего, Рим был уязвим для вражеских вторжений, о чем свидетельствуют, в частности, нападения на Город вестготов под предводительством Алариха в 410 г. и вандалов во главе с Гейзерихом в 455 г. А в 472 г. Рим стал полем битвы в ходе гражданской войны между Рицимером и Антемием, когда первый провозгласил императором Олибрия и осаждал Рим в течение пяти месяцев (Prisc. Fr. 64. 1). Это имело разрушительные последствия для города, ведь осажденным приходилось долгое время голодать, городская инфраструктура страдала от уличных сражений, и вся экономическая жизнь города замирала (Ioan. Ant. Fr. 232; Prisc. Fr. 64). Однако в Риме все еще оставалось весьма многочисленное население; властям в условиях периодических разрушений и разграблений приходилось обеспечивать его всем необходимым и следить за порядком, что не всегда удавалось и было чревато мятежами и переворотами. Например, в голоде 456 г. народ обвинял Авита, из-за чего в Городе возникли стихийные волнения (Prisc. Fr. 32). Кроме того, влиятельные сенаторские группировки могли оказывать давление на власть. Так, в гражданской вой-

не 472 г. часть сенаторов поддерживала Антемия, а часть – Рицимира (Prisc. Fr. 64; Ioan. Ant. Fr. 232. 1). Нередко императоры ощущали угрозу со стороны своих приближенных и карали их за измену, как, например, сенатора Романа и преторианского префекта Арванда (Cass. Chron. 1289; Prisc. Fr. 62; Sid. Ap. Ep. I. 7. 5). Однако ни один из перечисленных факторов не заставил императоров окончательно покинуть древнюю столицу и укрыться в Равенне, где находился верный гарнизон и можно было жить в относительной безопасности перед лицом варварских вторжений. Чем же мотивирована важность Рима для императоров несмотря на большое количество недостатков пребывания в древнем Городе?

Сам А. Жиллет объясняет это присутствием в Риме значительного числа представителей senatorской аристократии, которая отличалась своим богатством и влиянием. Нахождение императора в непосредственной близости от упомянутой группы людей облегчало установление над ней политического контроля [6, p. 163]. Однако, например, М. Зальцман полагает, что императоры были вынуждены считаться с местными элитами по причине их значительного влияния на настроения масс, в противном случае они рисковали потерять власть [7]. Другие высказывали мнение, что появление императора в Риме означало для senatorской аристократии возможность принимать участие в управлении [8, p. 358–360; 9, p. 173; 10, p. 41].

Таким образом, с одной стороны, императоры старались держаться к сенаторам как можно ближе, чтобы иметь возможность осуществлять над ними контроль, а с другой – они были вынуждены получать от сената одобрение по тем или иным политическим вопросам. В 440–476 гг. к власти приходило немало «сенатских» императоров, однако сомнительно, что именно приведенный факт является свидетельством значительного влияния сената на управление империей, поскольку, к примеру, Майориан отсутствовал в Риме и в то же самое время с легкостью получал одобрение сената по случаю назначений должностных лиц или собственной инаугурации [11, p. 104]. Да и прежде сенат никогда не отклонял императорских инициатив.

Более того, во внутренней политике военные обладали гораздо более весомым влиянием. Например, те же «сенатские» императоры, хотя и происходили из знатных семей и имели широкие гражданские полномочия, оказывались в полной зависимости от авторитетного военного магистра – сначала Рицимера, а потом Гундобада или Ореста (например, Либий Север (Cass. Chron. 461, Marc. Com. 461), Олибрий (Marc. Com. 472)). Напротив, более или менее значительной свободой действий располагали «солдатские» императоры, особенно поддержанные Константинополем. Однако главные политические решения все же принимались в Риме, хотя рост влияния senatorской аристократии в V в. сомнению не подлежит [7; 12, p. 466, 468; 13, p. 30; 14, p. 51; 15, p. 28]. Именно представители аристократических родов Дециев, Анициев, Акониев и некоторых других занимали наиболее значительные и почетные должности в римской администрации (Cass. Var. III. 5, 6, 12; IV. 25; V. 3, 4; IX. 22). Так, только они, за редчайшим исключением, являлись префектами претория и префектами Рима, квесторами дворца, комитами финансов, *magister officiorum*, консулами и т. д. Однако М. Макэвой в то же время отмечает, что Рим тогда сохранял еще и свое большое символическое значение, поскольку обладал необходимой инфраструктурой для проведения впечатляющих демонстраций императорского величия – это, по ее мнению, и стало причиной местопребывания там августов [11, p. 96].

Хотя Город и не являлся императорской резиденцией с конца III до середины IV в., в нем всегда ощущалось императорское присутствие, поэтому Рим был исключительно важен для легитимации власти императора. Недаром Константин I Великий (Pan. Lat. IX), Кон-

станций II (Amm. Marc. XVI. 10. 4–12), Феодосий I Великий (Pan. Lat. XII), Гонорий (Claud. De VI cons. Non) регулярно в него торжественно въезжали. Там воздвигались императорские статуи [16, с. 117–118] и оглашались эдикты [17]. Императоры уделяли внимание и восстановлению Рима после нашествия вестготов (CIL VI. 1193; Olymp. Fr. 25). Валентиниан праздновал квинквиналии в Риме еще до того момента, как он окончательно избрал его своей резиденцией (RIC X. 32, 175; Sid. Ap. Carm. XXIII. 305, 423). Новеллы Майориана – императора, который бывал в Риме лишь изредка, – свидетельствуют о заботе, которую он проявлял о Риме и сенате (Nov. Mai. 1, 10).

В хронографе 354 г., принадлежавшем богатому римлянину-христианину, перечисляются празднества в честь императоров [18, р. 137–157, 181–182]. Они являлись обязательной частью календаря, который структурировал распорядок жизни в Городе. Праздники и церемонии, связанные с императором и его семьей, были наиболее частыми и важными из всех, значительное количество *ludi* и *circenses* проводилось именно в их контексте. Такими значимыми днями были дни рождения самого императора или кого-то из членов его семьи, годовщина восшествия на престол, *adventus*, громкие победы. Более того, в воскресенье, а также в дни христианских праздников запрещалось проводить какие-либо увеселительные мероприятия, однако знаменательные даты жизни августов оказывались исключениями (Cod. Theod. II. 8. 20). Императоры в целом проявляли немалую заботу о том, чтобы увеселения проводились либо в их честь, либо по какому-то другому поводу: «Точно так же, как мы уже отменили светские обряды спасительным законом, мы не позволяем отменять праздничные собрания граждан и общее удовольствие для всех. Следовательно, мы постановляем, что, согласно древнему обычаю, людям должны быть предоставлены развлечения, но без каких-либо жертвоприношений или каких-либо проклятых суеверий, и им должно быть разрешено посещать праздничные банкеты, когда того потребует общественная воля»¹ (Cod. Theod. XVI. 10. 17). Упомянутые мероприятия происходили в отсутствие самих императоров. Конечно, источник 354 г. не может достоверно описать картину начала V в., однако и в 354 г. Рим не был главным местом пребывания августов и так же редко удостоивался их внимания, как и в начале V в. Таким образом, Рим даже не будучи резиденцией императоров в IV – начале V в. был не менее значимым элементом конструирования системы поддержки императорской власти, чем все остальные города, а в каком-то смысле и более значимым, поскольку являлся историческим центром *ra*х *Romana*, центром, откуда происходила римская власть (e.g. Sid. Ap. Carm. V. 586–593). А значит, в течение V в., когда императоры стали гораздо чаще пребывать в Риме, Город тем более сохранил свою идеологическую значимость.

Ритуал *adventus* и Рим

Одним из основных ритуалов, который демонстрировал императорскую власть и выстраивал императорскую репрезентацию, был, несомненно, *adventus* (об адвенте см. [13; 19–26]). Однако в случае поздней Античности в научной литературе не сложилось четкого понимания того, что являлось адвентом, а что – триумфом. Некоторые исследователи, к которым относятся, например, М. Маккормик и С. Маккормак, интерпретируют любые торжественные шествия одинаково, только первый называет их триумфами [27, р. 16, 35–79], а вторая – адвентусом [20, S. 726; 21, р. 55, 73, 80]. Другие же ученые, такие как Р. Пфайльшифтер или П. Ливерани, разделяют эти два явления, при этом последний утверждает, что как таковых триумфов после V в. более не существовало [28, S. 463; 29, S. 500]. И дей-

¹ Перевод наш. – В. К.

ствительно – триумф в традиционном понимании предполагал возвращение победоносного полководца под общее ликование и городское празднование, в течение которого демонстрировались трофеи и пленные, император уподоблялся Юпитеру и завершал свое шествие в храме Юпитера на Капитолии. Со времени Константина жертвоприношение в Капитолии больше не совершалось, император Юпитеру не уподоблялся, а к V в. он уже даже не был полководцем. Более того, не демонстрировались ни трофеи, ни пленные, главным образом потому что праздновались победы в гражданских войнах. Размытию же разницы между адвентусом и триумфом способствовало еще и то, что с IV в. торжественное шествие в том числе в честь победы императора могло происходить без привязки к конкретному политическому событию. Как бы то ни было, *adventus* – это торжественный въезд императора в город, во время которого горожане приветствовали августа, выкрикивали поздравления и слова поддержки в его адрес. Сам город всячески украшался, готовился к пышному празднованию, которое следовало после императорского триумфального шествия. Момент адвента становился апогеем императорского торжества: правитель утверждал свою власть над Городом и подданными, которые демонстрировали свою лояльность суверену. Более того, в то время, когда римляне были разделены по религиозному признаку – на язычников и христиан, торжества в честь императора обеспечивали общность церемониала, в котором принимали участие все горожане независимо от их религиозной принадлежности.

Церемониал был важным компонентом деятельности императора по утверждению своей легитимности. Адвент в упомянутом плане имел огромную значимость. В ходе ритуала, с точки зрения С. Маккормак, выступал не столько конкретный император, сколько обезличенная, абсолютная власть, воплощенная в фигуре правителя, — «вечное присутствие», нисходящее с небес [21, р. 43]. Этот ритуал должен был внушить подданным мысль о невозможности никакой другой власти, а демонстрация добродетелей правителя подразумевала благие последствия его власти для подданных. По мнению исследователя, стремление римлян увидеть императора означало их внутреннее согласие с его правлением [21, р. 6–8, 46–48].

Кроме того, полноценными участниками *adventi* оказывались и местные элиты, которые встречали августа, организовывали все торжества и сопровождали его. Это давало им возможность привлечь внимание императора к себе и получить повышение по службе – как это действительно произошло с Сидонием [11, р. 104]. Часто подготовка к ритуалу предполагала возведение памятников, реконструкцию зданий или строительство новых. Своими присутствием, речью и щедростью император осязаемым образом демонстрировал власть над городом, население которого не видело его в обычные дни [10, р. 31]. А в период, когда императоры снова избрали своей резиденцией древнюю столицу, адвентус демонстрировал *concordiam augusti senatusque*, ведь обе стороны оказывались его полноправными участниками. Более того, в период правления Валентиниана III (425–455 гг.) участие сената в управлении империей активно подчеркивалось. Например, Валентиниан III обнародовал Кодекс Феодосия через сенат, посольство к Атилле было отправлено от имени принцепса и сената римского народа (Prosp. Chron. 1367), Майориан, Ливий Север и Антемий объясняли свое возвышение содействием сената (Nov. Maior. I; Hyd. Chron. 211; Prisc. Fr. 50; Sid. Ap. Carm. II. 13, 19, 221, 478–482), судебные дела об измене заслушивались в сенате (Sid. Ap. Ep. I. 7. 9–10).

Однако С. Маккормак – главный и самый авторитетный специалист по адвенту – утверждает, что на Западе после 404 г. адвент больше не проводился [20, S. 743], поскольку отсутствуют его описания. Последний адвент датируется 404 г., и упоминание о нем

принадлежит придворному поэту Гонория Клавдию Клавдиану. В дальнейшем ничего подобного не отмечено, хотя Сидоний Аполлинарий стал автором трех панегириков в честь императоров Авита, Антемия и Майорана и, по словам С. Маккормак, подражал Клавдиану. Однако мы не можем полностью согласиться с исследователем, ведь намек на *adventus* в тексте Сидония все-таки присутствует. Писатель говорит о будущем императорском триумфе «на манер предков <...> [на котором] золотой Капитолий будет взирать на закованных в цепи царей»² (Sid. Ap. Carm. V. 586–593). Когда в 416 г. Гонорий отпраздновал победу над Приском Атталом, была организована традиционная триумфальная процессия; в ней по улицам Рима провели побежденного узурпатора в оковах (Prosper. Chron. 1263). Приезд Гонория в Рим и празднование императорского триумфа – это не что иное, как *adventus* [29, p. 488]. Император представал перед гражданами в образе умиротворителя империи, подражая Константину Великому, победившему Максенция.

Неисследованным пока остается вопрос о проведении церемоний адвента после смерти Гонория (423 г.), поскольку не сохранилось не только их описаний, но даже достаточно точных упоминаний о самих фактах торжественного въезда императора в Рим. Однако имеется большое количество косвенных данных, на основании которых можно утверждать, что традиция проведения столь значимого ритуала сохранялась вплоть до конца Западной Римской империи. Адвент в период поздней Античности требовал соответствующих декораций [30], поэтому многие города строились в соответствии с этой целью: закладывались широкие улицы с портиками, проходившие через ключевые точки города – публичные места, императорскую резиденцию, амфитеатр или ипподром. Также стоит отметить триумфальные арки, колонны, городские стены и ворота.

Х. Дей [31; 13], Л. Лаван [32], П. Ливерани [30], изучая топографию Рима IV–V вв., восстанавливали гипотетический путь триумфального шествия. Прежде всего они отмечали *porticus maximus*, который соединял цирк Фламиния с мостом Элия – он проходил через арки Феодосия I, Валентиниана II и Грациана (CIL VI. 1184), там же находились арки, посвященные Аркадию, Гонорию и Феодосию II (CIL VI. 1196) [30, p. 505]. Другая важная для адвента улица вела от ворот Святого Павла в стене Аврелиана вдоль *via Ostiensis* к церкви Святого Павла, еще одна – от Тибуртинских ворот вдоль Тибуртинской дороги по направлению к базилике Сан-Лоренцо. Вероятно, эти упомянутые улицы продолжали использоваться для торжественных процессий на протяжении всего V в., тогда как ни о каком прокладывании новых маршрутов говорить не приходится в связи с общим упадком городской инфраструктуры, усугубленным разгромами Рима – в 455 и 472 гг. Неслучайно упомянутые дороги вели к базиликам. Если в эпоху Ранней империи триумф и адвент предполагали обязательное жертвоприношение в храме Юпитера Капитолийского, то со времен Константина подобная практика не использовалась [24, p. 173; 33, p. 397]. Исследователи, опираясь на сообщение Августина, полагают, что по крайней мере уже со времен Гонория церемониал торжественного прибытия императора включал обязательное посещение базилики Петра [10, p. 49; 24, p. 197; 30, p. 95; 30, p. 505]. С приведенным мнением согласны не все ученые; в частности, Р. Пфайльшифтер отнесся к сообщению Августина скептически, поскольку невозможно с точностью определить, являлось ли посещение гробницы частью именно триумфального шествия, а не отдельным событием церемониальной жизни императора [28, S. 467–468]. Однако построенные

² Перевод наш. – В. К.

в V в. триумфальные арки, портики и колонны, через которые триумфант должен был пройти, располагались как раз на пути к базиликам.

С учетом вышеизложенного косвенным свидетельством проведения адвента является письмо Валентиниана III 450 г. Феодосию II о посещении им Рима, чтобы помолиться в храме Святого Петра (PL 54, 857), также мы знаем, что и Антемий в 467 г. посетил храм (CSEL 35, Epist. XCV. 61). В своей хронике Кассиодор отмечает, что «Антемий был послан императором Львом в Италию [в 467 году], а он [Антемий] принял власть на третьей вехе от Города в месте под названием Бронтоны» (Cass. Chron. 467); кроме того, Идаций сообщает, что Антемий был провозглашен августом в восьми милях от Рима (Hyd. Chron. 231). Традиционно прибытие императора, обычно в сопровождении своей армии, ожидалось сенатом и народом Рима заблаговременно: к нему готовились. Делегация из представителей всех сословий покидала Город, чтобы поприветствовать августа в заранее условленном месте за городскими стенами. После этого формального приветствия император въезжал в Город в торжественном облачении, а его появление сопровождалось громкими приветственными кликами. Совокупность косвенных признаков, отраженных в источниках, позволяет нам утверждать, что адвент Антемия в Рим действительно имел место, ведь посещение им храма Святого Петра описано в том же ключе, что и посещение храма Гонорием, который, по общему убеждению исследователей, совершал *adventus*. Об этом же говорят и свидетельства из разных источников о принятии императором власти вне стен города.

Восточных императоров в V в. тоже встречали во дворце Хебдомоне за пределами Константинополя, после чего пышная процессия следовала в город [9, р. 178.]. Картина вступления в Город Антемия, провозглашенного августом вне городских стен Рима, без какой бы то ни было торжественной процессии, таким образом, представляется маловероятной. Известно также, что Авит, Либий Север [6, р. 151], Олибрий, Глицерий [6, р. 154] и Юлий Непот тоже были провозглашены августами за пределами Вечного города и прибыли в Рим уже в качестве императоров (Hyd. Chron. 163; Marc. Com. Chron. 472. 2; Iord. Chron. 338; Marcell. Com. Chron. 475. 2). Все эти августы, получив власть, сразу же отправлялись в Рим. Вероятно, их встреча в древней столице была оформлена в соответствии со всеми правилами адвента. Немаловажными являются нумизматические свидетельства: императоры V в. регулярно изображались на монетах в позах, характерных для адвента, то есть с поднятой правой рукой, при этом они могли находиться на коне: Гонорий (RIC X. 47c; RIC IX. 29c; RIC X. 369), Феодосий II (RIC X. 370), Лев (RIC X. 644), Маркиан (RIC X. 501).

Кроме того, известно, что «изображения императора Маркиана вошли в Рим на третий день перед апрельскими календами» (Prosp. Chron. 490). По-видимому, здесь идет речь о церемониале *adventus*. В книге церемоний Константина Багрянородного говорится о встрече «портретов» Антемия в Константинополе в 468 г. (Const. Porph. De Caer. I. 87). Изображения императора должны были рассматриваться как символы его зримого присутствия при физическом отсутствии. В текстах регулярно упоминается о том, что император и его изображение практически тождественны и «портрет» суверена следует чествовать точно так же, как чествовали бы его самого [16, с. 119]. Таким образом, достаточно обоснованным представляется суждение о том, что если в источнике упоминается торжественная встреча императорских изображений, то и сам император *de facto* удостоивался аналогичных почестей в ходе адвента.

После 476 г. ритуал *adventi* на Западе вовсе не канул в лету. В 500 г. состоялась пышная церемония вступления в Рим короля Теодориха Великого, во время которой были соблюдены многие традиции помпезных императорских встреч: за городскими стенами власти-

теля приветствовала делегация сената, на всем пути следования торжественной процессии его встречали ликующими возгласами восторженные толпы, по мере продвижения шествия Теодорих произносил речи перед сенатом и народом, он поселился в императорском дворце, в дальнейшем демонстрировал свою щедрость, организовав зрелища в цирке, раздачу хлеба и вина, а также реставрацию общественных зданий (Anon. Val. 65–7. 48). Теодорих, безусловно, в полной мере осознавал символический характер своего визита; недаром он торжественно объявил народу, что сохранит привилегии, дарованные прежними императорами римскому плебсу. После этого король-арианин посетил базилику Святого Петра. Впоследствии средневековые монархи, короли и императоры тоже исполняли ритуал адвента. Судя по хронике Фредегара, сначала это делали Меровинги, а затем Карл Великий [25, р. 137]. То же относится и к римским папам [20, S. 747]. Таким образом, даже в Средневековье ритуал адвента продолжал жить в качестве элемента репрезентации как светской, так и духовной власти, поэтому, безусловно, знаменитый адвент Гонория ни в коем случае не мог быть на Западе последним.

Заключение

Таким образом, на всем протяжении V в., когда императоры нередко посещали Рим, а некоторые из них жили в нем практически постоянно, ритуал адвента, скорее всего, проводился довольно часто, хотя применительно к периоду 423–476 гг. не сохранилось ни одного последовательного описания этого помпезного церемониала. В чем же причина того, что на последнем этапе существования Западной Римской империи августы оставили Равенну и вернулись в Рим? Как нам представляется, здесь свою роль сыграли разные факторы: во-первых, возросшая политическая роль сената и senatorской аристократии; во-вторых, по-прежнему большое символическое значение Рима, на которое пытались опереться последние императоры Запада, чтобы хоть как-то укрепить свои ослабевавшие власть и влияние. *Adventus* в Риме демонстрировал сплочение императорской власти и сената, что было выгодно и аристократии, как бы «примерявшей на себя» часть императорской легитимности (не говоря уже об использовании самого торжества в целях собственного продвижения в рамках придворной иерархии), и самим императорам, поскольку в ходе совместного с аристократией адвента народу демонстрировались единство элиты и наличие мощной поддержки августа со стороны самых разных общественных сил. Только в Риме (ввиду его беспрецедентно высокого статуса исторической столицы империи и центра всего римского Средиземноморья, чрезвычайно значимого символического и идеологического наполнения, концентрации влиятельных лиц и магнатов, не говоря уже о массах городского плебса) могла создаваться впечатляющая картина величия и процветания империи в условиях ее прогрессирующего развала и упадка.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

Источники

- Amm. Marc. – *Ammianus Marcellinus* / Ed. by J.C. Rolfe. Cambridge: Cambridge Univ. Press. V. 1, 1935. 582 p.
- Anon. Val. – *Anonymus Valesianus*. Aus der Zeit Theoderichs des Großen. Einleitung, Text, Übersetzung und Kommentar einer anonymen Quelle / Hrsg. von I. König. Darmstadt: Wiss. Buchges., 1997. 270 S.
- Cass. Chron. – *Cassiodori senatoris chronica* // *Auctores antiquissimi* 11: *Chronica minora saec. IV. V. VI. VII. (II)* / Hrsg. Von T. Mommsen. Berlin: apud Weidmannos, 1894. S. 120–161.

- CIL – Corpus Inscriptionum Latinarum. VI. Inscriptiones urbis Romae Latinae. Collegerunt G. Henzen, I.B. De Rossi, E. Bormann, Chr. Huelsen, M. Bang. Berlin, 1876–2000.
- Claud. De VI cons. Hon. – *Claudian*. Panegyricus de Sexto Consulatu Honorii Augusti / Ed. by M. Dewar. Oxford: Oxford Univ. Press, 1996. 492 p.
- Const. Porph. De Caer. – *Constantine Porphyrogenetos*. The Book of Ceremonies / Ed. by A. Moffat and M. Tall. Leiden: Brill, 2017. 870 p.
- Hyd. Chron. – *Hydatius*. Continuatio Chronicorum Hieronymianorum // Auctores antiquissimi 11: Chronica minora saec. IV. V. VI. VII. (II) / Hrsg. von T. Mommsen. Berlin: apud Weidmannos, 1894. S. 1–37.
- Iord. Get. – *Jordanes*. Romana and Getica / Ed. by P. Van Nuffelen and L. Van Hoof. Liverpool: Liverpool Univ. Press, 2020. 480 p.
- Marc. Com. – Marcellini comitis chronicon // Auctores antiquissimi 11: Chronica minora saec. IV. V. VI. VII. (II) / Hrsg. von T. Mommsen. Berlin: apud Weidmannos, 1894. S. 37–104.
- Nov. Maior. – The novels of the sainted Majorian Augustus // The Theodosian Code and Novels and the Sirmondian Constitutions / Ed. by C. Pharr. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1952. P. 551–561.
- Nov. Val. – The novels of the sainted Valentinian Augustus // The Theodosian Code and Novels and the Sirmondian Constitutions / Ed. by C. Pharr. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1952. P. 515–550.
- Pan. Lat. – Латинские панегирики. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 672 с.
- Prisc. fr. – *Priscus Panita*. Excrepta et fragmenta // Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana. Berlin; New York, NY: Walter de Gruyter, 2008. 140 p.
- Prosp. Chron. – Prosperi Tironis epitoma chronicon // Auctores antiquissimi 9: Chronica minora saec. IV. V. VI. VII. (II) / Hrsg. von T. Mommsen. Berlin: apud Weidmannos, 1894. S. 341–500.
- RIC – Roman Imperial Coinage. IX / H. Mattingly et al. (eds.) London: Spink, 1972. 334 p.; X / Ed. by J.P.C. Kent et al. London: Spink, 1984. 856 p.
- Sid. Ap. – Auctores antiquissimi 8: Gai Solii Apollinaris Sidonii Epistulae et carmina. Fausti aliorumque epistula ad Ruricius aliosque // Monumenta Germaniae Historica / Hrsg. von C. Lütjohann. Berlin: Weidmann, 1887. 484 S.
- PL – Patrologiae cursus completus: sive Bibliotheca universalis. V. 54. Paris: J.P. Migne, 1846. 1574 p.
- CSEL – Epistulae imperatorum pontificum aliorum inde ab a. CCCLXVII usque ad a. DLIII datae Avellana quae dicitur collectio, pars I: ep. 1–104 / Ed. by O. Guenther. Vindobonae: F. Tempsky, 1895. 493 p.

Литература

1. Gibbon E. The History of the Decline and Fall of the Roman Empire: 6 v. Dublin: Printed for W. Hallhead, 1781. V. III. 399 p.
2. Seeck O. Geschichte des Untergangs der antiken Welt. Stuttgart: J.B. Metzlersche Verlagsbuchhandl., 1920. Bd. VI. 380 S.
3. Bury J. History of the Later Roman Empire: From the Death of Theodosius I to the Death of Justinian (A.D. 395 to A.D. 565): 2 v. London: Macmillan and Co., Ltd., 1923. V. 1. 471 p.
4. Brown P. The World of Late Antiquity. From Marcus Aurelius to Muhammad. London: Thames and Hudson, 1971. 216 p.
5. Demandt A. Geschichte der Spätantike das Römische Reich von Diocletian bis Justinian 284–565 n. Chr. Ser.: Beck's historische Bibliothek. München: Verlag C.H. Beck, 2008. 604 S.
6. Gillett A. Rome, Ravenna, and the last western emperors // Pap. B. Sch. Rome. 2001. V. 69. P. 131–167. <https://doi.org/10.1017/S0068246200001781>.
7. Salzman M. The Falls of Rome. Crises, Resilience, and Resurgence in Late Antiquity. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2021. 462 p. <https://doi.org/10.1017/9781316275924>.
8. Matthews J. Western Aristocracies and Imperial Court AD 364–425. Oxford: Clarendon Press; New York, NY: Oxford Univ. Press, 1975. xiv, 427 p.

9. *McEvoy M.* Rome and the transformation of the imperial office in the late fourth-mid-fifth centuries AD // *Pap. B. Sch. Rome*. 2010. V. 78. P. 151–192. <https://doi.org/10.1017/S0068246200000854>.
10. *Humphries M.* From emperor to pope? Ceremonial, space, and authority at Rome from Constantine to Gregory the Great // *Religion, Dynasty, and Patronage in Early Christian Rome, 300–900* / Ed. by K. Cooper, J. Hillner. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007. P. 21–58. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511482731.002>.
11. *McEvoy M.* Shadow emperors and the choice of Rome (455–476 AD) // *Antiquité Tardive*. 2017. V. 25. P. 95–112. <https://doi.org/10.1484/J.AT.5.114852>.
12. *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire 284–602: A Social, Economic and Administrative Survey: 3 v. Oxford: Basil Blackwell, 1964. V. 2. 1068 p.
13. *Dey H.* The Afterlife of the Roman City: Architecture and Ceremony in Late Antiquity and the Early Middle Ages. New York, NY: Cambridge Univ. Press, 2014. 296 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781107706538>.
14. *Machado C.* The Roman aristocracy and the imperial court, before and after the sack // *The Sack of Rome in 410 AD: The Event, Its Context and Its Impact* / Ed. by J. Lipps, C. Machado, P. von Rummel. Ser.: Palilia. Bd 28. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2013. S. 49–71.
15. *Whittow M.* Ruling the late Roman and early Byzantine city: A continuous history // *Past & Present*. 1990. V. 129, No 1. P. 3–29. <https://doi.org/10.1093/past/129.1.3>.
16. *Конопаткин В.А.* Imagines Augusti: к вопросу о роли императорских изображений в городах Поздней Римской империи // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2023. № 4. С. 116–123. <https://doi.org/10.18503/1992-0431-2023-3-81-116-123>.
17. *Конопаткин В.А.* Законодательство как средство публичной коммуникации в Поздней Римской империи в IV веке // *Знак: проблемное поле медиаобразования*. 2022. № 4 (46). С. 115–122. <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2022-10415>.
18. *Salzmann M.* On Roman Time: The Codex-Calendar of 354 and the Rhythms of Urban Life in Late Antiquity. Ser.: Transformation of the Classical Heritage. V. 17. Berkeley, CA, Los Angeles, CA, Oxford: Univ. of California Press, 1991. xxii, 315 p. <https://doi.org/10.1525/9780520909106>.
19. *Dufraigne P.* Adventus Augusti, adventus Christi: Recherche sur l'exploitation idéologique et littéraire d'un ceremonial dans l'antiquité tardive. Paris: Inst. d'études augustiniennes, 1994. 520 p.
20. *MacCormack S.* Change and continuity in late antiquity: The ceremony of Adventus // *Hist.: Z. Alte Gesch.* 1972. Bd. 21, H. 4. S. 721–752.
21. *MacCormack S.* Art and Ceremony in Late Antiquity. Ser.: Transformation of the Classical Heritage. V. 1. Berkeley, CA, Los Angeles, CA, London: Univ. of California Press, 1981. xvi, 417 p. 63 plates.
22. *Kelly C.* Ruling the Later Roman Empire. Ser.: Revealing Antiquity. V. 15. Cambridge, MA, London: Belknap Press of Harvard Univ. Press, 2004. ix, 341 p.
23. *Wienand J.* Der Kaiser als Sieger. Metamorphosen triumphaler Herrschaft unter Constantin I. Ser.: KLIO / Beihefte. Neue Folge. Bd. 19. Berlin: Akad. Verlag, 2012. 646 S. <https://doi.org/10.1524/9783050059044>.
24. *Wienand J.* “O tandem felix civili, Roma, victoria!” Civil-war triumphs from Honorius to Constantine and back // *Contested Monarchy: Integrating the Roman Empire in the Fourth Century AD* / Ed. by J. Wienand. Ser.: Oxford Studies in Late Antiquity. Oxford: Oxford Univ. Press, 2015. P. 169–197. <https://doi.org/10.1093/oso/9780199768998.003.0012>.
25. *Latham J.* Rolling out the red carpet, Roman-style: The arrival at Rome from Constantine to Charlemagne // *Urban Developments in Late Antique and Medieval Rome: Revising the Narrative of Renewal* / Ed. by G. Kalas, A. van Dijk. Ser.: Social Worlds of Late Antiquity and the Early Middle Ages. V. 9. Amsterdam: Univ. Press, 2021. P. 109–148. https://doi.org/10.5117/9789462989085.ch04_WM.
26. *Lehnen J.* Adventus Principis. Untersuchungen zu Sinngehalt und Zeremoniell der Kaiserankunft in den Städten des Imperium Romanum. Ser.: Prismata. Bd. 7. Frankfurt: P. Lang, 1997. 421 S.

27. McCormick M. *Eternal Victory: Triumphal Rulership in Late Antiquity, Byzantium and the Early Medieval West*. Ser.: Past and Present Publications. Cambridge: Cambridge Univ. Press; Paris: Ed. de la Maison des Sciences de l'Homme, 1990. xx, 452 p.
28. Pfeilschifter R. *Der römische Triumph und das Christentum // Der römische Triumph in Prinzipat und Spätantike* / Hrg. von J. Wienand, F. Goldbeck. Berlin, Boston, MA: de Gruyter, 2017. S. 455–487. <https://doi.org/10.1515/9783110448009-018>.
29. Liverani P. *Victors and pilgrims in late antiquity and the early Middle Ages // Fragmenta*. 2007. V. 1. P. 83–102. <https://doi.org/10.1484/J.FRAG.2.302095>.
30. Liverani P. *Roma tardoantica come spazio della rappresentazione trionfale // Der römische Triumph in Prinzipat und Spätantike* / Hrsg. von J. Wienand, F. Goldbeck. Berlin, Boston, MA: de Gruyter, 2017. S. 487–511. <https://doi.org/10.1515/9783110448009-019>.
31. Конопаткина В.А. Позднеантичный город как пространство репрезентации римской императорской власти в IV–V вв. // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. 2022. Вып. 22 (1–2). С. 170–189. <https://doi.org/10.25990/mnemon.0aw8-yv83>.
32. Dey H.W. *The Aurelian Wall and the Refashioning of Imperial Rome, AD 271–855*. New York, NY: Cambridge Univ. Press, 2011. xvi, 360 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511974397>.
33. Lavan L. *Public Space in the Late Antique City: 2 v. Pt. 2: Sites, buildings, dates*. Suppl. Ser.: Late Antique Archaeology. Vol. 5. Leiden: Brill, 2021. xxix, 1072 p. <https://doi.org/10.1163/9789004423824>.

References

1. Gibbon E. *The History of the Decline and Fall of the Roman Empire*. Vol. III. Dublin, Printed for W. Hallhead, 1781. 399 p.
2. Seeck O. *Geschichte des Untergangs der antiken Welt*. Bd. VI. Stuttgart, J.B. Metzlersche Verlagsbuchhandl., 1920. 380 S. (In German)
3. Bury J. *History of the Later Roman Empire: From the Death of Theodosius I to the Death of Justinian (A.D. 395 to A.D. 565)*. Vol. 1. London, Macmillan and Co., Ltd., 1923. 471 p.
4. Brown P. *The World of Late Antiquity. From Marcus Aurelius to Muhammad*. London, Thames and Hudson, 1971. 216 p.
5. Demandt A. *Geschichte der Spätantike das Römische Reich von Diocletian bis Justinian 284–565 n. Chr.* Ser.: Beck's historische Bibliothek. München, Verlag C.H. Beck, 2008. 604 S. (In German)
6. Gillett A. Rome, Ravenna, and the last western emperors. *Papers of the British School at Rome*, 2001, vol. 69, pp. 131–167. <https://doi.org/10.1017/S0068246200001781>.
7. Salzman M.R. *The Falls of Rome. Crises, Resilience, and Resurgence in Late Antiquity*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2021. 462 p. <https://doi.org/10.1017/9781316275924>.
8. Matthews J. *Western Aristocracies and Imperial Court AD 364–425*. Oxford, Clarendon Press; New York, NY, Oxford Uni. Press, 1975. xiv, 427 p.
9. McEvoy M. Rome and the transformation of the imperial office in the late fourth–mid-fifth centuries AD. *Papers of the British School at Rome*, 2010, vol. 78, pp. 151–192. <https://doi.org/10.1017/S0068246200000854>.
10. Humphries M. From emperor to pope? Ceremonial, space, and authority at Rome from Constantine to Gregory the Great. In: Cooper K., Hillner J. (Eds.) *Religion, Dynasty, and Patronage in Early Christian Rome, 300–900*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2007, pp. 21–58. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511482731.002>.
11. McEvoy M. Shadow emperors and the choice of Rome (455–476 AD). *Antiquité Tardive*, 2017, vol. 25, pp. 95–112. <https://doi.org/10.1484/J.AT.5.114852>.
12. Jones A.H.M. *The Later Roman Empire, 284–602: A Social Economic and Administrative Survey*. Vol. 2. Oxford, Basil Blackwell, 1964. 1068 p.

13. Dey H. *The Afterlife of the Roman City: Architecture and Ceremony in Late Antiquity and the Early Middle Ages*. New York, NY, Cambridge Univ. Press, 2014. 296 p.
<https://doi.org/10.1017/CBO9781107706538>.
14. Machado C. The Roman aristocracy and the imperial court, before and after the sack. In: Lipps J., Machado C., von Rummel P. (Eds.) *The Sack of Rome in 410 AD: The Event, Its Context and Its Impact*. Ser.: Palilia. Bd. 28. Wiesbaden, Reichert Verlag, 2013, S. 49–71.
15. Whittow M. Ruling the late Roman and early Byzantine city: A continuous history. *Past & Present*, 1990, vol. 129, no. 1, pp. 3–29. <https://doi.org/10.1093/past/129.1.3>.
16. Konopatkin V.A. Imagines Augusti: On the role of imperial images in the cities of the Late Roman Empire. *Problemy Istorii, Filologii, Kul'tury*, 2023, no. 4, pp. 116–123.
<https://doi.org/10.18503/1992-0431-2023-3-81-116-123>. (In Russian)
17. Konopatkin V.A. Legislation as a means of public communication in the Late Roman Empire in the fourth century. *Znak: Problemnoe Pole Mediaobrazovaniya*, 2022, no. 4 (46), pp. 115–122.
<https://doi.org/10.47475/2070-0695-2022-10415>. (In Russian)
18. Salzmann M. *On Roman Time: The Codex-Calendar of 354 and the Rhythms of Urban Life in Late Antiquity*. Ser.: Transformation of the Classical Heritage. Vol. 17. Berkeley, CA, Los Angeles, CA, Oxford, Univ. of California Press, 1991. xxii, 315 p. <https://doi.org/10.1525/9780520909106>.
19. Dufraigne P. *Adventus Augusti, adventus Christi: Recherche sur l'exploitation idéologique et littéraire d'un ceremonial dans l'antiquité tardive*. Paris, Inst. d'études augustiniennes, 1994. 520 p. (In French)
20. MacCormack S. Change and continuity in late antiquity: The ceremony of *Adventus*. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*, 1972, Bd. 21, H. 4, S. 721–752.
21. MacCormack S. *Art and Ceremony in Late Antiquity*. Ser.: Transformation of the Classical Heritage. Vol. 1. Berkeley, CA, Los Angeles, CA, London, Univ. of California Press, 1981. xvi, 417 p. 63 plates.
22. Kelly C. *Ruling the Later Roman Empire*. Ser.: Revealing Antiquity. Vol. 15. Cambridge, MA, London, Belknap Press of Harvard Univ. Press, 2004. ix, 341 p.
23. Wienand J. *Der Kaiser als Sieger. Metamorphosen triumphaler Herrschaft unter Constantin I.* Ser.: KLIO / Beihefte. Neue Folge. Bd. 19. Berlin, Akad. Verlag, 2012. 646 S.
<https://doi.org/10.1524/9783050059044>. (In German)
24. Wienand J. “O tandem felix civili, Roma, victoria!” Civil-war triumphs from Honorius to Constantine and back. In: Wienand J. (Ed.) *Contested Monarchy: Integrating the Roman Empire in the Fourth Century AD*. Ser.: Oxford Studies in Late Antiquity. Oxford, Oxford Univ. Press, 2015, pp. 169–197.
<https://doi.org/10.1093/oso/9780199768998.003.0012>.
25. Latham J. Rolling out the red carpet, Roman-style: The arrival at Rome from Constantine to Charlemagne. In: Kalas G., van Dijk A. (Eds.) *Urban Developments in Late Antique and Medieval Rome: Revising the Narrative of Renewal*. Ser.: Social Worlds of Late Antiquity and the Early Middle Ages. Vol. 9. Amsterdam, Univ. Press, 2021, pp. 109–148. https://doi.org/10.5117.9789462989085.ch04_WM.
26. Lehnen J. *Adventus Principis. Untersuchungen zu Sinngehalt und Zeremoniell der Kaiserankunft in den Städten des Imperium Romanum*. Ser.: Prismata. Bd. 7. Frankfurt, P. Lang, 1997. 421 S. (In German)
27. McCormick M. *Eternal Victory: Triumphal Rulership in Late Antiquity, Byzantium and the Early Medieval West*. Ser.: Past and Present Publications. Cambridge, Cambridge Univ. Press; Paris, Ed. de la Maison des Sciences de l'Homme, 1990. xx, 452 p.
28. Pfeilschifter R. Der römische Triumph und das Christentum. In: Goldbeck F., Wienand J. (Hrsg.) *Der römische Triumph in Prinzipat und Spätantike*. Berlin, Boston, MA, de Gruyter, 2017, S. 455–486.
<https://doi.org/10.1515/9783110448009-018>. (In German)
29. Liverani P. Victors and pilgrims in late antiquity and the early Middle Ages. *Fragmenta*, 2007, vol. 1, pp. 83–102. <https://doi.org/10.1484/J.FRAG.2.302095>.
30. Liverani P. Roma tardoantica come spazio della rappresentazione trionfale. In: Goldbeck F., Wienand J. (Hrsg.) *Der römische Triumph in Prinzipat und Spätantike*. Berlin, Boston, MA, de Gruyter, 2017, S. 487–510. <https://doi.org/10.1515/9783110448009-019>. (In Italian)

31. Konopatkin V.A. The late antique city as a space of representation of Roman imperial power. *Mnemon. Issledovaniya i Publikatsii po Istorii Antichnogo Mira*, 2022, no. 22 (1–2), pp. 170–189. <https://doi.org/10.25990/mnemon.0aw8-yv83>. (In Russian)
32. Dey H.W. *The Aurelian Wall and the Refashioning of Imperial Rome, AD 271–855*. New York, NY, Cambridge Univ. Press, 2011. xvi, 360 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511974397>.
33. Lavan L. *Public Space in the Late Antique City*. Pt. 2: Sites, buildings, dates. Suppl. Ser.: Late Antique Archaeology. Vol. 5. Leiden, Brill, 2021. xxix, 1072 p. <https://doi.org/10.1163/9789004423824>.

Информация об авторах

Конопаткин Владислав Алексеевич, аспирант кафедры истории древнего мира, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

E-mail: vladgimn93@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4579-1753>

Author Information

Vladislav A. Konopatkin, Postgraduate Student, Department of Ancient History, Moscow State University

E-mail: vladgimn93@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4579-1753>

Поступила в редакцию 10.07.2024

Received July 10, 2024

Принята к публикации 20.10.2024

Accepted October 20, 2024

Оригинальная статья

УДК 930

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.21-31>**К вопросу о правах Адмиралтейств-коллегии на лес
в частных владениях****М.А. Пронченко***pron4enko.masha2016@yandex.ru**Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, 119991, Россия***Аннотация**

В статье рассмотрен вопрос о правоотношениях между Адмиралтейств-коллегией и частными собственниками земли с заповедным лесом, а также о статусе таких территорий на примере из российской судебной практики времен Екатерины II (Е.К. Назимова против крестьян Троице-Свияжского монастыря). В начале конфликта приказчик Е.К. Назимовой обвинил монастырских крестьян в порубке заповедных деревьев и позднее – в том, что они оставляли в лесу непотушенный огонь. Служащие Казанского адмиралтейства зафиксировали факт порубки, но не запретили подозреваемым пользоваться лесными угодьями. При анализе документов на землю выяснилось, что в купчих не упоминается о государственной регалии на лес. Видимо, в адмиралтейство не сообщалось о смене владельца земли с заповедным лесом, что свидетельствует о пробелах в лесном законодательстве. Сделан вывод о том, что Казанское адмиралтейство мало интересовалось заповедным лесом на помещичьей земле. Она не имела особого статуса, и ведомство не планировало на нее претендовать.

Ключевые слова: корабельные леса, лесное законодательство, Казанское адмиралтейство, Екатерина II, Е.К. Назимова

Для цитирования: Пронченко М.А. К вопросу о правах Адмиралтейств-коллегии на лес в частных владениях // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2025. Т. 167, кн. 1. С. 21–31. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.21-31>.

Original article

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.21-31>

On the Admiralty Collegium's rights to forests on private lands

M.A. Pronchenko

Moscow State University, Moscow, Russia

pron4enko.masha2016@yandex.ru

Abstract

This article examines the legal relations between the Admiralty Collegium and private landowners of protected forests with shipbuilding timber, as well as the status of such territories, through a case in the Russian judicial practice during the reign of Catherine II (E.K. Nazimova v. the peasants of the Holy Trinity Monastery in Sviyazhsk). The dispute arose after E.K. Nazimova's steward accused the monastery's peasants of cutting down protected trees and leaving fire pits unattended. While the allegations were raised with the Kazan Admiralty, the peasants were not barred from entering the forest. A careful analysis of the land ownership documents reveals that the land sale contracts made no reference to any state claims over the forest, thus suggesting that the Kazan Admiralty had not been notified about the change in the land's ownership. This oversight extends to broader inconsistencies in the Russian forest legislation of that time. The study concludes that the Kazan Admiralty had little interest in shipbuilding timber on private lands: such territories lacked any special legal status, and the agency had no intention to assert jurisdiction over them.

Keywords: shipbuilding timber, forestry legislation, Kazan Admiralty, Catherine II, E.K. Nazimova

For citation: Pronchenko M.A. On the Admiralty Collegium's rights to forests on private lands. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2025, vol. 167, no. 1, pp. 21–31. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.21-31>. (In Russian)

Постановка проблемы. После создания русского флота при Петре I отечественные леса отошли в ведение Адмиралтейств-коллегии: теперь они имели особую ценность, обусловленную новыми государственными интересами. В.В. Врангель связывает указанный момент с появлением инструкции обер-вальдмейстеру в 1722–1723 гг. [1, с. 14–15].

Согласно этому документу, была создана особая лесоохранная зона вокруг Волги, Оки, Западной Двины, Днепра и Дона и их притоков, а также озер – Ладожского и Ильмень, которая простиралась на 50 верст от крупных рек и на 20 – от малых. При Екатерине I лесоохранная зона была существенно сужена – до 15 верст от больших рек, однако при Анне Иоанновне она вновь расширилась до прежних размеров [1, с. 15, 21–23, 26].

Каким был правовой статус лесов, вошедших в охранную зону, после 1722 г.?

Деревья, годные для судостроения (дуб, вяз, ильм, ясень, сосна), стали заповедными, теперь их следовало использовать лишь в казенных целях. Ограничения были наложены и на деревья в частных владениях: хозяева земли не могли рубить их под страхом наказания. Адмиралтейские леса охранялись, а на заповедные деревья наносились клейма. Для их порубки требовалось разрешение от Адмиралтейств-коллегии [1, с. 11, 14–17, 20].

Как мы можем видеть из списка принятых мер, деревья фактически перешли в собственность государства.

Запрет на порубку заповедных деревьев создавал сложную правовую ситуацию для землевладельцев Поволжья, особенно накануне Генерального межевания, когда процесс формирования земельных владений еще окончательно не завершился [2, с. 192–199]. Ограничения, введенные согласно лесному законодательству, вносили путаницу в поземельные отношения, *«сталкивая на одном и том же пространстве земли различные права и противоположные интересы»* [2, с. 194–195], как замечает И.Е. Герман.

В Поволжье функционировало Казанское адмиралтейство, которое ведало заповедными лесами и специализировалось на заготовке и отправке лесоматериалов для нужд судостроения в Петербург [3, с. 166–167]. Интересы этого учреждения и нужды местных жителей переплетались довольно причудливо.

Возникали и другие, чисто местные сложности. Продолжался процесс освоения Поволжья: если Свияжский и Казанский уезды, присоединенные к Русскому государству первыми, были давно заселены, то колонизация земель Заволжья в XVIII в. все еще продолжалась. Население – как по национальному составу, так и по сословным категориям – отличалось большим разнообразием. Все вышеперечисленное существенно усложняло ситуацию с разграничением земельных владений [4, с. 166–169, 187–191].

К началу 60-х годов XVIII в. статус территории под заповедными деревьями был довольно неопределенным: они росли и на казенных, и на частных землях. Возникают следующие вопросы: какие правоотношения возникали при этом между Адмиралтейств-коллегией, которой подчинялось Казанское адмиралтейство, и собственниками земли и меняло ли наличие заповедных деревьев статус территории? Рассмотрим эти вопросы на основе материалов судебного конфликта между собственниками, произошедшего в Свияжском уезде.

Начало конфликта. Причиной конфликта между Свияжским Троицко-Сергиевым монастырем и помещицей Елизаветой Касперовной Назимовой стала порубка леса в ее владениях. Монастырь предъявил свои права на лес, и решение вопроса было перенесено в суд. Помимо липняка, на спорной территории росли заповедные деревья, которые также попали под топор порубщиков, что обусловило необходимость участия в деле представителей Казанского адмиралтейства (I, л. 1–1 об.; II, л. 2–2 об.).

Особую остроту конфликту придавала активная ремесленная деятельность монастырских крестьян, которые обдирали стволы лип, делали мочальники (так называли древесную кору, связанную в форме плотов [5, с. 95]) и, следовательно, эксплуатировали лесные дачи сильнее, чем если бы использовали их только для своих личных нужд (I, л. 1–1 об.; II, л. 2–2 об.).

К сожалению, в судебных делах не указано, что изготовляли ответчики. Вероятно, местные крестьяне драли лыко, делали рогожи и мочало на продажу. Это были очень распространенные в Среднем Поволжье промыслы [5, с. 95].

Хронологические и территориальные рамки. Территориально мы ограничимся Свияжским уездом, где имели владения обе тяжущиеся стороны, а хронологически – периодом с 1761 по 1780 г., когда шли судебные тяжбы.

Источниковая база. Основными архивными источниками в настоящем исследовании являются три дела, заведенные в связи с конфликтом между Е.К. Назимовой и монастырскими крестьянами, которые сейчас хранятся в Российском государственном архиве древних актов:

1) *По челобитью служителя жены флотского капитана Елизаветы Кашиперовны Назимовой деревни Кичкеев Починок Афанасия Захарова о порубке леса липняка в дачах Назимо-*

вой неизвестными людьми (1761 – по описи; в действительности крайние даты дела: 8 июня 1761 – 27 сентября 1762 гг.) (I);

2) По челобитью жены капитана Елизаветы Кашперовны Назимовой о спорных лесных дачах с крестьянами вотчины Свяжского Троицко-Сергиева монастыря (1761 – по описи; в действительности крайние даты дела: 2 октября 1761 – 9 декабря 1763 гг.) (II);

3) По указу эконо-коллегии, при котором прислано по просьбе помещицы Назимовой разбиравшееся ранее в суде дело о спорных лесных дачах (1765 – по описи; в действительности крайние даты дела: 1764–1780 гг.) (III).

В первое дело входят челобитная приказчика А. Захарова, представлявшего интересы Е.К. Назимовой, материалы допросов, инструкции должностным лицам, опись порубленных заповедных деревьев, составленная И. Киприяновым, документы об отдаче спорных мочальников под надзор, а также решение (I).

В состав второго дела вошли челобитная Е.К. Назимовой, копии документов на собственность, предоставленных обеими сторонами, план спорных владений, инструкции должностным лицам, материалы повального обыска, судебных заседаний и принятое решение (II).

Третье дело состоит из комплекта указов коллегии экономии премьер-майору А. Голицыну, который должен был представлять интересы монастырских крестьян, и записки о передаче документации (III).

Работа с указанными материалами даст нам возможность изучить сложное пересечение интересов частных владельцев и государства и прояснить вопрос о том, что же на самом деле принадлежало Казанскому адмиралтейству.

Прежде чем рассматривать дело, ознакомимся с тем, что представляли собой стороны конфликта.

Истица Е.К. Назимова. Пострадавшей стороной была помещица Елизавета Касперовна Назимова. Во время описываемых событий она была замужем за капитаном третьего ранга Саввой Максимовичем Назимовым, одним из членов комиссии А.И. Свечина, проводившей в 1763–1765 гг. ревизию Казанского адмиралтейства. Впоследствии ее муж дослужился до чина вице-адмирала. С.П. Саначин отмечает, что С.М. Назимов владел в Казани двумя домами [6, с. 280–281; 7, с. 16–18].

Для Елизаветы Касперовны брак с С.М. Назимовым был вторым, до этого она была замужем за капитан-командором Алексеем Трофимовичем Баранчевым (II, л. 97–98 об.).

А.Т. Баранчев был существенно старше С.М. Назимова (первый начинает службу драгуном в 1700 г., второй – учеником Морской академии в 1736 г.). Впервые А.Т. Баранчев оказывается в Казани в 1732 г., когда его командировали туда контролировать заготовку корабельного леса. В 1741 г. его назначают обер-комиссаром при Казанском адмиралтействе. Спустя десять лет его пожалуют чином капитан-командора «с оставлением при том же адмиралтействе» [6, с. 29]. А.Т. Баранчев скончался 16 августа 1758 г. [6, с. 28–29, 279]

За время первого брака Елизаветой Касперовной был совершен ряд покупок недвижимого имущества в Свяжском уезде, в том числе приобретена деревня Кичкеево (также называлась Кичкеев (или Алексеев) починок), о чем подробнее будет идти речь ниже (I, л. 95 об., 96, 97–99 об.).

Как мы видим, истица была человеком весьма деятельным: она приобретает новые владения, участвует в судебных тяжбах, а после смерти второго мужа построит храм в память о нем [7, с. 16].

Свияжский Троицко-Сергиев монастырь как ответчик. Монастырь появился одним из первых на территории бывшего Казанского ханства в качестве приписного к Троицкому. С.М. Каштанов полагал, что первые земли и угодья – в том числе и в сельской местности – обитель получила от Ивана Грозного в 1552–1554 гг. [8, с. 166]. С самого начала своего существования она принимает активное участие в колонизации края, не испытывая недостатка в новопоселенцах, поскольку по царским грамотам 70-х годов XVI в. жители монастырских вотчин были освобождены от налогов. По мнению М.С. Черкасовой, больше всего владений монастырь приобрел в середине XVII в. [9, с. 126–127].

Конфликт между монастырскими крестьянами и Е.К. Назимовой происходил накануне секуляризации церковных земель. В 1764 г. Троицко-Свияжский монастырь прекратит свое существование, а его имущество перейдет под управление коллегии экономии [10, с. 38–39].

Первое дело. 5 июня 1761 г. приказчик Е.К. Назимовой Афанасий Захаров поймал порубщиков. Это были трое монастырских крестьян: Симон Якимов из с. Ульяновка и Василий Токарев из с. Подберезья, которые ездили за мочальниками, а также Архип Башкирев из д. Корнауховой, отправившийся за баклушами для ложек (А. Захаров утверждал, что мочальники были найдены и у него). Двое из них были избиты при поимке (I, л. 4–6 об., 36 об., 37–39).

Впоследствии А. Захаров утверждал, что при С. Якимове было *«наложено на колеса заповедное дубовое круглое дерево с съемными мочальники»* (I, л. 37), однако местный лесной сотник никаких бревен при них не заметил. Сами ответчики утверждали, что это была старая дубовая плаха, которую они впервые увидели лишь на следующее утро (I, л. 39 об., 44 об.). В решении по делу указано, что улика представляла собой *«молодой дуб, длиною двух аршин трех четвертей, толщиною в трубе четырех вершков»* (I, л. 44).

Далее ответчиков держали под караулом в имении, а затем повезли в город. Нарушители вместе с уликой 8 июня были доставлены в Свияжскую провинциальную канцелярию. Там по челобитной А. Захарова было заведено дело (I, л. 1–1 об., 44–44 об.).

Цель первой челобитной не была вполне четко сформулирована. Очевидно, представитель Е.К. Назимовой на этом этапе был намерен добиться лишь приостановки хозяйственной деятельности монастырских крестьян в лесных дачах (I, л. 1 об.).

Осмотром места порубки сначала занимался канцелярист М. Иконников. Он зафиксировал факт порубки заповедного леса и съема мочальников и оценил нанесенный ущерб. 20 июня он передал под надзор приказчика А. Захарова и старост монастырских крестьян мочальники в двух озерах, трех прудах и р. Шиланде. Их владельцами были крестьяне сел Ульяновка и Подберезья. Мочальников было так много, что вынуть их из воды не представлялось возможным (I, л. 13, 19–21 об.).

В дальнейшем этим вопросом занимался унтер-форстмейстер И. Киприянов с помощниками. Ими в сентябре 1761 г. был проведен осмотр у монастырских крестьян, а также во владениях Е.К. Назимовой, чтобы найти порубленный заповедный лес, но он не дал особых результатов (I, л. 33–34 об.).

Согласно описи И. Киприянова, было срублено 5 годных и 15 негодных дубов, 1 годный и 1 негодный вяз, 4 годных и 24 негодных ильма. Из 50 деревьев лишь 10 были пригодны для нужд судостроения. Остальные оказались покрыты красными и белыми *«ситовыми»* полосами или были трухлявыми (I, л. 35–36 об.).

Как мы видим, ущерб, нанесенный неизвестными порубщиками, был невелик. Тем не менее им, согласно инструкции от 11 мая 1732 г., грозил штраф как минимум в 500 руб.

(за первую порубку – в 10 руб. за пень), поскольку закон не делал разницы между рубкой без разрешения годных и негодных деревьев (IV, с. 807–808).

Кто отвечал за охрану заповедных лесов в районе р. Кубни? Казанская адмиралтейская контора поручила ее старосте, десятникам с. Ульяновка и приказчику Е.К. Назимовой «с росписью» (I, л. 46–46 об.). В случае недонесения о порубке их должны были оштрафовать (IV, с. 804).

После того как было заведено дело, А. Захаров написал доношение в Казанскую адмиралтейскую контору, с которым мы можем ознакомиться лишь в цитатах: контора отправила промеморию в Свияжскую провинциальную канцелярию, чтобы выяснить вопрос (I, л. 22–24 об.).

В доношении появляется указание на то, что монастырские крестьяне «раскладывают огни» (I, л. 22) и есть риск пожара. Также А. Захаров обвиняет ответчиков в уничтожении улик: чтобы не платить штрафа, они выкапывают или сжигают пни срубленных дубов. Кроме того, он намекает на «страх смертного убийства» (I, л. 22 об.).

Объективно порубщиками заповедного леса могли быть и посторонние люди: рядом находилась проезжая дорога, также зимой мимо этих мест вывозили корабельный лес, что расширяет круг подозреваемых (I, л. 34 об.).

Решение суда было вынесено 27 сентября 1762 г. Дело было закрыто за отсутствием доказательств против ответчиков (I, л. 46 об.).

Отметим, что в упомянутом конфликте Казанское адмиралтейство заняло пассивную позицию. Несмотря на сообщения об угрозе лесного пожара из-за нарушений законодательства, ведомство не пыталось повлиять на местные судебные власти, чтобы запретить въезд в лес возможным нарушителям.

Второе дело. Поскольку во время первого судебного разбирательства вопросу о защите собственности Е.К. Назимовой уделялось мало внимания и монастырские крестьяне по-прежнему продолжали въезжать в спорный лес, помещица 2 октября 1761 г. вновь пода-
ла челобитную (II, л. 2–2 об.).

Она преследовала следующие цели: 1) получить компенсацию за порубленный лес; 2) забрать себе мочальники монастырских крестьян; 3) обязать их подпиской не въезжать в спорные дачи, «дабы от въезду их не последовало порубки и вреда заповедному лесу» (II, л. 2 об.).

4 октября Свияжской провинциальной канцелярией было решено вызвать представителей монастырских крестьян на суд (II, л. 313 об.).

В этот же день А. Захаров вместе со свидетелями из других жительство-
в ездил в спорный лес, где застал монастырских крестьян, которые пытались вывезти мочальники. Ему удалось поймать лишь трех нарушителей, которые показали, что действовали по приказанию строителя монастыря и стряпчего И. Моисеева. Так был зафиксирован факт нарушения от-
ветчиками подписки (II, л. 323 об.–324).

16 октября 1761 г. ответчики были «обязаны поручною записью» не уезжать из Свияжска до вынесения решения по делу (II, л. 314). Примерно в это же время монастырские крестьяне просили уладить их спор с челобитчицей так, чтобы «возможно было хотя в оставшуюся ма-
лую им часть въезжать, ибо же они пропитание себе имеют более от мочальников» или же дать им возможность выкупить сырье, послужившее одним из предметов спора (II, л. 371 об.).

Вероятно, крестьяне, терпевшие немалый ущерб от четырехмесячных судебных разби-
рательств, решили, что лучше договориться полюбовно, но это впоследствии им лишь по-
вредило (II, л. 371 об.–372).

Далее суд перешел к рассмотрению вопроса о собственности: решение о снятии копий со всех документов на землю истца и ответчика было принято 20 декабря 1762 г. (II, л. 81–82 об.).

Что нам важно подчеркнуть при рассмотрении вопроса о принадлежности спорных лесных угодий? Здесь имел место конфликт более ранних и более поздних документов. Свяжский Троицко-Сергиев монастырь был одним из самых первых собственников в этих местах, а его права были оформлены уже во второй половине XVI в. Местность еще осваивалась, и в тексте документов ориентиры были указаны довольно скудно. Впоследствии монастырь не пытался произвести размежевание, хотя, как видно из работ М.С. Черкасовой, Троицкая корпорация обычно проявляла высокую активность в земельных делах. Возможно, причиной этого были постоянные набеги инородцев и просто разбой, что делало нежелательными конфликты с местными помещиками [9, с. 25, 33, 125–127; 11, с. 333–339].

Монастырь предоставил суду ряд документов в качестве доказательства права собственности. Основным из них можно считать жалованную тарханно-несудимую грамоту Ивана IV от 22 января 1575 г., список с которой, сделанный в конце 1762 или начале 1763 г., есть в деле (II, л. 84–87 об.).

Текст оригинала этой грамоты публиковался С.М. Каштановым в 1978 г. Подлинник грамоты хранится в РГАДА (V), также ученым упоминаются шесть списков, сделанных в период с начала 80-х годов XVI в. по 20-е годы XIX в. Копия из второго дела Е.К. Назимовой им не зафиксирована [12, с. 136–142].

Владения монастыря, перечисленные в грамоте 1575 г., были разбросаны по всему Свяжскому уезду: несуществующие теперь селцо Городище и починок Новой, видимо, находились примерно в 27 верстах от Свяжска, починок Притыкин превратился в д. Кузёмкину (исчезла), Киждеево – в с. Кильдеево, починок Ключов – в с. Федяево (оба сейчас – в Верхнеуслонском районе РТ), а интересующее нас с. Ульяновко с тянущими к нему поселениями – в Кайбицком районе [8, с. 191; 11, с. 8, 17–18, 59]. В документе нет четких указаний на границы монастырской земли (II, л. 84–87 об., 369 об.).

Кроме того, монастырь предъявил *«Список с писцовых книг свияжским троецким вотчинам»* 1648/1649 гг. и материалы переписи писцов И.А. Фронзбекова и Ф.С. Чемесова, проведенной в то же время (II, л. 88–89 об.).

В первом документе лесные угодья не упоминаются (II, л. 88 об.), зато в переписи мы видим следующее указание: *«...а черной дикой лес по обе стороны реки Берли к приселку Ульяновки и к деревням и к починку с татары служили и с ясачными починка Кулаева да деревни Чечкап да деревни Мамадыш Теникчев нераздельною и не разграничена»* (II, л. 89 об.).

Никаких других, более поздних, документов монастырь суду не предоставил.

Назимовские документы на собственность можно поделить на две группы: 1) документы, оформлявшие право собственности Е.К. Назимовой на землю и крестьян, и 2) более ранние документы на Кичкеево, переданные продавцом А.И. Товарыщевым.

Первую группу составляют купчие на землю в с. Петропавловском, или в Слободе, и в Морукваших (1754, приобретено у Н.А. Молостова), на землю в с. Введенском, или в Басурманской слободе (1755, куплено у А.И. Натальиной и М.И. Далакиной), на землю и крестьян Кичкеева починка, заключенные с А.И. Товарыщевым (1756); на землю там же, приобретенную у И.Ф. Дряблова (1757); прошение истицы укрепить за ней купленные земли (1757); ряд справок из Вотчинной коллегии и ее архива (1757) и др. Часть этих документов не имеет никакого отношения к разбиравшемуся делу (II, л. 95–99 об., 109–116, 120 об–134 об.).

Ко второй группе относятся жалованная грамота А.И. Товарыщеву (1669), ввозная грамота, данная его сыновьям, А.А., И.А. и П.А. Товарыщевым (1682), выпись из отказных книг, данная И.А. Товарыщеву (1698) (II, л. 90–94).

Окружная выпись 1699 г., где были указаны урочища, по которым проходили границы владений Товарыщевых, Е.К. Назимовой при продаже передана не была. Впоследствии истица затребовала его у продавца и, по-видимому, получила, но в деле нет копии с нее (II, л. 82, 320), хотя в решении и указывается, что она была дана *«ис Казанского дворца и за скрепою дьяка Молчанова»* (II, л. 369 об.).

Кичкеев починок был приобретен у Крестниковых Афанасием Ивановичем Товарыщевым не позднее 1669 г. Далее имение передавалось по наследству внутри рода Товарыщевых, пока не досталось поручику Астраханского драгунского полка Алексею Ильичу Товарыщеву, который продал это имение с крестьянами Е.К. Назимовой 6 июля 1756 г. (II, л. 90–94, 95–96 об., 109–111 об., 316 об.–318)

Также Е.К. Назимова купила пашенную землю в Кичкееве у содержателя казанской суконной фабрики Ивана Федоровича Дряблова 24 января 1757 г. К нему эта земля перешла от отца (II, л. 111 об.–113, 317), которому в свою очередь *«досталась... по закладной казанского архиерея бывшего секретаря Ивана Семенова сына Богданова»* (II, л. 112).

Для нас важно, что ни в одной из этих купчих не сообщалось, что на продаваемой земле растут заповедные деревья (II, л. 95–96 об., 109 об.–113).

Помимо Е.К. Назимовой, недвижимую собственность в д. Кичкеево имели подпоручик А.Н. Ифлант, которому принадлежал помещичий двор, и М. Товарыщева, получившая долю, когда овдовела (как отмечал суд, она *«в лес въезд имеет с челобитчицею в обще, а не раздельно»* (II, л. 317 об.)). Претензий к монастырю М. Товарыщева в судебном порядке не выдвигала (II, л. 110, 317 об.).

Хотя на спорной территории росли заповедные деревья, принадлежавшие Казанскому адмиралтейству, ведомство не участвовало в рассмотрении вопроса о собственности. При чтении документов создается впечатление, что сообщать о смене собственника земли с подобным обременением в Казанское адмиралтейство было вовсе не обязательно.

Изучив документы на собственность, предоставленные обеими сторонами суду, перейдем к собственно ходу рассмотрения дела.

Хотя это противоречило фактам, И. Моисеев отрицал, что монастырские владения граничат с помещичьими землями, ссылаясь на грамоту 1575 г., по которой лесные дачи были в общем владении с татарами и чувашами (II, л. 314–314 об., 316 об.–317 об.).

Существенной проблемой стало не только отсутствие в монастырских документах описания границ спорного леса, но и незнание участниками процесса географических названий, упоминавшихся в грамоте 1575 г. (II, л. 85, 314–315 об., 326)

Информация о спорных угодьях приводилась в грамоте 1575 г. следующим образом: *«Деревня Агишево на речке на Берли... а лес не в разделе с татарами и с чувашею. Починок Ключов на речке на Олчегире...»* [12, с. 138] (II, л. 85), что наводило участников процесса на мысль о близости этих объектов. Поверенный истицы предполагал, что починок Ключов находился в районе реки Берли, а И. Моисеев – что починок *«впусте»* лежит в спорном лесу и что назимовская мельница находится в устье реки Олчегир, которая теперь называется Гремячий Ключ (II, л. 326 об.).

На самом деле, бывший починок Ключов (д. Федяево) находился примерно в 40 км от спорного леса. С.М. Каштанов полагал, что Олчегир мог быть р. Чингиркой, протекающей неподалеку от сел Кильдеево и Федяево [8, с. 191; 11, с. 17–18].

И. Моисеев оспаривал отказ Е.К. Назимовой, оформленный в 1757 г., так как не были взяты сказки об отсутствии земельных споров и ответчики об этом отказе *«и совсем были неведомы»* (II, л. 326 об.). В отказной книге были лишь рукоприкладства жителей Введенской слободы и г. Свияжска, при этом Свияжск и Кичкеево разделяло расстояние более 80 верст. Он утверждал, что это было сделано намеренно, чтобы захватить чужие дачи (II, л. 326 об.–327).

Решение по делу было принято 9 декабря 1763 г. Лесные угодья остались за Е.К. Назимовой. Суд указал, что границы нынешних владений истицы были установлены, когда за собой укрепляли земли Товарыщевы, при этом проводился повальный обыск, и именно тогда монастырю нужно было подавать челобитье (II, л. 369–369 об.).

Хотя у монастыря документы на собственность были более старые, чем у Е.К. Назимовой, это не имело теперь никакого значения, поскольку, согласно Писцовому наказу 1683 г., необходимо было владения *«писать, мереть и межевать»* (II, л. 369 об.), чего сделано не было; кроме того, «Список» не был заверен писцом. Показания стряпчего И. Моисеева об урочищах были признаны не соответствующими реальному положению дел (II, л. 369–369 об., 372 об.).

Отказ 1757 г. был признан недействительным, однако дачи, несмотря на это, остались за истицей по выписи 1699 г., где были указаны урочища (в деле отсутствует), *«и по предписанным выше сего обстоятельствам крепки челобитчице ж»* (II, л. 317, 372 об.). Кроме того, все свидетели показали, что лес сначала принадлежал И. Товарыщеву, а затем челобитчице, что было также учтено судом (II, л. 369 об., 372 об.).

Крестьяне должны были заплатить Е.К. Назимовой за порубленный на мочальники лес требуемые ею 306 руб., причем их попытка договориться с его владелицей и нарушение подписки сыграли против них. В решении нет указаний, кому в итоге достались спорные мочальники, но, вероятнее всего, самой Е.К. Назимовой как собственнице (II, л. 371 об. –372, 373).

Хотя И. Моисеев отрицал факт разведения ответчиками огня в лесу, на суде выяснилось, что монастырские крестьяне не потушили костры в день, когда приказчик помещицы поймал их за выниманием мочальников. Однако суд освободил ответственных за охрану леса лиц от наказания, отметив, что на тот момент ответчики еще находились в лесу (II, л. 327, 373).

В 1764 г. монастырь был упразднен, а все его владения переданы в коллегию экономии. Однако ответчики продолжали судиться, поскольку они лишились леса и не могли выплатить взыскиваемую с них сумму. Они утверждали, что проиграли суд из-за кумовства Е.К. Назимовой с местными и казанскими властями. Дело было передано на перерассмотрение (III, л. 1–2, 8, 9 об., 10 об.) [10, с. 38–39].

Окончательное решение, к сожалению, остается неизвестным. В третьем деле вшит лист, где отмечено, что в 1780 г. некое дело на 140 листах о спорных лесах, по которому судились экономические крестьяне и Е.К. Назимова, было передано свияжскому экономическому казначею, секунд-майору Мицкому. Но эти документы не были нами обнаружены в фондах РГАДА (III, л. 15).

Заключение. На примере приведенной цепочки судебных дел мы видим, что Казанское адмиралтейство интересовалось лишь вопросом сохранности заповедных деревьев, не пытаясь предъявить свои права на владельческую землю с подобным обременением. Частная земля с заповедными деревьями не имела особого статуса, что отражают и купчие, где этот

вопрос не затрагивается. Тем не менее наличие подобного обременения накладывало ограничения на возможности владельца использовать свое имущество.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

Источники

- I – Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 441. Оп. 1. Д. 262: По челобитью служителя жены флотского капитана Елизаветы Кашперовны Назимовой деревни Кичкеев Починок Афанасия Захарова о порубке леса липняка в дачах Назимовой неизвестными людьми. 1761 г. 50 л.
- II – РГАДА. Ф. 441. Оп. 1. Д. 263: По челобитью жены капитана Елизаветы Кашперовны Назимовой о спорных лесных дачах с крестьянами вотчины Свяжского Троицко-Сергиева монастыря. 1761 г. 374 л.
- III – РГАДА. Ф. 441. Оп. 1. Д. 362: По указу эконо-коллегии, при котором прислано по просьбе помещицы Назимовой разбиравшееся ранее в суде дело о спорных лесных дачах. 1765 г. 15 л.
- IV – Полное собрание законов Российской империи: [Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.]: в 45 т. СПб.: Тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1830. Т. 8: 1728–1732. [1], 1018 с.
- V – РГАДА. Ф. 281. Оп. 13. Д. 7168: Жалованная грамота царя Ивана Васильевича Троице-Сергиеву монастырю об освобождении монастырских крестьян разных вотчин от ямских подвод и подаей. 22 января 1575 г. 2 л.

Литература

- 1. Врангель В.В. История лесного законодательства Российской империи: С присоединением очерка корабельных лесов России. СПб.: Привилег. тип. Фишера, 1841. 156 с.
- 2. Герман И.Е. История русского межевания. М.: Типо-лит. В. Рихтер, 1910. 302 с.
- 3. Файзрахманов И.З. История Казанского адмиралтейства (1718–1830 гг.). Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. 262 с.
- 4. Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. СПб.: Лань, 2000. 304 с.
- 5. Ромашкин А.С. Важнейшие виды деревообрабатывающих промыслов Среднего Присурья во второй половине XIX – начале XX века // Вестн. Мордов. ун-та. 2012. № 3/4. С. 95–98.
- 6. Общий морской список: в 14 ч. СПб.: Тип. В. Демакова, 1885. Ч. 2. От кончины Петра Великого до вступления на престол Екатерины II. 528 с.
- 7. Саначин С.П. Экспедиция сенатской Комиссии Александра Свечина в Казанское адмиралтейство 1763–1765 годов и ее последствия. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 287 с.
- 8. Каишанов С.М. Земельно-иммунитетная политика русского правительства в Казанском крае в 50-х годах XVI века (по актовому материалу) // Учен. зап. Казан. гос. пед. ин-та. 1970. Вып. 80. С. 164–203.
- 9. Черкасова М.С. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI–XVII веков (по архиву Троице-Сергиевой Лавры). М.: Древлехранилище, 2004. 395 с.
- 10. Яблоков А.П. Город Свяжск Казанской губернии и его святыни. Казань: Типо-лит. Ун-та, 1907. 212 с.
- 11. Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века: (Очерки из истории колонизации края). Одесса: Тип. П.А. Зеленого (б. Г. Ульриха), 1882. 400 с.
- 12. Каишанов С.М. К истории феодального землевладения в Свяжском уезде в 70-х годах XVI в. (Жалованные грамоты 1572 и 1575 гг.) // Учен. зап. Казан. гос. пед. ин-та. 1978. Вып. 184. С. 132–142.

References

1. Wrangel V.V. *Istoriya lesnogo zakonodatel'stva Rossiiskoi imperii: S prisoedineniem ocherka korabel'nykh lesov Rossii* [The History of Forest Legislation in the Russian Empire: With an Appendix on Russia's Forests with Shipbuilding Timber]. St. Petersburg, Privileg. Tip. Fishera, 1841. 156 p. (In Russian)
2. Hermann I.E. *Istoriya russkogo mezhevaniya* [A History of Russian Land Surveying]. Moscow, Tipo-Lit. V. Richter, 1910. 302 p. (In Russian)
3. Faizrakhmanov I.Z. *Istoriya Kazanskogo admiralteistva (1718–1830 gg.)* [A History of the Kazan Admiralty (1718–1830)]. Kazan, Inst. Ist. im. Sh. Mardzhani Akad. Nauk RT, 2014. 262 p. (In Russian)
4. Lyubavsky M.K. *Istoricheskaya geografiya Rossii v svyazi s kolonizatsiei* [Historical Geography of Russia amid Colonization]. St. Petersburg, Lan', 2000. 304 p. (In Russian)
5. Romashkin A.S. The major types of woodworking industries in the Middle Prisyur'e in the second half of the 19th and early 20th centuries. *Vestnik Mordovskogo Universiteta*, 2012, no. 3/4, pp. 95–98. (In Russian)
6. *Obshchii morskoi spisok* [The General Marine List]. Pt. 2: From the death of Peter the Great to the ascension of Catherine II to the throne. St. Petersburg, Tip. V. Demakova, 1885. 528 p. (In Russian)
7. Sanachin S.P. *Ekspeditsiya senatskoi Komissii Aleksandra Svechina v Kazanskoe admiralteistvo 1763–1765 godov i ee posledstviya* [The Expedition of Alexander Svechin's Senate Commission to the Kazan Admiralty in 1763–1765 and Its Results]. Kazan, Inst. Ist. im. Sh. Mardzhani Akad. Nauk RT, 2018. 287 p. (In Russian)
8. Kashtanov S. M. The land-ownership immunity policy of Russian government in the Kazan region during the 1550s (based on the acts materials). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Instituta*, 1970, no. 80, pp. 164–203. (In Russian)
9. Cherkasova M.S. *Krupnaya feodal'naya votchina v Rossii kontsa XVI–XVII vekov (po arkhivu Troitse-Sergievoi Lavry)* [A Major Feudal Estate in Russia from the Late 16th to 17th Century (Based on the Trinity Lavra of St. Sergius Archives)]. Moscow, Drevlekhranilishche, 2004. 395 p. (In Russian)
10. Yablokov A.P. *Gorod Sviyazhsk Kazanskoi gubernii i ego svyatyni* [The Town of Sviyazhsk in the Kazan Governorate and Its Relics]. Kazan, Tipo-Lit. Univ., 1907. 212 p. (In Russian)
11. Peretyatkov G.I. *Povolzh'e v XVII i nachale XVIII veka: (Ocherki iz istorii kolonizatsii kraya)* [The Volga Region from the 17th to the Early 18th Century: (Essays from the History of the Region Colonization)]. Odessa, Tip. P.A. Zelenogo (b. G. Ul'rikha), 1882. 400 p. (In Russian)
12. Kashtanov S.M. On the history of feudal tenure in the Sviyazhsk Uezd during the 1570s (Charters of 1572 and 1575). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Instituta*, 1978, no. 184, pp. 132–142. (In Russian)

Информация об авторах

Пронченко Мария Алексеевна, соискатель кафедры истории России до начала XIX в., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

E-mail: pron4enko.masha2016@yandex.ru

Author Information

Maria A. Pronchenko, Applicant, Department of Russian History before the 19th Century, Moscow State University

E-mail: pron4enko.masha2016@yandex.ru

Поступила в редакцию 10.07.2024

Принята к публикации 10.10.2024

Received July 10, 2024

Accepted October 10, 2024

Оригинальная статья

УДК 930+94(410)"1640/1660"

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.32-42>**Английская революция XVII века на страницах «Социологии революции» П.А. Сорокина****В.С. Русанова***vera.petrashun@yandex.ru**Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина,
г. Сыктывкар, 167001, Россия***Аннотация**

В настоящей статье представлен взгляд российско-американского ученого П.А. Сорокина на события 1640–1660 гг. в Англии через призму авторской теории революции. Ее основные положения были сформулированы мыслителем в одном из его фундаментальных и в то же время дискуссионных трудов – «Социологии революции», изданном в 1925 г. в США. Свою схему революционного процесса, а также составные элементы теории П.А. Сорокин стремился подтвердить обилием исторических примеров, многие из которых являются обращениями к анализу опыта Английской революции XVII в. В связи с этим интерес представляет вопрос как о характеристике и оценках Английской революции через призму историко-социологических построений П.А. Сорокина, так и о том, что составило источниковедческую базу ученого при обращении к истории событий 1640–1660 гг. в Англии.

Ключевые слова: П.А. Сорокин, Английская революция XVII в., социология революции, историко-социологический подход

Для цитирования: Русанова В.А. Английская революция XVII века на страницах «Социологии революции» П.А. Сорокина // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2025. Т. 167, кн. 1. С. 32–42. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.32-42>.

Original article

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.32-42>

The English Revolution of the 17th century through the lens of P.A. Sorokin's "The Sociology of Revolution"

V.S. Rusanova

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia

vera.petrashun@yandex.ru

Abstract

The views of P.A. Sorokin, a renowned Russian-American scholar, on the political upheavals in England in 1640–1660 are explored in the context of his theory of revolution outlined in "The Sociology of Revolution," one of his most influential yet contentious works, published in the United States in 1925. Seeking to validate his model of the revolutionary process, P.A. Sorokin cited numerous historical examples, focusing on the English Revolution of the 17th century (English Civil War). Here, P.A. Sorokin's interpretation and evaluation of this revolutionary period in England, integrating both historical and sociological analysis, are discussed, along with the sources he drew on. The scholar argued that the English Civil War was caused by the repression of innate reflexes. As the mechanisms regulating behavior became less effective, the crisis escalated, and its second phase was marked by the terror instigated by the new government. At this point, it is important to stress that P.A. Sorokin pursued a sociological perspective rather than a purely historical one.

Keywords: P.A. Sorokin, English Civil War, sociology of revolution, historical-sociological approach

For citation: Rusanova V.S. The English Revolution of the 17th century through the lens of P.A. Sorokin's "The Sociology of Revolution". *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2025, vol. 167, no. 1, pp. 32–42. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.32-42>. (In Russian)

Введение

Академик А.З. Манфред сказал об исторической науке так: «...это наука без дна» [1, с. 162]. Если переформулировать высказывание, его допустимо применять и к историческим источникам. В зависимости от задач исследования один и тот же источник может выступать неисчерпаемым кладом сведений по изучаемым проблемам. Неиссякаемым ресурсом исследовательских сюжетов является и одна из первых работ российско-американского социолога П.А. Сорокина, появившихся за рубежом, – «Социология революции». Труд этот, написанный ученым уже в эмиграции (в Чехословакии), был опубликован в Соединенных штатах Америки в 1925 г. Он сразу же получил широкий резонанс в прессе. Рецензии содержали по большей части критические оценки [2]. Тем не менее приведенный факт не снижает эвристического потенциала произведения в наши дни.

На страницах «Социологии революции» П.А. Сорокин проанализировал крупнейшие социальные потрясения, когда-либо случавшиеся в истории человечества, охватив временной период от Античности до современности (до 1922 г.), при этом изначально не ставя

перед собой такой исследовательской задачи. Для подтверждения теоретических выводов о причинах, движущих силах, этапах и результатах революции ученый обращается к опыту исследования Великой российской революции (1917–1922)¹, Великой французской революции, Парижской коммуны 1871 г. Не обходит он стороной и Английскую революцию 1640–1660 гг.

Постановка проблемы

Взгляды П.А. Сорокина на Английскую революцию XVII в. через призму его авторской концепции революции как социального явления ранее не выступали в качестве самостоятельного предмета исследования среди «сорокиноведов». Обращению к означенной проблематике отчасти способствовала проходившая в Институте истории СПбГУ в марте 2024 г. Международная научная конференция «Британский мир: опыт политического, социального и культурного развития».

К 1925 г. П.А. Сорокин утверждает во мнении, что все революции проходят в своем развитии два этапа. Первый – по восходящей линии, второй – по нисходящей (или период контрреволюции). В эту схему он укладывает и революцию XVII в. в Англии, где к первому периоду он относит 1640–1653 гг., а ко второму – протекторат О. Кромвеля 1653–1659 гг.

П.А. Сорокин стремился определить и подтвердить на широком историческом материале общие черты социальных изменений в период революций, которые одинаково переживает любое общество вне зависимости от исторического этапа. Ученый обнаруживает, что революция не продиктована экономическими и/или политическими факторами, а представляет собой прежде всего «изменение поведения членов общества, с одной стороны; их психики и идеологии, убеждений и верований, морали и оценок – с другой» [3, с. 268], то есть нарастание революционной ситуации обусловлено сменой мировоззренческих ориентиров широких слоев населения, массово переживающих ущемление базовых рефлексов (инстинктов). П.А. Сорокин писал: «Когда же условия среды изменяются так, что вызывают ущемление основных инстинктов у множества лиц, тогда мы получаем массовую дезорганизацию поведения, массовый взрыв и социальное землетрясение, носящее название бунта, мятежа, смуты, *революции*...» [3, с. 277].

Сформулированный тезис социолог раскрывает в своем труде, в том числе оценивая ущемленные базовые рефлексy англичан середины XVII столетия. Что же привело английский народ к конфронтации с монархией и ее низвержению? Что выступает в качестве маркеров нарастающего социального протеста? На эти вопросы и попытался ответить П.А. Сорокин в «Социологии революции». Рассмотрим их подробнее.

Первым сигналом приближающегося «грома революции» выступает деформация речевых рефлексов. Согласно терминологии ученого, происходит растормаживание языка. Свидетельством тому являются учащающиеся требования свободы слова, печати, собраний, сопровождающие предреволюционный и начальный периоды революции. П.А. Сорокин, ссылаясь на Ф. Гизо и С. Гардинера, отмечает, что с 1636 г. в Англии обнаруживается «небывалый урожай “растормаживающих” памфлетов, развязывается язык в парламенте и на улицах, критика смелеет, “свобода слова”, “вольномыслие” и крайние учения растут» [3, с. 297]. Он, однако, ничего не говорит по поводу закона Звездной Палаты о книгопечатании 1637 г., согласно которому, напротив, в предреволюционный период вводилась жесткая цензура,

¹ П.А. Сорокин придерживался точки зрения, согласно которой Великая российская революция (по терминологии ученого) хронологически охватывает 6 лет – с февраля 1917 г. по 1922 г.

но упоминает пуританского проповедника Бортон, приговоренного по этому закону к уплате штрафа, наказанию у позорного столба и последующему заключению за памфлет, содержащий критику привилегий католиков и распущенности королевского двора. И все же социолог прав. В течение первого периода революции происходит отмена цензуры, наблюдается рост печатной продукции, с кафедр начинают звучать политические речи. Противостояние Карла I и Парламента (а затем О. Кромвеля), вылившееся в гражданскую войну, как замечает Дж. М. Тревельян, не было войной между городом и деревней, а оценивается как «*война религиозных и государственных идей*» [4, с. 260]. Тот же тезис, что любая революция начинается с «войны идей», через анализ «речевых рефлексов» формулирует и П.А. Сорокин.

Далее по нарастающей происходит деформация реакции повиновения у масс. «В области повиновения государственным властям угасание пошло (как обычно бывает) дальше, чем хотели первые зачинщики революции и борьбы с королем», – замечает П.А. Сорокин [3, с. 314]. При этом любопытно, что не сразу, как пишет ученый, рефлекс неповиновения у масс в качестве адресата имел Карла I. По мнению П.А. Сорокина, угасание реакции повиновения начинается с отказа повиноваться «отдельным агентам государственной власти и церкви», например лорду Страффорду. В ослаблении этого рефлекса, как считал ученый, кроется стихийность любой революции. Вследствие этого второй этап революции, называемый социологом контрреволюцией, неизбежно будет содержать политику террора (массовые репрессии). Террор, по П.А. Сорокину, – это способ новой, пришедшей в ходе революции власти привить революционным массам инстинкт повиновения. Для Английской революции XVII в. периодом такой «прививки» становится протекторат О. Кромвеля.

Затем, по мере того как оковы спадают с речевых рефлексов и угасает рефлекс повиновения, происходит деформация целой группы инстинктов, которые П.А. Сорокин охарактеризовал как трудовые. Он отмечает: «Среди рефлексов человека есть особая группа “рефлексов труда”. Эти рефлексы побуждают человека совершать ряд актов, необходимых для добывания средств существования» [3, с. 319]. Тем самым общество в массе своей защищено от лени. Революция же в своей восходящей фазе, напротив, создает условия, дающие почву для роста у населения и каждого индивида в отдельности желания жить за счет труда других. Обращаясь к «Истории Английской революции» Ф. Гизо, социолог находит подтверждение данного тезиса. Он пишет: «С развитием гражданской войны “страна была жестоко поражена в своих материальных интересах. Повсеместная и беспорядочная война разоряла города и села, уничтожала насущные средства народа, разрушала его промышленность. ...Исчезла всякая безопасность в текущих запасах и в трудах для будущего”. Наряду с этим, – заключает П.А. Сорокин, – видим рост грабежей, воровства и других способов легкой наживы... Наступает падение трудовых рефлексов» [3, с. 324–325].

По мере роста стремлений получить легкую наживу у населения гаснут «религиозно-морально-правовые рефлексy» и в охваченном революционной борьбой обществе резко повышается процент преступности. «Говоря языком уголовного права, колоссально возрастают преступления против личности», – делает вывод П.А. Сорокин [3, с. 359]. Здесь, однако, можно отметить шаткость высказанного тезиса в отношении английского общества периода революции. Во-первых, ученый не приводит статистических данных или ссылок на источники, в которых бы находилось подтверждение выявленной им зависимости роста преступности от революционной ситуации. П.А. Сорокин стремится подробно разобрать обозначенный вопрос на том материале, в достоверности которого он уверен, – а именно на

оценке криминогенной ситуации в России 1917–1922 гг. После же, как бы доказав, что рост преступности находится в прямой зависимости от того факта, переживает страна революционный подъем или, напротив, мирное время, он распространяет полученные им выводы на все крупные революции прошлого, включая Английскую. Предполагаем, что изменение динамики роста преступности в период революции не имеет ярко выраженного социобиологического или рефлекторного характера, а в основе увеличения процента преступлений против личности лежат правовые изменения. Неизменным компонентом революции выступает отказ от правового опыта прошлого, новая власть стремится упразднить действие кодексов, законов предшествующей эпохи и выработать новое законодательство, отвечающее требованиям революционного времени.

К слову, отечественный криминолог, ученый-правовед, современник П.А. Сорокина М.Н. Гернет, исследуя вопрос о влиянии революции 1917 г. в России на рост преступности, пришел к выводу об отсутствии между ними прямой взаимосвязи. По его мнению, революция сама по себе не вызывает увеличения количества преступлений против личности. Первое, что отмечает М.Н. Гернет в качестве причины подобного увеличения, – рост цен на продовольственные товары, бедность, отсутствие должного уровня жизни [5, с. 26]. Второй причиной он называет «внутреннее политическое состояние» государства [5, с. 27]. Из текста «Социологии революции» следует, что П.А. Сорокин не обнаружил прямой связи между ущемлением морально-правовых рефлексов личности в годы Английской революции и ростом преступности. Однако он убежден, что указанная закономерность непременно характеризовала английское общество. Е.В. Кунц приходит к выводу, что смертная казнь, к примеру, выступала карательной мерой в Англии на протяжении всей истории страны и носила массовый характер вне зависимости от того, переживало ли общество революцию [6]. Поэтому, с нашей точки зрения, говорить с уверенностью о наличии указанной закономерности затруднительно, однако П.А. Сорокин убежден в обратном.

Деформацию рефлексов «узко-религиозных» (согласно написанию П.А. Сорокина) социолог понимает следующим образом: «Это выражается в падении авторитета религии, в ее преследовании, в росте атеизма и религиозного безразличия» [3, с. 377]. Обозначенный процесс П.А. Сорокин прослеживает накануне и на первом этапе Английской революции. К сожалению, он не раскрывает подробно, в каких действиях английского народа или отдельно взятых исторических деятелей нашло выражение снижение востребованности религии, что было бы крайне интересно, учитывая утвердившуюся в работах Н.И. Кареева и М.М. Ковалевского точку зрения о религиозной основе Английской революции XVII столетия. Редкие ссылки на их работы позволяют заключить, что П.А. Сорокин был знаком с этими исследованиями. Кроме того, М.М. Ковалевский и Н.И. Кареев – учителя П.А. Сорокина, но при этом сходства в подходах к оценке событий Английской революции между ученым и его наставниками не наблюдается.

От причин революции П.А. Сорокин переходит к определению ее итогов. В числе социально-экономических последствий он прежде всего отмечает колоссальные человеческие жертвы. «Отдельные эпизоды революции вроде поголовного избиения населения Дроггеты, Уэксфорда, избиения 100 тыс. или (по другим сведениям) 200 тыс. ирландцев в 1651 г., очевидно, в сильной степени увеличили общее число жертв революции», – читаем в «Социологии революции» [3, с. 399]. Здесь П.А. Сорокин прав. Крупные социальные кризисы (войны, революции) неизбежно сопровождаются значительным количеством человеческих жертв.

Вторым сложным социальным последствием революции становится, по П.А. Сорокину, «отрицательная селекция народа», или «отбор “шиворот-навыворот”» [3, с. 418]. Под этим явлением социолог понимает гибель выдающихся людей, революционных представителей, лучших умов своего времени. Для него неважно, какую сторону в политическом, идеологическом или религиозном плане представляли эти деятели в период Английской революции, он подчеркивает, что все они погибли именно в революционные годы. Об этом говорит следующая цитата: «Можно по-разному оценивать таких лиц, как Страффорд, Лод, Монтроз, Кэплъ, Гамильтон, Локкьер, Дерби и другие, с одной стороны, и таких как Гемпден, Блейк или сам Кромвель, быстро сгоревшие в революции, – с другой, можно порицать или хвалить наиболее выдающихся республиканцев или роялистов, но что они были незаурядными фигурами и что большинство их погибло – это не подлежит сомнению» [3, с. 418].

В-третьих, в годы революции меняются скорости изменения состава разных социальных групп, члены общества становятся более мобильными. У представителей низших сословий появляется возможность продвижения по социальной лестнице ввиду того, что жесткие в мирное время сословные барьеры ослабевают, в период революции размываются. Один и тот же член общества, как замечает П.А. Сорокин, может состоять сразу в нескольких политических организациях разной направленности или, отстаивая вначале одни убеждения, менять их по ходу наблюдаемых событий. Ученый рисует следующую картину социальной «циркуляции» во время Английской революции 1640–1660 гг.: «Первый этап ее состоял в массовом низвержении высшей аристократии (кавалеров и высшего слоя английской церковной иерархии с королем во главе) и массовом подъеме ближайших к ним слоев, раньше имевших незначительное влияние в командующих классах. Второй этап – в сползании этих слоев вниз и в возвышении “средних и частью низших классов во главе с Кромвелем”. <...> Протекторат Кромвеля, роспуск Долгого парламента, уничтожение палаты лордов и т. д. – вот основные вехи, указывающие на этот второй “обвал”. За ним начался третий, в виде многочисленных попыток еще более низких слоев² свалить власть Кромвеля и средних слоев, на которые он опирался. Но этот «взрыв» был подавлен Кромвелем, в 1653–1656 гг. резко выступившим против них. С конца его протектората начинается обратная циркуляция, выразившаяся в резком разрыве Кромвеля с крайними группами, представлявшими интересы низов³, в разгоне Бербонского парламента, в заигрывании со слоями более высокими, в привлечении их в командующие классы» [3, с. 433]. Здесь мы неслучайно приводим обширную цитату из «Социологии революции». В ней, по сути, П.А. Сорокин заключает мысль о том, что движение масс в период революции имеет циклический характер, итогом чего становится возвращение в конце революции всех социальных групп на свои места в социальной иерархии. Собственно такая форма циркуляции масс неизбежно приводит к реставрации прежних порядков, что, по мнению ученого, и наблюдалось в Англии в 1660 г.

Анализ движения масс, особенности их социальной мобильности, как видно из текста исследования, привлекали П.А. Сорокина. Рассуждая по этому поводу, он стремился определить «механизмы распределения и отбора индивидов в период революции», понять, какими характеристиками должен обладать человек, чтобы в революционное время очутиться у власти. Ученый пытался ответить на вопрос, почему революция часто меняет своих лиде-

² К ним П.А. Сорокин относит миллениариев, мистиков, диггеров.

³ П.А. Сорокин отсылает к речи О. Кромвеля в парламенте 22 января 1655 г.

ров. Для этого он рассматривает психологические типы лидеров, характерные для первого и второго этапов революции.

«Так как основная задача первого периода революции заключается в разрушении, а основная деятельность – в борьбе... то в этот период на первые роли неизбежно выступают энергичные люди с доминирующими разрушительными, а не созидательными импульсами ...люди “одной идеи”», – размышляет социолог [3, с. 454]. Второй же, нисходящий период революции неизбежно поднимает наверх «людей оружия», военных, способных подавить революцию. Как уже было отмечено выше, в качестве усмиряющих мер «люди оружия» применяют террор, насилие. «Так как, с другой стороны, революция – это война, то, как и всякая война, она не может не выдвигать в первые ряды профессионалов своего дела» [3, с. 455]. К этому психологическому типу вождей революции П.А. Сорокин без колебаний относит О. Кромвеля. Предвосхищая вопросы своих читателей о деятелях, которые закрепляются у власти с началом революции и сохраняют власть в своих руках на этапе контрреволюции, продолжая представлять правящий класс и дальше в мирное время, П.А. Сорокин определяет третий психологический тип – «циники-комбинаторы». Он дает ему следующие характеристики: «...циники – крупные жулики, держащие нос по ветру, хорошо чующие погоду, готовые переменить свои убеждения и взгляды в любой нужный момент, не признающие ничего святого, кроме собственного благополучия» [3, с. 455]. В истории Английской революции такими качествами, по его мнению, обладали Генри Милдмей и М. Уитейкер, о которых в целом нельзя сказать, что они занимали видное положение в правительстве Карла I или О. Кромвеля. Самыми же опасными политиками П.А. Сорокину представляются люди первого типа, стремящиеся все политические решения оправдать революционной идеей. «Революционный и контрреволюционный фанатизм страшнее цинизма», – делает вывод ученый. Однако таких фанатиков в истории Английской революции он не находит.

Продолжая исследовать изменения социальной структуры общества в годы революции, П.А. Сорокин выдвигает тезис о том, что неизбежным в это время становится вмешательство государства во все сферы жизни социума. Деятельность всего населения подчиняется нуждам государства, строительство нового государства выступает в качестве конечной цели общественного развития. Подобный процесс П.А. Сорокин определил как «этатический деспотизм», рост которого неизбежен в период революции по двум причинам: «1) война; 2) усиление голода и нищеты масс при наличии имущественной дифференциации» [3, с. 467]. Ввиду усиления действия данных факторов власти ничего не остается, кроме как расширить свои функции в деле перераспределения ресурсов, главным образом продовольствия; ввести чрезвычайные меры, отвечающие требованиям революционного времени, что было характерно для Английской революции 1640–1660 гг., как для любой другой революции Нового и Новейшего времени. П.А. Сорокин подтверждает приведенный тезис цитатой из Ф. Гизо: «Доказательством тому служат: 1) произвольные массовые конфискации, производившиеся революционным правительством и достигшие в Ирландии колоссальных размеров; 2) усиленная борьба с торговцами на почве борьбы с голодом: таксация цен, платы прибылей, и регулировка обмена и распределения; 3) произвольное налогообложение, взимание штрафов и пени; 4) принудительные займы у City и богачей; 5) ряд монополий, введенных правительством» [3, с. 469], – все это усиливало государственное присутствие в экономике Англии.

П.А. Сорокин не оригинален в оценке экономической ситуации в годы Английской революции. Он отмечает, что политическая борьба приводит к падению темпов производства в стране, на фоне чего происходит размывание имущественной дифференциации. Имушие слои населения теряют свои средства, тем самым революция ведет «к равенству в нищете». Собственно экономика переживает в период революции глубокий кризис. Социолог здесь опирается не только на «Историю Английской революции» Ф. Гизо; он, привлекая работы М.М. Ковалевского и Э. Бернштейна, рисует следующую картину состояния экономики Англии: «Гражданская война и рост армии пожирала доходы страны, расстраивали промышленность, торговлю, финансы, усиливали нужду и голод. Финансы республиканской власти находились в плачевном состоянии. ...Доходы резко сократились. Отсюда – постоянный громадный дефицит. А потому: рост налогов, конфискация имуществ и богатств, акцизы, вплоть до продажи картин и даже сборов для пополнения казны. В связи с этим – расстройство народного хозяйства, общее обеднение, голод (1649 и др. гг.) и нужда» [3, с. 482].

Справедливым будет утверждение о том, что финансовый кризис в Англии начался гораздо раньше разгоревшейся революции. Более того, вопрос налогообложения и введения иных видов сборов с английского народа находит отражение в «Петиции о праве» [7], согласно тексту которой король не мог без согласия парламента принуждать поданных к выплате налогов и иных видов денежных пожертвований в пользу короны. По мнению Н.И. Кареева, непопулярная налоговая политика Карла I лишь приближала Англию к революции. Добавившиеся к этому религиозные разногласия между короной и буржуазией привели к ужесточению цензуры и введению карательной политики в стране, на реализацию которой требовались дополнительные средства, чем, собственно, и были вызваны волнения в парламенте 1640 г. [8].

Кроме ухудшения социально-экономического и политического состояния общества революция, согласно П.А. Сорокину, оказывает негативное влияние и на культуру. Изменения в духовной сфере общества, его психологии ярче всего проявляются через образование. Именно система просвещения, как считал П.А. Сорокин, претерпевает в революционное время сильнейшие трансформации. Здесь же ученый аплодирует революции, которая на практике разбивает теоретические взгляды ее идеологов. В остальном же она сказывается на духовной жизни населения отрицательно. Успех антимонархической идеологии первого периода Английской революции обусловлен, согласно П.А. Сорокину, рефлекторными импульсами у масс, направленными на освобождение от институтов и лиц, которые создают в стране условия, ущемляющие базовые потребности людей. Потому «памфлеты Пейна, Бортон, Бествика, Лильберна, идеологии левеллеров и индепендентов, бичевавшие ущемляющие условия того времени (Епископальную церковь, Звездную палату, короля и т. д.)» [3, с. 497], имели колоссальный успех в первый период революции. Но затем республиканские идеи разбиваются о революционный опыт масс, и на смену им приходят идеи государства как объединяющей, основополагающей силы. «“Левиафан” Гоббса приходит на место идеологий, отрицающих государство...», – подчеркивает П.А. Сорокин [3, с. 499].

В пятом очерке своего труда социолог предпринял попытку развенчать политические, экономические и иные «обещания» революции, дабы наглядно показать читателям, что требования, выдвигаемые революционными массами и транслируемые лидерами революции, никогда не исполняются, если последние приходят к власти. Здесь Английская революция оценивается по аналогии с Великой французской революцией, «лист обещаний и исполнений» которой приведен в «Социологии революции» подробно. По поводу реализации иде-

ологических, политических и религиозных требований английского народа ученый писал: «То же самое [что и в годы Великой французской революции] происходило во время английской революции. Революционеры обещали свободу, а на деле дали тиранию. Они обещали соединение и торжество протестантизма, а вместо того вели войну с протестантской страной. <...> Мудрено ли поэтому, что вместо провозглашенной республики, уничтожения королевской власти и палаты лордов монархия явилась снова, палата лордов – тоже, а республика погибла бесславно» [3, с. 510].

Заключение

На основании всего вышеперечисленного П.А. Сорокин приходит к выводу, что Английская революция 1640–1660 гг., как предшествующие и последующие революции, не содержала в себе никаких созидательных начал. Она не внесла существенных изменений в социальную организацию английского общества, не трансформировала государственного устройства, практически не нашла выражения в духовной сфере. Более того, в ходе революции механизмы, контролирующие поведение индивида, ослабевают, а ущемление основных человеческих инстинктов приводит к усугублению революционной ситуации. Интересно, что П.А. Сорокин приходит к парадоксальному выводу о том, что, хотя революции и бессмысленны, они неизбежны. «Но, спросят меня, если революция, вызванная ущемлением инстинктов, сама еще сильнее ущемляет их, то чем же и как же разрешается этот тупик? <...> Он не разрешает, а разрушается...» [3, с. 589], и «разрушает» его революция.

В завершение кратко остановимся на «источниковой базе» исследования Английской революции 1640–1660 гг., предложенной П.А. Сорокиным. Данное понятие не случайно берется в кавычки. В «Социологии революции», как и в других историко-социологических работах ученого, оно носит условный характер и представлено не документами эпохи, а трудами историков, посвященными этим событиям. Оформленный библиографический аппарат «Социологии революции» позволяет установить, что в качестве исторических источников для анализа Английской революции П.А. Сорокин взял следующие работы: «Историю Английской революции» Ф. Гизо, «Историю содружества и протектората» С. Гардинера, «От прямого народоправства к представительному» и «Экономический рост Европы» М.М. Ковалевского, «Коммунистические и демократо-социалистические течения Английской революции XVII в.» Э. Бернштейна, а также однократно приводилась ссылка на четвертый том «Истории Западной Европы» Н.И. Кареева. Учитывая, что предпочтение при апробации своих выводов П.А. Сорокин отдавал работе Франсуа Гизо, то и тезаурус при изложении взглядов на Английскую революцию у социолога преимущественно французский. Отметим, что взгляд П.А. Сорокина на Английскую революцию сложно отнести к торийской или вигской традиции, но, по нашему мнению, этого и не требуется.

Таким образом, Английская революция XVII в. представлена на страницах «Социологии революции» П.А. Сорокина как социальный процесс, имеющий свои закономерности. Ученый обращается к анализу английских событий 1640–1660 гг. скорее не с позиции историка, а с позиции социолога. Вследствие этого он не углубляется в некоторые вопросы (например, развитие экономики в Англии XVII в.) и, игнорируя их, делает подчас поверхностные обобщения.

Заслуга П.А. Сорокина не в том, что он смог изложить события Английской революции в хронологической последовательности, дать ей историческое описание, интерпретировать

их, а в том, что на стыке социологической и исторической науки он сумел выявить механизмы действия революции, определить психологическое состояние масс и попытался найти первопричину тех политических, экономических, социальных требований, которые чаще всего представлены в исторической литературе как основные причины революции. Добавим, что предложенный П.А. Сорокиным алгоритм изучения революций в истории позволяет поставить два проблемных вопроса, требующих дополнительной разработки: первый касается наличия общих черт в каждом качественно сходном уникальном историческом событии (явлении); второй – методологический, связанный с обоснованием и выработкой практики применения социологического подхода в истории.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

Литература

1. Оболенская С.В. Человек, обладавший даром привлекать сердца [к 75-летию Манфреда] // Французский ежегодник. 1981. М.: Наука, 1983. С. 158–166.
2. Русанова В.С. «Социология революции» П.А. Сорокина в оценках современников // Изв. вузов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2020. № 2 (54). С. 32–39. <https://doi.org/10.21685/2072-3024-2020-2-4>.
3. Сорокин П.А. Листки из русского дневника. Социология революции / Сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. Сыктывкар: Анбур, 2015. 848 с.
4. Треvelyan Д.М. История Англии от Чосера до королевы Виктории. Смоленск: Русич, 2001. 614 с.
5. Гернет М.Н. Революция, рост преступности и смертная казнь. М: Начало, 1917. 30 с.
6. Кунц Е.В. Из истории смертной казни в Великобритании // Уголовно-исполнительное право. 2020. Т. 15 (1–4), № 3. С. 287–291. [https://doi.org/10.33463/2687-122X.2020.15\(1-4\).3.287-291](https://doi.org/10.33463/2687-122X.2020.15(1-4).3.287-291).
7. Петиция о праве 1628 г. // Законодательство Английской революции 1640–1660 гг. / Отв. ред. Е.А. Косминский. М.-Л: Изд-во АН СССР, 1946. С. 21–24.
8. Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время: в 7 т. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича. Т. II, 1904. 625 с.

References

1. Obolenskaya S.V. A man with a gift of inspiring hearts [Celebrating the 75th Anniversary of Manfred]. In: *Frantsuzskii ezhegodnik. 1981* [French Yearbook. 1981]. Moscow, Nauka, 1983, pp. 158–166. (In Russian)
2. Rusanova V.S. “The Sociology of Revolution” by P.A. Sorokin in the reviews by contemporaries. *Izvestiya Vuzov. Povolzhskii Region. Gumanitarnye Nauki*, 2020, no. 2 (54), pp. 32–39. <https://doi.org/10.21685/2072-3024-2020-2-4>. (In Russian)
3. Sorokin P.A. *Listki iz russkogo dnevnika. Sotsiologiya revolyutsii* [Leaves from a Russian Diary. The Sociology of Revolution]. Syktyvkar, Anbur, 2015. 848 p. (In Russian)
4. Trevelyan G.M. *Istoriya Anglii ot Chosera do korolevy Viktorii* [English Social History: A Survey of Six Centuries, Chaucer to Queen Victoria]. Smolensk, Rusich, 2001. 614 p. (In Russian)
5. Gernet M.N. *Revolutsiya, rost prestupnosti i smertnaya kazn'* [The Revolution, Rising Crime, and the Death Penalty]. Moscow, Nachalo, 1917. 30 p. (In Russian)
6. Kunts E.V. A history of the death penalty in Great Britain. *Ugolovno-Ispolnitel'noe Pravo*, 2020, vol. 15 (1–4), no. 3, pp. 287–291. [https://doi.org/10.33463/2687-122X.2020.15\(1-4\).3.287-291](https://doi.org/10.33463/2687-122X.2020.15(1-4).3.287-291). (In Russian)

7. The Petition of Right, 1628. In: Kosminsky E.A. (Ed.) *Zakonodatel'stvo Angliiskoi revolyutsii 1640–1660 gg.* [Legislation of the English Revolution, 1640–1660]. Moscow, Leningrad, Izd. Akad. Nauk SSSR, 1946, pp. 21–24. (In Russian)
8. Kareev N.I. *Istoriya Zapadnoi Evropy v Novoe vremya* [History of Western Europe in Modern Times]. Vol. II. St. Petersburg, Tip. M.M. Stasyulevicha, 1904. 625 p. (In Russian)

Информация об авторах

Русанова Вера Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина

E-mail: vera.petrashun@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9842-9184>

Author Information

Vera S. Rusanova, Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of History of Russia and Foreign Countries, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

E-mail: vera.petrashun@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9842-9184>

Поступила в редакцию 20.06.2024

Принята к публикации 19.12.2024

Received June 20, 2024

Accepted December 19, 2024

Оригинальная статья

УДК 93/94(47)

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.43-55>**«Разрешите указать, что в томе использовался предоставленный
вами материал»: эпизод из истории подготовки IV тома
«Очерков истории СССР» 1953 г. (по материалам
личного фонда Н.Г. Бережкова)****Д.С. Скуднякова***skudnyakova.darja@gmail.com**Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, 603022, Россия***Аннотация**

В настоящей статье изучены материалы и обстоятельства, касающиеся подготовки и публикации раздела по Великому княжеству Литовскому в III и IV томах «Очерков истории СССР». В 40–50-х годах XX в. в рамках формирования новой системы образования в Советском Союзе Академия наук проводила работу по подготовке к изданию многотомника «Очерков истории СССР», доведивших историю территорий, вошедших в состав СССР, до второй половины XVIII в. Главным редактором был назначен Б.Д. Греков, для работы над материалами было привлечено более 50 ученых-историков. В состав рабочей группы вошел крупный российский и советский историк, литуанист, основоположник систематической хронологии Древней Руси Н.Г. Бережков. В его задачу входила подготовка текста по истории Великого княжества Литовского, а также хронологии для III и IV томов. В документах личного фонда историка были обнаружены черновики для данной работы общим объемом более 1000 листов. Однако во введении к III тому, где перечислены имена всех ученых, работавших над материалом, Николая Георгиевича Бережкова нет, он упоминается как автор хронологии, и далее, в приписке, говорится о том, что использованы его авторские материалы. Обстоятельства ситуации раскрываются на основе изучения его переписки с коллегами В.Т. Пашуто и Л.В. Черепниным – ответственными за подготовку материалов к печати.

Ключевые слова: интеллектуальная биография, «Очерки истории СССР», редакционная комиссия, подготовка материалов, литуанистика, хронология, научная среда, Б.Д. Греков, В.Т. Пашуто, Л.В. Черепнин, Н.Г. Бережков

Для цитирования: Скуднякова Д.С. «Разрешите указать, что в томе использовался предоставленный вами материал»: эпизод из истории подготовки IV тома «Очерков истории СССР» 1953 г. (по материалам личного фонда Н.Г. Бережкова) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2025. Т. 167, кн. 1. С. 43–55. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.43-55>.

Original article

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.43-55>

**"Let me point out that the volume includes the material you provided":
An episode from the making of Volume IV of "Essays on the History
of the USSR," 1953 (based on the personal archive of N.G. Berezhev)**

D.S. Skudnyakova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

skudnyakova.darja@gmail.com

Abstract

This article examines the materials and circumstances related to the making and publication of the section on the Grand Duchy of Lithuania in Volumes III and IV of "Essays on the History of the USSR." In the 1940s and 1950s, as the Soviet Union developed a new system of education, the Academy of Sciences of the USSR initiated work on a multi-volume historical compendium, "Essays on the History of the USSR," to cover the development, up to the second half of the 18th century, of the territories incorporated into the Soviet Union. Under the chief editorship of B.D. Grekov, more than 50 historians contributed to the project. The working group involved N.G. Berezhev, who was a prominent Russian and Soviet historian, a distinguished specialist in Lituanistics, and a pioneer in the systematic chronology of Ancient Rus'. He was asked to draft the section on the history of the Grand Duchy of Lithuania and the chronology for Volumes III and VI. The drafts, over 1000 manuscript pages, are now part of his personal archive. However, despite the scholar's substantial role, he was not mentioned in the introduction to Volume III, where the names of all other contributors were listed. Instead, he was credited as the author of the chronology, with a brief postscript acknowledging the use of his materials. Here, the circumstances surrounding this situation are disclosed through an analysis of N.G. Berezhev's correspondence with his colleagues V.T. Pashuto and L.V. Cherepnin, both responsible for preparing the materials for publication.

Keywords: intellectual biography, "Essays on the History of the USSR," editorial committee, work on materials, Lituanistics, chronology, academic community, B.D. Grekov, V.T. Pashuto, L.V. Cherepnin, N.G. Berezhev

For citation: Skudnyakova D.S. "Let me point out that the volume includes the material you provided": An episode from the making of Volume IV of "Essays on the History of the USSR," 1953 (based on the personal archive of N.G. Berezhev). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2025, vol. 167, no. 1, pp. 43–55. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.43-55>. (In Russian)

Введение

Взаимодействие социокультурной среды и личности является неотъемлемой частью объекта «персональной истории» — одного из современных перспективных направлений исторической науки [1, с. 55–56]. Через жизнь отдельного человека, понимание биографии и эмоционального восприятия событий, анализ коммуникативных связей, а также оставшегося материального и нематериального наследия можно постичь историческую эпоху. Таким образом, проблематику изучения этапов биографии личности следует в какой-то мере

приравнять к проблематике изучения определенного исторического периода или события, ограниченного пространственно-временными рамками. Особую актуальность интеллектуальной биографии как способа исследования социокультурных срезов прошлого обуславливает возможность изучения конкретных судеб деятелей науки и культуры.

Сложные общественно-политические процессы, происходившие в нашей стране в XX в., безусловно, нашли свое отражение в развитии научной и общественно-политической мысли. Советская эпоха стала временем формирования новой системы образования вообще и высшего образования в частности, при этом к процессу создания нового подхода к знанию о прошлом, исторической науке неизбежно привлекались квалифицированные кадры, получившие образование и сформировавшиеся как историки в царской России. Но они же и переживали определенную деформацию под влиянием своеобразного «государственного заказа».

Одним из таких ученых был крупный российский и советский историк, литуанист, основоположник систематической хронологии Древней Руси, доктор исторических наук Николай Георгиевич Бережков (1886–1956). Он родился в Нижнем Новгороде в 1886 г. в семье учителя словесности, окончил нижегородскую гимназию [2, с. 354]. Генеалогия семьи восходит к владимирскому духовенству и пересекается с родословием знаменитого государственного деятеля времен царствования Александра I и Николая I – М.М. Сперанского; историк знал об этом родстве и в зрелые годы установил его степень (РГБ. К. 3. Д. 1). В 1905 г. Н.Г. Бережков поступил на историко-филологический факультет Московского университета, но приступил к систематической учебе позже в связи с семейными обстоятельствами и из-за периодических закрытий *alma mater* во время Первой российской революции. Его научным руководителем стал крупный отечественный историк М.К. Любавский (ректор Московского университета в 1911–1917 гг., академик, ученик знаменитого В.О. Ключевского), специалист по исторической географии России и крупный исследователь истории Великого княжества Литовского.

Оценив научные способности студента Николая Бережкова (две его студенческие статьи «Шляхетское землевладение по первому литовскому статуту» и «Аграрная реформа XVI в. в Литовско-Русском государстве» удостоились университетских премий, а работа «Устава замков, держав и дворцов Сигизмунда-Августа, предшествовавшая “Волочной уставе”» [3] была опубликована в Журнале Министерства народного просвещения), М.К. Любавский приложил много сил, чтобы тот остался в науке. После окончания Н.Г. Бережковым университета его научный руководитель содействовал трудоустройству своего ученика в Московский архив Министерства юстиции, где он проработал несколько лет, включая и первые годы Советской власти. Основным направлением деятельности историка было изучение материалов древне-литовского архива (Литовской метрики). М.К. Любавский в 1919 г. рекомендовал своего ученика для преподавания в Нижегородском университете. В 1920 г. Н.Г. Бережков на несколько лет переезжает в Рязань и возвращается в столицу только в 1923 г. К этому времени у него уже был преподавательский опыт: он читал курсы в Московском археологическом институте, Нижегородском университете (см. подробнее [4]), Рязанском институте народного образования. По возвращении в Москву Н.Г. Бережков стал преподавателем Института народного хозяйства и Высшего технического училища и тогда же возобновил исследования Литовской метрики. С 1924 по 1934 г. он работал в Музее революции, затем в течение года – в музее «Каторга и ссылка» (РГБ. К. 12, 13), а с 1935 г. и вплоть до выхода на пенсию в 1951 г. служил в Институте истории Академии наук СССР. Отслеживая его путь по служебной лестнице, следует признать, что смысловое наполнение подобного служения было общим для всего поколения историков, к которому относился

Н.Г. Бережков: «Он принадлежит к той плеяде ученых, что сформировались в дореволюционное время, а после 1917 г. им приходилось как-то приспособливать свои идеалы, жизненные и мировоззренческие ценности к новым веяниям, где-то идти на компромисс, где-то умерять и утишать свое негодование, а где-то принципиально держаться своей позиции» [4, с. 1013].

Источниковедение Литовской метрики увенчалось защитой Н.Г. Бережковым докторской диссертации в 1946 г. На ее базе впервые в СССР (и после почти 50-летнего перерыва) началось издание материалов этого важного источника по истории Восточной Европы эпохи позднего Средневековья [5]. Следующее обращение к Литовской метрике состоялось только в 80–90-х годах XX в. в рамках многосторонних международных белорусско-литовско-польско-российских исследований. Так научная деятельность Н.Г. Бережкова, чуть ли не единственного в СССР в 50–60-х годах XX в. специалиста по истории Великого княжества Литовского, стала связующим звеном отечественной литуанистики дореволюционного и советского периодов [4, с. 1013]. Другим значимым направлением научной деятельности Н.Г. Бережкова является хронология русского летописания [6]. Справедлива следующая оценка этой деятельности ученого: «Его “Хронология...” и сейчас живет многих трудов, увидевших свет в 1950-е–1980-е гг.; она пережила уточнения, критику, но отойдет на задний план и станет классикой историографии, лишь когда будет предложено новое системное исследование хронологии Древней Руси с практическим выходом в источниковедение и собственно исторические исследования. “Хронология...” определила жесткую временную структуру “хронотопа” Древней Руси, ее временную ось координат, поскольку все профессиональные исследования событий Древней Руси выверяются по справочному компендиуму Н.Г. Бережкова» [4, с. 1012]. «Хронология русского летописания» лишний раз подтверждает тезис о том, что труды в области специальных (вспомогательных) дисциплин, которые носят справочный характер, сохраняют научную актуальность на протяжении многих десятилетий, чего нельзя сказать о большинстве исторических нарративов.

При таком значительном вкладе в отечественную и мировую историческую науку и высокой историографической актуальности жизнь Николая Георгиевича (вторая часть формулы «его труды и дни») изучена крайне мало. Единственным опытом – и то лапидарным – биографии крупнейшего специалиста в области вспомогательных исторических дисциплин, источниковедения и хронологии Н.Г. Бережкова можно назвать статью историка с драматичной судьбой Н.Н. Улащика. Этот пятистраничный обзор событий жизни ученого, опубликованный после его смерти [2], является, по сути, «перелицовкой» некролога Н.Г. Бережкову, написанного тем же Н.Н. Улащиком. Другие варианты его жизнеописания основаны на тексте Н.Н. Улащика [7; 8]. Названные обстоятельства предопределяют важность задачи изучения биографии историка Н.Г. Бережкова, чья жизнь пришлась на разные эпохи, драматичная смена которых оказала огромное воздействие на его судьбу и научное творчество.

Ранее решение поставленной задачи затруднялось малочисленностью и рассеянностью источников. Лишь недавно внимание ученых привлек комплекс документов личного происхождения, связанных с Н.Г. Бережковым. В первую очередь это дневники, которые историк вел на протяжении всей жизни, начиная с 11 лет (РГБ. К. 75–79, 93–100). Также выявлены важные материалы, связанные с Н.Г. Бережковым и хранящиеся в личных архивных фондах его коллег, прежде всего в Архиве РАН; определенный массив источников по биографии Н.Г. Бережкова формируется в различных фондах нижегородских архивохранилищ – по его

обучению в гимназии и по университету, в котором он преподавал в 1919–1921 гг. Такая источниковая ситуация предопределила, что только в 2023–2024 гг. произошло новое обращение к биографии ученого и его наследию [4; 9].

Издание «Очерки истории СССР». Общие сведения

Изучение биографии Н.Г. Бережкова позволит взглянуть на многие проблемы развития отечественной историографии советского периода под другим углом зрения, привнести новые смыслы в понимание бытия человека и истории на переломе эпох, осветить иные грани осмысления и трактовки известных историографических событий. Одним из них можно считать подготовку и издание девяти томов «Очерков истории СССР», доводивших историю территорий, вошедших в состав Советского Союза, до второй половины XVIII в.

Выход в свет «Очерков истории СССР» стал своеобразной вехой в развитии отечественной исторической науки второй трети XX в., как, впрочем, и задумывалось. С одной стороны, они продолжали дореволюционную традицию представления совокупного знания о прошлом Российской империи по социально-идеологическим периодам, как это показал Н.Л. Рубинштейн. Согласно ему, академическое представление прошлого России развивалось как переход через феодальный и буржуазный этапы к советскому времени [10, с. 15]. Этот социалистический этап в развитии историографии мыслился как заключительный и единственно правильный, следствием чего и должно было стать создание труда, обобщающего итоги предшествующего пути советской исторической науки. Он был призван воплотить все ее успехи и достижения, наметить перспективы развития нарратива о прошлом СССР. В некотором смысле следовало создать компендиум, подобный этапным трудам Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского. С другой стороны, запланированные девять томов «Очерков истории СССР» (далее – «Очерки...») должны были запечатлеть «поступь» истории, закономерно ведущую к торжеству социализма в СССР в своеобразном сталинском изводе. Важным аспектом упомянутого процесса являлось «вбирание» других земель и народов Русью-Россией, двигавшейся поступательно от первобытности через преодоление элементов рабовладения к феодализму и его кризису. Обозначенную задачу решал главный редактор многотомника Б.Д. Греков, что неслучайно. Вот как писал почти 30 лет спустя его ученик В.Т. Пашуто: «Впервые социально-экономическая история Древней Руси, феодальной раздробленности и централизованной России была состыкована, сомкнута воедино. Концепция Грекова заступила место концепции его великого предшественника в буржуазной науке Василия Осиповича Ключевского» [11, с. 5].

Смерть И.В. Сталина в 1953 г. лишила 9-томные «Очерки...» концептуальной цельности, а также перспективы – представить полный системный «курс» истории СССР, выстроенный на единой методологической основе. Ситуация усугублялась еще и тем, что первыми в 1953 г. вышли III и IV тома «Очерков...», посвященные IX–XIII и XIV–XV вв. соответственно [12; 13]. Остальные тома выходили уже в 1955–1958 гг., когда наступила оттепель, шел процесс десталинизации, выражавшейся прежде всего в ревизии идеологических и концептуально-теоретических положений марксизма в области социологии и истории. Еще одним важным фактором «эрозии» концепции «Очерков...» стала смерть в том же 1953 г. академика Б.Д. Грекова, незадолго до которой его на Президиуме АН СССР подвергли критике за медленную реализацию ряда академических проектов, в числе которых значились и «Очерки...». Критика, прозвучавшая в адрес Института истории на XIX съезде КПСС в октябре 1952 г., по-видимому, спровоцировала ухудшение его здоровья [14]. В IV томе фамилия главного редактора уже была помещена в траурную рамку, но «за несколько дней

до кончины Б.Д. Греков подписал как ответственный редактор на выпуск в свет «Очерки истории СССР. IX–XV вв.» [11, с. 9]. Таким образом, получилось, что концептуальный контур сталинского проекта «Очерков...», очерченный во Введении к III тому [12, с. 7–24], «обрамлял» лишь III и IV тома, к работе над которыми и был привлечен Н.Г. Бережков.

Ученый выверил и подготовил хронологию обоих томов. Работа была принята и без изменений и правок вошла в печатный вариант. Во Введении подчеркивалось, что «хронология научно выверена Н.Г. Бережковым» [12, с. 24]. Эта поначалу вспомогательная работа затем переросла в исследование Николаем Георгиевичем хронологии русских летописей и в подготовку фундаментального источниковедческого справочно-обобщающего труда. Издан он, однако, был уже после смерти автора, в 1963 г. [6]: «...он [Н.Г. Бережков] еще и еще раз проверял хронологические расчеты по летописям и может быть до сих пор не выпустил бы своей книги в свет, если бы... не смерть, прекратившая авторский творческий процесс и передавшая рукопись в руки друзей, которые ее опубликовали»¹ [17, с. 70]. В «Хронологии русского летописания» все расхождения в датировках событий в летописях были проанализированы и приведены к единому формату летоисчисления (ученый не только рассматривал дату самого исторического события, но и провел аналитическую работу по сопоставлению событий с датами календарных праздников и астрономических явлений, действиями мартовского, ультра-мартовского, сентябрьского и др. стилей). Еще Н.Г. Бережков готовил очерк по истории Великого княжества Литовского, и здесь его профессионализм сыграл с ним злую шутку.

Проект «Очерки истории СССР». Взаимодействие Н.Г. Бережкова с В.Т. Пашуто и Л.В. Черепниным

Подготовка и публикация «Очерков...», кроме прочего, была продиктована политическими и идеологическими причинами (по замыслу высшего партийного руководства многотомник был нацелен на закрепление в массовом сознании читателей идеи общности истории и культуры земель, вошедших в состав СССР). Само издание должно было стать результатом коллективной работы многих историков, а подготовка издания осуществлялась Институтом истории Академии наук СССР. Для решения задачи паритетного отражения в «Очерках...» общей культурно-исторической, политической и социально-экономической связи всех территорий, вошедших в состав СССР, было привлечено более 50 ученых, занимавшихся узкоспециализированным изучением конкретных территорий.

Хотя ответственным редактором обеих частей был Б.Д. Греков, фактическими составителями III и IV томов, вносившими редакторскую корректуру, были доктор исторических наук Л.В. Черепнин и на тот момент кандидат исторических наук В.Т. Пашуто [12, с. 3]. Последний в 1948 г. защитил под руководством Б.Д. Грекова кандидатскую диссертацию и являлся специалистом по истории Юго-Западной Руси [15].

Н.Г. Бережков, будучи ведущим советским специалистом в области литуанистики, естественно, получил «заказ» на подготовку текста по истории Великого княжества Литовского (одного из крупнейших административно-территориальных образований эпохи феодализма в Восточной Европе). В проекции на территориальный состав СССР оно частично включало земли РСФСР, Украинской и Белорусской республик, созданных в 1922 г., Западной Украины и Западной Белоруссии, вошедших в состав СССР в 1939 г., а также Литовской, Латвийской, Молдавской и Эстонской республик, включенных в состав СССР в 1939–1940 гг. («за скобками» представления в «Очерках...» оказывалась только польская территория

¹ Здесь и далее сохраняется орфография и пунктуация источника.

Подляшья, ранее входившая в состав Великого княжества Литовского). В личном фонде Н.Г. Бережкова выявлено множество черновиков, свидетельствовавших о подготовке «литовского» материала для «Очерков...», в них самые ранние записи о работе над изданием датируются 1937 г. (РГБ. К. 30. Д. 14) и связаны с довоенным периодом подготовки многотомника, который на тот момент планировалось выпустить под названием «История СССР» (РГБ. К. 86. Д. 27. Л. 207). Однако в перечне фамилий историков, участвовавших в составлении обоих томов (перечислены во Введении III тома «Очерков...», общем для обоих томов), Н.Г. Бережков не значится, хотя ниже указано, что его текст был использован при составлении очерка о Великом княжестве Литовском.

Объяснение подобного казуса стало возможным благодаря изучению переписки Н.Г. Бережкова с «редакционной комиссией» (РГБ. К. 80, 86).

Письма раскрывают расхождения в трактовке членами редколлегии и Н.Г. Бережковым целей и задач «Очерков...». В соответствии со своим пониманием и государственными требованиями редакционная группа «выравнивала» все поступающие для издания статьи на предмет равновесного включения информации по истории всех народов, проживающих на территории СССР. Она ограничивала по объему материалы почти каждого автора, «подгоняя» их под единые требования и следя за единообразием внутренней структуры параграфа, за включением в текст информации по политической и социально-экономической истории территорий. Н.Г. Бережков представил академическое исследование, которое готовил с 1949 г., и, будучи историком классической школы, не понял политико-идеологического контекста готовящегося труда. После получения верстки материала в 1953 г. ученый нашел свой текст урезанным и переработанным. Недовольство и раздражение его, высказанные Л.В. Черепнину, а через него и В.Т. Пашуто, привели к неожиданному результату.

Судьбу представленного материала Н.Г. Бережков обсуждал с Л.В. Черепниным. Их связывали прочные и теплые отношения еще со времен преподавания Н.Г. Бережкова в 1919–1920-х гг. в Рязани. По признанию Л.В. Черепнина, Н.Г. Бережков сыграл важную роль в его приобщении к истории, источниковедению Древней Руси, средневековой Руси и Великого княжества Литовского. Академик Л.В. Черепнин вспоминал: Н.Г. Бережков и Н.П. Сидоров в Рязани «...сразу приобщили меня к науке» [17, с. 70]. Это обстоятельство и может объяснить, почему с претензиями по поводу раздела о Великом княжестве Литовском для «Очерков...» Н.Г. Бережков обратился именно к Л.В. Черепнину (хотя и с В.Т. Пашуто и его трудами ученый тоже был знаком: писал отзывы на его статьи, доклады и кандидатскую диссертацию (РГБ. К. 60)).

Суть споров обнаруживается в письме Н.Г. Бережкова к Л.В. Черепнину:

Дорогой Лев Владимирович,

Боюсь, что в предисловии к II тому «Очерки истории СССР» я буду назван, по недоразумению, в числе авторов статьи об Украине, Белоруссии и Литве. Считаю своевременным теперь же обратиться к Вам с настоятельной просьбой – не допустить такой ошибки. Труд на составление статьи для многотомника затрачен был мною большой, приложено много усилий, чтобы добиться наибольшей тщательности и вообще доброкачественности, но вопрос-то теперь не об этом, а о том, что появилось в печатном виде (в верстке). Большая часть напечатанной статьи не имеет отношения к представленному мной. Меньшая часть (около трети) имеет некоторое отношение, и отношение это заключается в том, что мой текст систематически, из строки в строку пересоставлен и по форме и по содержанию, переиначен до полной неузнаваемости, от него буквально не осталось

живого места. В итоге надо прямо сказать, что мой текст заменен текстом мне не принадлежащим. Каждый, кто познакомится с моим текстом и сопоставит его с текстом напечатанным, согласится, что называть меня автором какой-то части напечатанной статьи, хотя бы условно и с разными оговорками, никоим образом нельзя, это значило бы вольно или невольно вводить читателя в заблуждение. Уверен, что вы вполне [неразборчиво] и разделяете мотивы, которые делают совершенно невозможным мое согласие на такую фикцию, т. е. на упоминание меня в числе авторов названной статьи.

Буду очень признателен, если, Вы возьмете на себя труд уведомить меня в непродолжительном времени... о том, что моя просьба будет исполнена. Если бы оказалось, что этого моего письма к Вам недостаточно и что требуется подать официальное должным образом мотивированное заявление в дирекцию Института (куда-то еще?), я так без промедления и поступлю.

В свое время, после того, как представленная мною статья была весьма решительно «отредактирована», я представил многочисленные замечания-возражения на эту «отредактированную статью» (по машинописному экземпляру), в общей сложности около 3 авт. листов*. Теперь, познакомившись с напечатанной статьей, вижу, что большое время на составление этих замечаний было потрачено мною совсем зря. Лишь некоторые мелкие замечания, которые в какой-то мере учтены редакцией (прямо утверждать я этого не могу, т. к. замечаний своих здесь не имею). Большая часть замечаний, в т. ч. и важнейшие из них, — полностью игнорирована. При этих условиях, очевидно, нет смысла тратить теперь еще время на составление замечаний по напечатанному этой статье.

Всего доброго.

Ваш Н. Бережков

Крылатское, 4 июля 1953.

* О том, что делалось со статьей далее я оставался в неведении (РГБ. К. 80. Д. 17. Л. 6–7 об.).

Дополняет это письмо обнаруженная в бумагах Н.Г. Бережкова запись: «Редакция (понимай: Пашуто) оставляла меня в неведении о том, что продельвается со статьей. Они (понимай: Пашуто)...» (РГБ. К. 80. Д. 17. Л. 2).

Ответ Л.В. Черепнина на категоричную просьбу Н.Г. Бережкова с разъяснениями концепции и подходов к написанию, объяснением внутренней логики очерков был максимально корректен:

Дорогой Николай Георгиевич!

Я получил Ваше письмо с просьбой не упоминать Вас в качестве автора в предисловии к «Очеркам истории СССР». Разрешите прежде всего объяснить, чем вызвано изменение текста Вашей статьи.

1) Мы не можем давать историю Великого княжества Литовского вне связи с историей народов Украины и Белоруссии. Поскольку в Вашей статье этого материала было очень мало, мы и вынуждены были просить других авторов его дополнить.

2) Ваша статья была слишком велика по размерам. Кроме того в ней преобладала политическая и внешнеполитическая история (сама по себе очень интересна по изложению). Поэтому потребовалось сильное сокращение статьи и потому, что она вообще велика, и для того, чтобы политическая и социально-экономическая история были даны пропорционально.

3) Необходимо было привести статью (и с точки зрения ее структуры, и периодизации, и основного содержания) в соответствие с другими статьями по истории народов (прежде всего прибалтийских, а также и других).

4) Необходимо было (опять-таки с точки зрения профиля всего тома) изменить в ряде случаев и саму манеру изложения.

Я думаю, Вы согласитесь, что такая работа для коллективного издания просто необходима. Я, конечно, не могу сказать, что она была проведена удачно, но намерения были самые добрые.

Теперь по поводу упоминания о Вашем участии в предисловии. Мы предполагали указать на Вас как автора разделов о Литовском княжестве, указать точно, каких именно, т. к. некоторые места написаны В.Т. Пашуто. Также точно мы указали бы, какие страницы принадлежат авторам по Украине и Белоруссии. Думаю, что это было бы справедливо, т. к. в коллективных изданиях авторский текст всегда несколько выделяется и препарируется редакцией. Если Вы возражаете против такой (с моей точки зрения вполне справедливой формы упоминания) то, может быть, Вы разрешите указать, что в томе использовался предоставленный Вами материал. Совсем обойтись без ссылки на Вас, мне кажется, мы не имеем права. Вопрос только о том, какую форму упоминания выбрать.

Кроме того, к Вам остается просьба проверить хронологию дат [неразборчиво], ибо в данном случае мы целиком полагаемся на Ваши поправки, что и оговорено в предисловии.

С глубоким уважением Л. Черепнин

(РГБ. К. 86. Д. 27)

Итог упомянутых разбирательств и обнаруживается во Введении к «Очеркам...».

Как становится понятно из переписки, редакторы не могли вернуть исходный (пусть и глубоко научный) текст. При этом Н.Г. Бережков пытался мягко настоять именно на возвращении своего первоначального материала, не удовлетворяясь правками, внесенными редакцией. Такая попытка манипуляции с целью вернуть исходный текст (до правок и сокращений), читаемая между строк, была, по-видимому, раскрыта редакторами. И они ответили Н.Г. Бережкову так, что как будто поняли его просьбу о невключении его фамилии в список авторов текста по Литве (фамилии Н.Г. Бережкова в общем перечне нет). Однако одновременно с этим Л.В. Черепнин и В.Т. Пашуто «подсластили пилюлю», предложив указать на использование авторского текста Н.Г. Бережкова при подготовке материалов по Великому княжеству Литовскому. Противоречить редакторам и продолжать спор Н.Г. Бережков не стал, так как это означало бы для него переход с уровня деликатного диалога на уровень конфликтного взаимодействия с явными и конкретными формулировками. К тому же Н.Г. Бережков понимал рациональность решения комиссии и, естественно, не желал совсем отказываться от авторства материала, поэтому в III томе «Очерков...» отдельным абзацем указывается: «Кроме того, используется авторский текст: Н.Г. Бережкова (ч. II гл. 5, § 1в – текст по истории Литвы)» [12, с. 24]).

На «сглаживание острых углов», очевидно, повлиял еще и тот факт, что В.Т. Пашуто, хотя и правил материал Н.Г. Бережкова, исходя из структуры и замысла тома, своего авторства не указал. Действительно, из Введения следует, что В.Т. Пашуто является автором параграфа 1а: «ч. II гл. 5, § 1а» [12, с. 24], тогда как материалы Н.Г. Бережкова по Литве использовались в последующем параграфе: «ч. II гл. 5, § 1в» [12, с. 24]. Вывод о корректуре текста, принадлежащей именно В.Т. Пашуто, делается на основании двух упомина-

ний: эмоциональной реакции Н.Г. Бережкова: «Редакция (понимай: Пашуто)» – и отсылке в письме Л.В. Черепнину: «некоторые места написаны В.Т. Пашуто».

Итоговый вариант, по-видимому, удовлетворил обе стороны, и, хотя в фонде Н.Г. Бережкова не сохранилось ответного письма в редакцию, судя по всему, был учтен и ряд его замечаний к статье. Об этом свидетельствует письмо Н.Г. Бережкова, написанное в 1954 г. Л.В. Черепнину и В.Т. Пашуто уже после публикации IV тома:

«Только что А.Д. Артюшин[а?] принесла мне томик «Очерков» с вашей подписью. Спешу поблагодарить вас Подарок этот служит для меня как бы некоторым косвенным свидетельством о том, что работа, выполненная мною над томами «Очерков», признается редакторами, по-видимому довольно значительной и полезной. Шлю Вам взаимное пожелание здоровья и всего лучшего.

Р.С. С первым томом в окончательном виде познакомился я давно уже, вскоре по его выходу. К сожалению, по поводу реализации некоторых моих замечаний, а также не-реализации некоторых замечаний, пришлось-таки подосадовать на то, что при длительной работе над последовательными порциями листов верстки и сверки сношения по этой работе происходили только т. ск. секретарски-бумажным путем»

(РГБ. К. 80. Д. 17. Л. 16).

Показательны два варианта начала этого письма: «Многоуважаемые Лев Владимирович и Владимир Терентьевич» – и позднее: «Дорогие Владимир Терентьевич и Лев Владимирович» (РГБ. К. 80, Д. 17. Л. 11–12). Н.Г. Бережков уже положительно оценивал участие В.Т. Пашуто. При этом, возможно, Л.В. Черепнин с раздражением воспринимал вьедливость и дотошность своего наставника: «Мерилom научной ценности труда была для него степень точности содержащихся в нем исторических фактов... Быстро он работать не умел, исторические изыскания шли у него медленно... Метод и темп работы Николая Георгиевича были таковы, что он не укладывался ни в какие производственные планы. Его за это ругали, он очень огорчался, но переделать себя не мог, ибо это означало бы для него отказаться от своей научной методики» [17, с. 70].

Заключение

В освещенном эпизоде через документы личной переписки детально раскрывается редакторская «кухня» III и IV томов сборника «Очерков...», обусловленная масштабными историческими, политическими и историографическими процессами.

Помимо прочего, представленные биографические документы «подсвечивают» проблему столкновения двух поколений. Лучше, чем Н.Г. Бережков (ученый старой школы), понимая задачи «Очерков...», В.Т. Пашуто и Л.В. Черепнин видели материал по истории Великого княжества Литовского в комплексе с историей занимаемых им территорий Белоруссии и Украины, при этом предполагалось равновесное включение в многотомник статей о других прибалтийских республиках. Поэтому В.Т. Пашуто, четко осознававшее, что значит этот проект, и пришлось провести огромную работу, к издержкам которой надо отнести «анонимность» раздела по Великому княжеству Литовскому (там не указаны как авторы ни Н.Г. Бережков, ни кто-либо другой). В этом конфликте двух достойных сторон столкнулись академические представления Н.Г. Бережкова о том, как должен выглядеть очерк о Великом княжестве Литовском, и требования коллективного труда, к которым он оказался не готов. Выход из возникшей напряженной ситуации был определен максимально деликатной и кор-

ректной работой членов редакционной комиссии В.Т. Пашуто и Л.В. Черепнина, на плечи которых легла огромная нагрузка и ответственность по подготовке материалов для проекта многотомной «Истории СССР», их большой организаторский талант и несомненные дипломатические способности. Кроме того, актуальной представляется задача введения в научный оборот оригинального академического текста, подготовленного Н.Г. Бережковым для «Очерков...» и относящегося к тому редкому виду работ, которые не потеряли своей научной значимости с течением времени [18].

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

Источники

РГБ – Российская государственная библиотека. Ф. 373: Бережков Николай Георгиевич: архивный фонд, 1857–1950-е гг. 1832 ед. хр. К. 3. Д. 1: Бережков, Н.Г. Генеалогические материалы (таблицы, заметки) рода Бережковых. 40 л.; К. 12, 13; К. 30, Д. 14: Бережков, Н.Г. Планы издания многотомника «Истории СССР». 50 л.; К. 60, 75–79; К. 80. Д. 17: П-ма Н.Г. Бережкова к разным лицам. К Пашуто, Владимиру Терентьевичу и Черепнину, Льву Владимировичу. 17 л.; К. 86. Д. 27: П-ма к Н.Г. Бережкову от разных лиц. Черепнин, Лев Владимирович. 5 л.; К. 93–100.

Литература

1. Репина Л.П. От «истории одной жизни» к «персональной истории» // История через личность: Историческая биография сегодня / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Квадрига, 2010. С. 55–76.
2. Улащик Н.Н. Бережков Н.Г. // Проблемы источниковедения. 1958. № 6. С. 354–358.
3. Бережков Н.Г. Устава замков, держав и дворцов Сигизмунда-Августа, предшествовавшая «Волочной уставе» // Журнал министерства народного просвещения. 1911. № 5. С. 99–105.
4. Кузнецов А.А. Личное дело преподавателя нижегородского университета Н.Г. Бережкова 1919–1921 годы: новые данные к биографии историка и последующие проблемы ее исследования // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер. История и филология. 2024. Т. 34, вып. 5. С. 1012–1022. <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2024-34-5-1012-1022>.
5. Бережков Н.Г. Литовская метрика как исторический источник. М.: Изд-во АН СССР, 1946. 177 с.
6. Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 368 с.
7. Назаров В.Д. Бережков Николай Георгиевич // Черепнин Л.В. Моя жизнь. Воспоминания: комментарии, приложения. Т. 1 / Сост., общ. ред. В.Д. Назаров. М.: Языки славян. культуры, 2015. С. 195.
8. Науменко Г.И. Бережков Николай Георгиевич // Чернобаев А.А. Историки России XX века: биобиблиографический словарь: в 3 т. Саратов: Саратов. гос. соц.-экон. ун-т, 2005. Т. 1: А–Л. С. 102–103.
9. Скуднякова Д.С. К изучению дневникового комплекса Н.Г. Бережкова (1897–1899 гг.) // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер. История и филология. 2024. Т. 34, вып. 5. С. 1023–1031. <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2024-34-5-1023-1031>.
10. Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М.: ОГИЗ Госполитиздат, 1941. 660 с.
11. Пашуто В.Т. Б.Д. Греков как ученый и общественно-политический деятель // Исследования по истории и историографии феодализма. К 100-летию со дня рождения акад. Б.Д. Грекова. М.: Наука, 1982. С. 4–11.
12. Очерки истории СССР: в 9 т. / Под ред. акад. Б.Д. Грекова (отв. ред.) и др. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. III. IX–XV вв.: Период феодализма: в 2 ч. Ч. I. IX–XIII вв. Древняя Русь. Феодальная раздробленность. 984 с.

13. Очерки истории СССР: в 9 т. / Под ред. акад. Б.Д. Грекова (отв. ред.) и др. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. III. IX–XV вв.: Период феодализма: в 2 ч. Ч. I. IX–XIII вв. Древняя Русь. Феодальная раздробленность. 984 с.
14. Очерки истории СССР: в 9 т. / Под ред. акад. Б.Д. Грекова (отв. ред.) и др. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. IV. XIV–XV вв.: Период феодализма: в 2 ч. Ч. II. XIV–XV вв. Объединение русских земель вокруг Москвы и образование русского централизованного государства. XIV–XV вв. 811 с.
15. Кузнецов А.А. Отзыв историка В.Т. Пашуто на книгу Н.Н. Воронина о князе Андрее Боголюбском // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. № 5 (115). URL: <https://history.jes.su/s207987840021542-5-1>, свободный. <https://doi.org/10.18254/S207987840021542-5>.
16. Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 327 с.
17. Буганов В.И. Отечественная историография русского летописания М.: Наука, 1975. 344 с.
18. Черепнин Л.В. Моя жизнь. Воспоминания: комментарии, приложения. Т. 1 / Сост., общ. ред. В.Д. Назаров. М.: Языки славян. культуры, 2015. 398 с.
19. Кузнецов А.А. Историография как культурная сфера непредсказуемого: «опоздания» и упущенные возможности // Профессиональная идентичность и самосознание историка / Под общ. ред. О.В. Воробьевой. М.: ИВИ РАН, 2022. С. 185–209. (Профессия – историк / Общ. ред. О.В. Воробьева; вып. III).

References

1. Repina L.P. From “the story of one life” to “personal history”. In: *Istoriya cherez lichnost': Istoricheskaya biografiya segodnya* [History through Personality: Historical Biography Today]. Repina L.P. (Ed.). Moscow, Kvadriga, 2010, pp. 55–76. (In Russian)
2. Ulashchik N.N. Berezhkov N.G. *Problemy Istochnikovedeniya*, 1958, no. 6, pp. 354–358. (In Russian)
3. Berezhkov N.G. The Charter of Castles, Realms, and Palaces of Sigismund Augustus, which preceded the Vokod Reform. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya*, 1911, no. 5, pp. 99–105. (In Russian)
4. Kuznetsov A.A. Personal file of N.G. Berezhkov, a lecturer at Nizhny Novgorod University, 1919–1921: New insights into the historian’s biography and problems of further research on it. *Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Seriya Istoriya i Filologiya*, 2024, vol. 34, no. 5, pp. 1012–1022. <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2024-34-5-1012-1022>. (In Russian)
5. Berezhkov N.G. *Litovskaya metrika kak istoricheskii istochnik* [The Lithuanian Metrika as a Historical Source]. Moscow, Izd. Akad. Nauk SSSR, 1946. 177 p. (In Russian)
6. Berezhkov N.G. *Khronologiya russkogo letopisaniya* [A Chronology of Russian Chronicles]. Moscow, Izd. Akad. Nauk SSSR, 1963. 368 p. (In Russian)
7. Nazarov V.D. Berezhkov Nikolai Georgievich. In: Cherepinin L.V. *Moya zhizn'. Vospominaniya: kommentarii, prilozheniya* [My Life. Memoirs: Comments, Appendices]. Nazarov V.D. (Ed.). Vol. 1. Moscow, Yazyki Slav. Kul't., 2015, p. 195. (In Russian)
8. Berezhkov Nikolai Georgievich. In: Chernobaev A.A. *Istoriki Rossii XX veka: bibliograficheskii slovar'* [Russian Historians of the 20th Century: A Bibliographic Dictionary]. Vol. 1: A–L. Saratov, Sarat. Gos. Sots.-Ekon. Univ., 2005, pp. 102–103. (In Russian)
9. Skudnyakova D.S. To the study of the diary complex of N.G. Berezhkov (1897–1899). *Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Seriya Istoriya i Filologiya*, 2024, vol. 34, no. 5, pp. 1023–1031. <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2024-34-5-1023-1031>. (In Russian)
10. Rubinshtein N.L. *Russkaya istoriografiya* [Russian Historiography]. Moscow, OGIZ Gospolitizdat, 1941. 660 p. (In Russian)
11. Pashuto V.T. B.D. Grekov as a scholar and socio-political activist. In: *Issledovaniya po istorii i istoriografii feodalizma. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya akad. B.D. Grekova* [Studies on the History and Historiography of Feudalism: On the 100th Anniversary of the birth of Academician B.D. Grekov]. Moscow, Nauka, 1982, pp. 4–11. (In Russian)

12. Grekov B.D. et al (Eds.) *Ocherki istorii SSSR* [Essays on the History of the USSR]. Vol. III: From the 9th to the 15th century: The period of feudalism. Pt. I: From the 9th to the 13th century. Ancient Rus'. Feudal fragmentation. Moscow, Izd. Akad. Nauk SSSR, 1953. 984 p. (In Russian)
13. Grekov B.D. et al (Eds.) *Ocherki istorii SSSR* [Essays on the History of the USSR]. Vol. IV: From the 14th to the 15th century: The period of feudalism. Pt. II: From the 14th to the 15th century. The unification of Russian lands around Moscow and the formation of a centralized state. From the 14th to the 15th century. Moscow, Izd. Akad. Nauk SSSR, 1953. 811 p. (In Russian)
14. Kuznetsov A.A. Review of historian V.T. Pashuto on N.N. Voronin's book about Prince Andrei Bogolyubsky. *Istoriya*, 2022, no. 5 (115). URL: <https://history.jes.su/s207987840021542-5-1>. <https://doi.org/10.18254/S207987840021542-5>. (In Russian)
15. Pashuto V.T. *Ocherki po istorii Galitsko-Volynskoi Rusi* [Essays on the History of Galicia–Volhynia Rus']. Moscow, Izd. Akad. Nauk SSSR, 1950. 327 p. (In Russian)
16. Buganov V.I. *Otechestvennaya istoriografiya russkogo letopisaniya* [The National Historiography of Russian Chronicles]. Moscow, Nauka, 1975. 344 p. (In Russian)
17. Cherepnin L.V. *Moya zhizn'. Vospominaniya: kommentarii, prilozheniya* [My Life. Memoirs: Comments, Appendices]. Nazarov V.D. (Ed.). Vol. 1. Moscow, Yazyki Slav. Kul't., 2015. 398 p. (In Russian)
18. Kuznetsov A.A. Historiography as a cultural sphere of the unpredictable: “Delays” and missed opportunities. In: Vorob'eva O.V. (Ed.) *Professional'naya identichnost' i samosoznanie istorika* [Professional Identity and Self-Awareness of the Historian]. Moscow, IVI Ross. Akad. Nauk, 2022, pp. 185–209. *Professiya – istorik* [History as a Profession]. Vorob'eva O.V. (Ed.). Vol. III. (In Russian)

Информация об авторах

Скуднякова Дарья Сергеевна, аспирант Института международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

E-mail: skudnyakova.darja@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-5343-2775>

Author Information

Darya S. Skudnyakova, Postgraduate Student, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

E-mail: skudnyakova.darja@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-5343-2775>

Поступила в редакцию 15.01.2025

Принята к публикации 10.03.2025

Received January 15, 2025

Accepted March 10, 2025

Оригинальная статья

УДК 94(470.341)

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.56-70>**«Золотую рыбку конфисковать... и сдать в музей»:
уездные дома-музеи Нижегородской
губернии в 1917–1922 годах****Н.А. Смолина***smolina.na@unn.ru**Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, 603022, Россия***Аннотация**

В статье на основе архивных материалов реконструирована история домов-музеев Нижегородской губернии от момента их организации в структуре губернских земских учреждений до конца первого послереволюционного пятилетия (1917–1922 гг.). С опорой на локальный метод раскрыты направления и результаты их деятельности, охарактеризованы непростые бытовые условия жизни заведующих домами-музеями, их отношения с местным сообществом. Прослеживается развитие музейной потребности нижегородского общества от первичного собирательства в направлении комплексов наглядных пособий, частных коллекций нижегородской аристократии, осознания музейной ценности объектов истории промышленности и рабочего класса. Сделан вывод о том, что дома-музеи, созданные или преобразованные под актуальные просветительские и политические задачи после Октября 1917 г., обладали признаками переходной формы от дореволюционного музейного учреждения к музею-просветкомбинату 30-х годов XX в.

Ключевые слова: дом-музей, народный дом, внешкольное образование, Нижегородская губерния, локальный метод, музейная потребность

Для цитирования: Смолина Н.А. «Золотую рыбку конфисковать... и сдать в музей»: уездные дома-музеи Нижегородской губернии в 1917–1922 годах // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2025. Т. 167, кн. 1. С. 56–70. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.56-70>.

Original article

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.56-70>

**“Goldfish to be confiscated and handed over to the museum...”:
House museums of the Nizhny Novgorod Governorate in 1917–1922**

N.A. Smolina

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

smolina.na@unn.ru

Abstract

An archival study was performed on the history of house museums in the Nizhny Novgorod Governorate, starting from their establishment within the provincial zemstvo institutions through the end of the first five-year period following the October Revolution (1917–1922). Using a localized method, the directions and outcomes of their activities were analyzed, as well as the harsh living conditions faced by the museum directors and their interactions with the local community. The evolution of museum culture in the region was traced, from the early collecting practices to the growing significance of visual materials, private collections of the Nizhny Novgorod aristocracy, and the history of industrial and working-class development. The findings suggest that the house museums of Nizhny Novgorod, established or repurposed to align with the educational and political narratives of the post-revolutionary period, were transitional institutions, bridging pre-revolutionary museum traditions with the emerging educational museum complex of the 1930s.

Keywords: house museum, people’s house, extracurricular education, Nizhny Novgorod Governorate, localized method, need for museums

For citation: Smolina N.A. “Goldfish to be confiscated and handed over to the museum...”: House museums of the Nizhny Novgorod Governorate in 1917–1922. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2025, vol. 167, no. 1, pp. 56–70. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.56-70>. (In Russian)

Введение

Процессы и закономерности, определявшие музейное строительство в нашей стране в первые послереволюционные годы, до сих пор мало изучены, особенно на уровне губерний и уездов. Развиваясь, с одной стороны, в тесной связи с общим историко-культурным контекстом, обусловленным расцветом краеведческого движения, просветительства и педагогических методик, в одинаковых для всех условиях военных тягот, голода, разграблений и утрат выдающихся памятников, оно подчинялось и собственной внутренней логике, имело локальные особенности.

Исследование исторических фактов, относящихся к «узкому району», представляющему собой географическое, административное, хозяйственное или этническое образование; введение их в общий научный оборот с целью построения единой картины развития той или иной общественной сферы представляется плодотворным в рамках локального метода, описанного

в 20-х годах XX в. нижегородским (горьковским) историком С.И. Архангельским для ряда социально-экономических явлений (Арх., с. 194). Подобный подход, разрабатываемый нами в отношении истории музейного строительства в Нижегородской губернии, предполагает накопление эмпирического материала, затем его детальное и всеохватное изучение. Далее при объединении исследовательских усилий специалистов в данной области, представляющих разные регионы, открываются возможности для того, чтобы вывести поставленную проблему на уровень построения новых концептуальных моделей и пересмотра старых.

Сформированные на базе первично осознанной нижегородским обществом музейной потребности¹ в сохранении исторических, художественных, естественно-научных и других местных коллекций в 80–90-х годах XIX в., музеи г. Нижнего Новгорода и Нижегородской губернии на сломе исторических эпох двигались в своем развитии к осознанию музейной ценности носителей элементарных знаний о природе и обществе, национализированного имущества знати, чуть позднее – орудий и трофеев революционной борьбы. То был короткий период естественного музейного развития, когда просветительская работа и экспозиция музеев еще не «разговаривали» с посетителем лозунгами, а изучение родного края было объединяющим делом, призванным выявить местное своеобразие. Энтузиасты музейного дела из среды нижегородского духовенства и интеллигенции, проявившие себя в деле выявления и собирания древностей еще в дореволюционный период, продолжали стоять на страже сохранения памятников и в новую эпоху. Музейное дело стало в те годы поприщем и для молодежи, бежавшей из голодных столиц в поисках более сытой жизни и возможностей творческой реализации на принципах нового искусства, здесь же начинали проявлять активность большевистские кадры, через них в провинциальную уездную культуру проникали принципы репрезентации обобществленных ценностей и разноплановой просветительской работы.

Одной из главных особенностей музейной деятельности изучаемого периода стало расширение музейной сети за счет движения в уезды. «Зачаток» (терминология тех лет) музея стал массово появляться в уездных и волостных центрах, в отдельных селениях. Они возникали заново на волне национализации имущества местной знати либо имели под собой дореволюционную базу – коллекции земских учреждений, школ, народных домов. Значительная часть этих музейных учреждений существовала в виде домов-музеев, порожденных еще земской системой внешкольного образования.

Воплощая в себе один из основных девизов революционной эпохи – лозунг демократизации, игравший в духовной жизни народов России большую роль, внешкольное образование стало новым крупным общественным и культурным явлением жизни нашей страны конца XIX – начала XX в. [1, с. 28].

С учетом того, что главной целью внешкольного образования как самостоятельного направления в народном образовании называлось комплексное культурное развитие человека в аспектах умственном, нравственном, эстетическом и физическом, принципами его осуществления провозглашались следующие: *общественность* (активное участие населения в организации и работе внешкольных учреждений); *самостоятельность задач* (внешкольное образование не должно иметь подчиненного положения по отношению к школьному,

¹ Термин, введенный в научный оборот в 60-е годы XX в. музеологом Збынеком Странским и обозначающий специфическое отношение человека к действительности, проявляющееся в стремлении к собиранию и сохранению объектов природного и культурного наследия как истинных ценностей, не связанных с удовлетворением утилитарных потребностей.

для его осуществления необходимы специально организованные учреждения на уровне района², уезда и губернии); *общедоступность* (территориальная близость, доступное изложение информации для неподготовленных слушателей); *бесплатность*; *районная организация* (деление города и уезда на районы, в каждом из которых действует «ячейка» по внешкольному образованию, включающая различные формы его осуществления); *полнота ячеек* (качественный уровень организации и сочетание форм работы в каждой ячейке); *систематичность и планомерность* (учреждения должны действовать совместно, дополняя друг друга; материал излагается последовательно, от простого к сложному; тематика и периодичность занятий зависит от количества и интересов слушателей) (Мед., с. 14).

К внешкольным учреждениям относились народные дома и клубы, библиотеки, книжные склады, школы для взрослых различных типов (воскресные, повторительно-дополнительные, краткосрочные курсы, народные университеты), музеи, театр, кинематограф. Их формами работы были экскурсии, выставки, народные чтения и публичные лекции, издание популярных книг и брошюр, концерты, спортивные соревнования, народные праздники.

Музей утверждался в системе внешкольных учреждений поэтапно. Его возможности в сфере наглядного обучения были осмыслены во второй половине XIX в., когда повсеместно возникали образовательные музеи при учебных заведениях, педагогические и детские музеи, имевшие показательную (постоянную экспозицию) и подвижную (временные выставки) части, состоявшие из книг, методических и наглядных пособий, предназначенных для осмотра посетителями и рассылки по учебным заведениям.

Лишь в 10-х годах XX в. музей стали признавать самостоятельным внешкольным учреждением, служащим в качестве иллюстрации для прочитанных книг и прослушанных лекций, обеспечивающим наглядность при проведении уроков. Музеи на местах назывались зеркалом, «которое стремится отразить в себе по возможности всю природу, историю, жизнь, природные богатства и промышленность края, являясь в то же время одним из вернейших показателей степени культурности края» (Мед., с. 272). Кроме того, уже тогда за ними признавалась миссия воспитания в народе «самосознания и самоуважения» и, как следствие, патриотических чувств.

В системе внешкольного образования музеи могли быть как частью народного дома, так и самостоятельным учреждением. Их называли «дом-музей», «музей-библиотека», «народный дом-музей».

Структура уездного дома-музея мыслилась универсальной для любой местности и предполагала следующие отделы: 1) география и этнография края (планы городов и селений; диаграммы и картограммы, картины, фотографии, коллекции и модели, иллюстрирующие состав населения и его занятия, обычаи, обряды и т. п.); 2) история края (карты, старинные гравюры, картины, модели городов, снимки с памятников старины, предметы из раскопок и т. п.); 3) геология и минералогия (образцы почв и минералов, геологические материалы); 4) местная флора и фауна (гербарии, коллекции семян, чучела, скелеты, биологические препараты, карты распространения лесов и болот и т. п.); 5) климатологический отдел; 6) экономический отдел (Мед., с. 273). Подвижная часть коллекций музея, наглядных пособий, проекционных «волшебных фонарей» и световых картин была предназначена для рассылки в более мелкие точки для использования на лекциях, чтениях, выставках. Для организации художественных выставок дома-музеи имели наборы репродукций полотен известных мастеров, а также копии скульптурных произведений.

² Район здесь и далее понимается как часть города, в уезде – в границах волостей.

Несмотря на преобладание в коллекции стандартных наглядных пособий и доминирование просветительной функции, в домах-музеях практиковались и традиционные формы музейной работы: инвентаризация и шифровка фондового собрания (ведение инвентаризационных описей, снабжение экспонатов ярлычками), организация выставок и экскурсий по экспозиции, образовательных «экскурсий-прогулок» по природным объектам, достопримечательным местам, фабрикам и заводам.

Сеть домов-музеев должна была строиться по принципу «район – уезд – губерния», где уездный музей курировал работу районных и сельских, а губернский дом-музей являлся головным для уездных, обеспечивая методическую помощь, закупку и рассылку пособий и инвентаря, проведение обучающих курсов и съездов.

Результаты и обсуждение

Организация подобных учреждений в большинстве случаев входила в сферу деятельности земств. Нижегородское губернское земство заявило о создании системы внешкольного образования в 1910 г. В докладах земской управы звучали предложения об учреждении «центрального земского педагогического музея», имеющего в своем составе показательную часть, лабораторию, мастерскую и подвижную часть. Кроме того, предполагалось в каждом уезде создать свою организацию по внешкольному образованию с народным домом-музеем в центре (Цен.пед.муз., с. 2).

На заседании губернского земского собрания 16 мая 1911 г. было намечено в течение 10–11 лет устроить в каждом из 11 уездов по одному «музею-библиотеке», который «будет служить центром систематического распространения среди населения уезда внешкольного образования общего, сельскохозяйственного и ремесленно-технического посредством передвижных лекций-выставок и передвижных библиотек» (Шк.-стр.ф., с. 33). Обеспечение наглядными пособиями уездных и районных учебных заведений, проведение выездных лекций и курсов для взрослых взял на себя земский музей наглядных пособий, открывшийся в Нижнем Новгороде 1 марта 1912 г. в здании Братства св. Георгия на ул. Малой Печерской при земском книжном складе [2, с. 252–260].

В июле 1911 г. земская управа разослала в уезды свой доклад с приложением эскизных чертежей двух зданий и смет на их содержание. Было решено в 1912 г. начать строительство домов-музеев в Лукояновском (г. Починки) и Сергачском (г. Сергач) уездах (Шк.-стр.ф., с. 37). В 1916 г. планировалось приступить к постройке народного дома-музея в Васильском уезде, а также в селах Богородском, Павлове и Ворсме Горбатовского уезда (Мал.).

В 1912–1915 гг. народные дома-музеи в уездах Нижегородской губернии устраивались также кооперативами (кредитными товариществами) и уездными отделениями Общества распространения начального образования.

История домов-музеев в каждом уезде складывалась по-разному. Можно привести в качестве примера этап поиска помещения. 15 января 1916 г. в г. Семенове состоялось совещание представителей уездного комитета попечительства о народной трезвости, губернской и уездной земских управ по вопросу строительства здания для уездного дома-музея и народного дома. Была составлена смета, выбран участок под строительство. Однако оно, по-видимому, не осуществилось и помещение пришлось нанять: 1 сентября 1916 г. губернская земская управа заключила договор о найме с мещанином г. Семенова М.Т. Малышевым, арендовав верхний этаж его дома на Соборной площади (ЦАНО.Р-120.1, д. 27, л. 104). Подобным же образом были найдены помещения для домов-музеев Горбатовского и Луко-

яновского уездов: 20 декабря 1916 г. земство арендовало дом крестьянина А.В. Варыпаева в с. Павлове на Спасской ул., недалеко от Троицкой церкви (ЦАНО.Р-120.1, д. 2, л. 109), а 30 января 1917 г. – дом крестьянина И.И. Лаврова в г. Лукоянове на Соборной площади (ЦАНО.Р-120.1, д. 34, л. 12).

С ноября 1916 г. началась работа по организации дома-музея в с. Спасском Васильского уезда, который открылся 27 июня 1917 г. (ЦАНО.Р-120.1, д. 1, л. 11). Его заведующим стал известный в губернии общественный и партийный деятель М.Н. Сеславинский.

В марте 1917 г. члены-учредители городецкой бесплатной народной библиотеки-читальни (с. Городец Балахнинского уезда) приняли решение безвозмездно уступить в собственность губернского земства ее двухэтажное здание для устройства Балахнинского уездного дома-музея (ЦАНО.Р-120.1, д. 33, л. 29).

Основной формой работы домов-музеев в мае – октябре 1917 г. стало проведение бесед на политические темы с жителями деревень и районных центров. Крестьянство было недовольно введением хлебной монополии, необходимостью кормить «фабричников» за счет деревни, отсутствием свободной торговли, затянувшейся войной. В беседах заведующей Лукояновским домом-музеем О.П. Рубцовой большой интерес вызывали программы различных политических партий, особенно решение земельного вопроса, история революционного движения, установление восьмичасового рабочего дня, часто звучали просьбы разъяснить значение понятий, например «социализация и национализация земли», «коалиционное министерство», «аннексия» и «контрибуция» (ЦАНО.Р-120.1, д. 34, л. 35). При обсуждении Учредительного собрания и того, какое правление оно должно установить, лукояновцы высказывались за демократическую республику с президентом на три года: «Никакого царя не нужно, достаточно потерпели от него. Нам “трехгодовалого”, сиречь президента» (ЦАНО.Р-120.1, д. 34, л. 46).

Отчеты заведующей Горбатовским домом-музеем в с. Павлове В.П. Малиновской за август – октябрь 1917 г. также являются источником для изучения экономического состояния и политических настроений деревни, организации выборов в волостные и уездные земства. В начале осени голода еще не чувствовалось. Крестьяне сел, занятых лесным промыслом и потому более зажиточных, имели достаточные запасы хлеба; остальные – в основном «сыты, но требуют “калабанов”, т. е. пшеничного хлеба» (ЦАНО.Р-120.1, д. 2, л. 6). Случалось, что староста одной из деревень, громче всех кричавший о голоде, через некоторое время приглашал В.П. Малиновскую пить чай, с бахвальством заявляя: «Что у нас, хлеба что ли нету? Што хошь – иди откушай» (ЦАНО.Р-120.1, д. 2, л. 5).

В.П. Малиновская посетила 12 волостей и 22 селения Горбатовского уезда, проводя беседы не только о задачах волостных земств, но и о технике выборов, о значении выборной системы вообще. Вывод был сделан неутешительный: «Введение волостного земства, вследствие полного непонимания его значения, не только не приветствовалось населением, но наоборот – наблюдался или полный индифферентизм, или злоба и боязнь всяких новшеств хотя бы уже по той причине, что крестьянство видит колоссальные расходы на комитеты всех видов...» (ЦАНО.Р-120.1, д. 2, л. 30).

Народ категорически отказывался принимать участие в выборах, всячески противодействовал составлению списков избирателей и кандидатов, в отличие от лукояновцев, выступая за возвращение царских порядков: «Не надо нам ваших новшеств, перевешать вас всех надо и правительство из каких-то проходимцев и земство-то... порядка нам нужно, а без царя его не увидишь» (ЦАНО.Р-120.1, д. 2, л. 30). Не вызвало сочувствия и предоставление

избирательных прав лицам женского пола: достигшие возрастного ценза в 20 лет девушки записывали себя как 17–18-летних, чтобы не попасть в списки: «...а то, слышь, печать анти-христову наложат или на войну заберут» (ЦАНО.Р-120.1, д. 2, л. 30).

Большая путаница происходила на этапе составления списков кандидатов, когда наряду с мажоритарной системой была разрешена пропорциональная. В результате получилась своя собственная – «порционная» – система, при которой «нужно чтоб от каждой деревни обязательно прошли свои, не считаясь с качествами и способностями кандидатов» (ЦАНО.Р-120.1, д. 2, л. 31). Но было и по-другому: в первую очередь в списках оказывались лица, угодные не народу, а председателю избирательной комиссии. В некоторых волостях крестьяне, обнаружив в списках нежелательные фамилии, поднимали шум и срывали выборы.

Кроме ведения политико-просветительных бесед, заведующие пытались наладить работу и других форм внешкольного образования. М.Н. Сеславинский занимался созданием библиотечной сети в уезде, вел вечерние занятия для взрослых, народные чтения с «волшебным фонарем» и световыми картинами, выступал на районных совещаниях учителей с предложениями о совместной работе со взрослыми. При содействии уездного дома-музея в Троицком районе Васильского уезда было решено организовать передвижную выставку на тему «Наша Родина прежде и теперь», состоялись спектакли в с. Русском Маклакове (пьеса Л.Н. Толстого «От нея все качества») и в д. Малиновке (драма В.Ф. Евдокимова «Непогребенные»). О.П. Рубцовой удалось собрать в Лукоянове Союз интеллигенции из учительского актива, который занимался устройством детских яслей и беседами с крестьянством, к дому-музею была присоединена библиотека им. В.Г. Короленко, основанная в Лукоянове в конце 90-х годов XIX в. при участии писателя.

Уездные дома-музеи стали той организационной формой, которая перешагнула революционный рубеж Октября 1917 г. и нашла себе место среди просветительных учреждений первых послереволюционных лет. Идеи синтетичности музейного собрания и доминирования просветительных функций музейной работы декларировались сверху и нашли поддержку у профессионального сообщества. Нарком просвещения А.В. Луначарский, выступая на Первой Всероссийской музейной конференции в Петрограде в феврале 1919 г., говорил о том, что «народовластие стоит перед задачей овладеть знанием, без которого обладание орудиями производства опасно, а обладание богатствами – бесполезно» [3, с. 117]. Относительно структуры музейных учреждений он рекомендовал всем придерживаться деления, которое было характерно для образовательного типа музеев, на две части: «музей-хранилище – фонд и музей-выставку, носящую временный характер и представляющую небольшие избранные крайне систематизированные коллекции» [3, с. 118].

Признавалось, что музеи должны быть как специальные, так и синтетические, не входящие, однако, в формат «всеобъемлющего паноптикума», способного «раздавить» всякого зрителя. От крупного центрального до маленького школьного «музеи должны становиться все более синтетичными» [3, с. 118].

Уже в 1918–1919 гг. уездными Советами рабочих и крестьянских депутатов Нижегородской губернии стали создаваться дома-музеи в Ардатовском (г. Ардатов), Арзамасском (г. Арзамас), Воскресенском (с. Воскресенское) и Княгининском (г. Княгинино) уездах. Созданием макарьевского уездного дома-музея в с. Лыскове занимался губернский отдел народного образования.

В 1919 г. были организованы дома-музеи в Нижегородском (с. Дальнее Константиново), Сергачском (г. Сергач) и Ардатовском (с. Выкса) уездах, районный дом-музей в с. Растя-

пине. В 1920 г. дом-музей появился в Васильсурском уезде (г. Васильсурск), в 1921 г. – в Починковском уезде (г. Починки).

Для руководства работой уездных учреждений осенью 1918 г. в Нижнем Новгороде начал создаваться губернский дом-музей. Учебные пособия для него закупались у московских фирм «Гроссман и Кнебель», «Природа и школа», в кустарном торгово-промышленном музее, в фондовое собрание вошли также предметы из Педагогического музея при дирекции народных училищ (открыт в 1897 г.) и земского музея наглядных пособий (1912 г.) (ЦАНО.Р-1684, д. 69, л. 55). Дом-музей располагал двумя помещениями: на ул. Жуковской, 16 и на ул. Тихоновской, 58. Однако неясно, как были распределены его отделы. Заведовал им зоолог, преподаватель Нижегородского госуниверситета (НГУ) и пединститута А.А. Скворцов, его помощником стал также естествовик, преподаватель НГУ, специалист в области ботаники Д.С. Аверкиев.

Структура музея мыслилась по известной схеме: стационарная (показательная) экспозиция и подвижной отдел, лаборатории для занятий, аудитории для чтения лекций и ведения бесед, мастерские по ручному труду, библиотека, склад диапозитивов, фонарей и кинолент, выдаваемых в пользование уездным учреждениям, мастерская по изготовлению пособий. Только за август 1921 г. домом-музеем было выдано: диапозитивов – 388, «волшебных фонарей» – 3, рамок – 4, таблиц – 7; пособиями пользовались 4 лектора, детский пункт и губполитпросвет. С 1 октября 1921 г. дом-музей был переведен в педагогический институт, став частью его политико-просветительного отделения.

Дома-музеи, открытые в уездах в 1917–1921 гг., носили характер общеобразовательных, поэтому основу музейного собрания составляли наглядные пособия, учебные таблицы, атласы и альбомы по анатомии человека и животных, ботанике, зоологии; образцы полезных ископаемых и минералов; чучела и скелеты птиц, коллекции насекомых; таблицы и модели приспособлений для обработки разных видов древесины, хлопка, кожи, стекла, добычи нефти и переработки торфа; пчеловодства, огородничества, гончарства; комплекты световых картин разной тематики; физические приборы и пособия для производства опытов; «волшебные фонари», стереоскопы и кинематографические аппараты. В собрание подобных музеев входили также пособия для изучения истории искусств: альбомы по живописи и рисунку, наборы открыток, каталоги выставок, репродукции полотен известных зарубежных и отечественных мастеров.

Помимо универсального для всех набора пособий, в домах-музеях присутствовал и местный материал. Это были карты и таблицы по естественной истории и кустарным производствам Нижегородской губернии, кости мамонтов и окаменелости, а также предметы старины из национализированных собраний уездных помещичьих усадеб (мебель, посуда, оружие, монеты, фарфор, бронза и т. п.). Есть также сведения о том, что в фондах домов-музеев оказывались коллекции наглядных пособий из музеев педагогического характера, созданных еще до революции при уездных земствах (Воскресенском, Лысковском, Ардатовском).

Разумеется, наиболее ценные памятники древности и произведения искусства из коллекций знати выявлялись эмиссарами нижегородского комитета по делам музеев и охране памятников искусства и старины (губмузея) и вывозились из уездов в Нижний Новгород [4]. Несмотря на стягивание всего ценного в губернский центр, названный процесс не носил характера зачистки. В первые послереволюционные годы еще была надежда на достаточное финансирование музейной работы, в связи с чем перемещение ценностей осуществлялось по принципу сохранения в местных музеях того, что имеет значение для данной территории.

При домах-музеях нередко существовали богатые библиотеки и собрания архивных документов. Например, в Ардатовский дом-музей поступило книжное собрание князей Звенигородских, содержавшее русские и иностранные журналы, книги хозяйственного и научного содержания, книги и рукописи XVII–XVIII вв. В лысковском музее, помимо библиотеки, хранились архивы вотчины князей Грузинских и других поместий уезда, лысковского уездного духовного училища, макарьевского уездного училищного совета, в княгининском – рукописные церковные книги XV–XVI вв. из библиотеки при Покровской старообрядческой церкви с. Большого Мурашкина.

Городецкий дом-музей стал обладателем частных собраний выдающихся коллекционеров купцов-старообрядцев Г.М. Прянишникова и П.А. Овчинникова, включавших в себя писанные и меднолитые иконы, украшенные богатыми окладами, рукописные и старопечатные книги, церковную утварь, нумизматику. После революции они подверглись реквизиции и некоторое время находились в доме-музее на хранении, не будучи предъявленными публике. Уездные власти Городца осознавали их уникальное «местное значение» и долгое время препятствовали распылению (ЦАНО.Р-1684, д. 43, л. 104). Однако необходимость их изучения и публичного представления привела к тому, что часть коллекций была вывезена в московский Румянцевский музей и Нижегородский художественный музей.

В пополнении коллекций уездных домов-музеев содействие оказывали губернские и уездные органы власти. Подчас это выглядело чересчур топорно и наивно. Так, народный суд, приговоривший к тюремному заключению и конфискации имущества жителя с. Лыскова, в вещах которого обнаружилась золотая рыбка в аквариуме, постановил: «Имеющуюся золотую рыбку, находящуюся в стеклянной банке, конфисковать и сдать в музей» (ЦАНО.Р-1684, д. 53, л. 6).

Окаменелости и предметы из раскопок приносились местными жителями, интересные виды животных – охотниками-любителями, книги и рукописи – учителями. Многое зависело и от личности заведующего музеем: при достаточном уровне образования он организовывал экскурсии на природу и по достопримечательным местам, откуда в музей привозились гербарии, образцы полезных ископаемых, птичьи яйца и гнезда, фотоснимки и зарисовки старинной архитектуры. Особенно активно, с привлечением местных учительских сил, подобной работой в то время занимались В.И. Малиновский, заведующий Лысковским домом-музеем, и Н.П. Гладышев, заведующий Княгининским домом-музеем. В.И. Малиновский пытался устроить при музее метеостанцию, ботанический сад, организовал кружок по изучению местного края из школьных учителей и служащих.

Н.П. Гладышев собирал не только естественноисторические коллекции, но и образцы местной духовной и материальной культуры. К этой работе он привлекал представителей духовенства, старожилов, призывая их записывать воспоминания о значимых событиях прошлого, вести летопись княгининского края (ЦАНО.Р-1684, д. 42, л. 85). Сам он занимался историей с. Большого Мурашкина, разбирал архив волостного правления, просматривал писцовые книги при бывшем Спасо-Преображенском монастыре.

Испытывая потребность в методических указаниях по музейной работе, Н.П. Гладышев в 1922 г. обратился с письмом к А.Я. Садовскому – председателю Нижегородской археолого-этнологической комиссии (НАЭК) и директору Нижегородского отделения Московского археологического института. Говоря о том, как уездным музейным деятелям сложно работать без подготовки, заведующий обнаружил понимание того, что в настоящих условиях развития краеведческого движения жизнеспособным мог быть только музей, занимающий-

ся изучением местного края. Не имея для этого экспонатов и профессиональных знаний, заведующий сознавался, что «приходится делать подлоги. Именно: чувствуя бессилие работать в музее местного края, каковым является княгининский уездный музей, я стараюсь обратить его в общеобразовательный – в народную выставку» (ЦАНО.993, д. 1, л. 98). В заключение письма Н.П. Гладышев сетовал: «Живем здесь точно на Камчатке – оторваны от всего культурного мира» (ЦАНО.993, д. 1, л. 98 об.) – и просил А.Я. Садовского снабдить провинциальных коллег стенограммами лекций, которые читаются в археологическом институте, и текстами докладов, звучавших на заседаниях НАЭК.

Основным видом просветительной деятельности уездных домов-музеев в 1918–1921 гг. были предоставление волостным и сельским культурно-просветительным ячейкам наглядных пособий, помощь в организации на местах библиотек, школ для взрослых, театральных постановок. Заведующий музеем также должен был проводить экскурсии по стационарной экспозиции, составлять справки по запросам. Дома-музеи посещались как местными жителями, учащимися, так и приезжими гостями. Число посетителей Лысковского дома-музея в 1922 г. составило 244 чел. (ЦАНО.Р-1684, д. 53, л. 5 об.), за 1920–1921 гг. Васильсурский дом-музей принял 105 одиночных посетителей и 23 экскурсии с участием почти 500 экскурсантов (ЦАНО.Р-1684, д. 42, л. 17), Княгининский дом-музей в 1920 г. посетили 1490 чел., в 1921 г. – 1348 чел. (ЦАНО.Р-1684, д. 42, л. 84 об.), Воскресенский дом-музей посещали до 20 человек в месяц (ЦАНО.Р-1684, д. 42, л. 79).

Дома-музеи занимались также организацией обучающих курсов и совещаний для учителей и внешкольных работников. В январе 1919 г. в с. Ардатове состоялись курсы-съезд для учителей и работников культпросвета, на которых читали лекции преподаватели Нижегородского университета, осенью 1918 г. в с. Городце были организованы педагогические курсы по лепке и рисованию для учителей начального училища Городецкого района, множество совещаний с представителями Советов бедноты и местными активистами проводилось в волостях.

Театральные постановки с участием местных талантов считались наиболее доступной и эффективной формой культурно-просветительной работы на селе, в которой бывали задействованы десятки человек. Дома-музеи руководили и этой работой. Так, М.Н. Сеславинский писал: «Спектакли ставятся в самых глухих деревушках, где даже нет еще культурно-просветительных обществ. Дом-музей буквально осаждается просьбами выдать пьесы, грим и парики. Небольшая театральная библиотечка дома-музея (не более 100 пьес), имеющиеся в его распоряжении 10 париков и две коробки грима, конечно, не могут удовлетворить нужды уезда» (ЦАНО.Р-120.1, д. 1, л. 71).

Некоторые дома-музеи имели в своем штате инструкторов по театральному делу. Например, в Лукоянове служил выпускник мастерской графических искусств Строгановского училища, артист, декоратор и гример А.В. Свешников, в Растяпине – артист С.А. Доленго-Горенкин, выпускник театральных классов Московской консерватории, бывший артист Московского Театра Корша, в Семенове – Л.И. Виземан, выпускница курсов артиста Московского Художественного театра А.И. Адашева.

Во все времена музейное дело держалось на личностном начале. И рассматриваемый период – не исключение. Наиболее активными заведующими в тот период были упомянутые выше образованный партиец М.Н. Сеславинский (с. Спасское); В.П. Малиновская (с. Павлово), арестованная в 1918 г. ЧК как монархистка и контрреволюционерка; выпускник духовной семинарии В.И. Малиновский (г. Лысково); учитель Н.П. Гладышев (г. Княги-

нино). Домом-музеем в с. Васильсурске в 1920–1921 гг. заведовал выпускник Московского училища живописи, ваяния и зодчества, нижегородский художник Д.И. Хмельницкий, Городецким с 1920 г. – талантливый книжный иллюстратор И.Г. Блинов, Воскресенским в 1920–1922 гг. – Е.А. Костылева, супруга известного в будущем писателя, лауреата Государственной премии СССР В.И. Костылева, занимавшегося тогда журналистской работой в с. Воскресенском. В Лукояновском доме-музее в 1918 г. работал талантливый педагог и методист З.И. Бахарев – автор статьи «Музей местной природы при начальной школе» (1913) и брошюры «Уездный музей, его задачи» (1919). Губернским отделом народного образования в 1917–1920 гг. также руководил незаурядный человек – известный российский и советский педагог Е.Н. Медынский.

Музейная работа протекала в сложных бытовых условиях. Некоторые музеи ютились в непригодных помещениях, которые зимой не отапливались; терпели притеснения либо часто переезжали, что негативно сказывалось на их работе. Исключением здесь является Городецкий дом-музей: в 1919 г. музей, библиотека, читальня и канцелярия из народного дома переехали в особняк купца И.П. Облаева на ул. Ленинской (бывшей Купеческой), где краеведческий музей расположен по сей день.

Размещались дома-музеи чаще всего в бывших владельческих домах: в разное время под дома-музеи были отведены дом Варыпаева и дом Теребина в Павлове, усадьба Стогова в Лыскове, дом Крашенинникова в Ардатове, дом Большухина и дом Левашова в Васильсурске, дом Горинова в Семенове, дом Лаврова в Лукоянове и др. – либо в помещениях общественных учреждений: клубов, народных домов, бывших гимназий; делили площади с уездными органами власти.

Уездные дома-музеи финансировались крайне нерегулярно, что особенно сказывалось на материальном положении заведующих. Жизнь в провинции была далека от того, чтобы называться сытой и дешевой. В ноябре 1917 г. В.П. Малиновская писала в губоно, что «в Павлове тяжело в смысле продовольствия – черный хлеб 90 коп. фунт и то не всегда можно достать, муки, сахару и чаю тоже не всегда, следовательно, кроме мяса и картошки – продуктов никаких» (ЦАНО.Р-120.1, д. 2, л. 34). Зарплату заведующим и служащим домов-музеев задерживали по 1–3 месяца, паек им был не положен, некоторые тяжело болели от недоедания, признавались в отсутствии сил заниматься переездом и размещением музея на новом месте, проводить выездные лекции и беседы.

Заведующий Павловским домом-музеем К.А. Сметанин в ноябре 1918 г. просил о переводе в Нижний Новгород: «...есть хоть маленькая надежда, что буду сытым» (ЦАНО.Р-120.1, д. 2, л. 88); театральный инструктор С.А. Доленго-Горенкин в июне 1919 г. выразил желание переехать в другой уезд: «Вследствие тяжелого продовольственного кризиса и упадка сил и энергии покорнейше прошу Вас не отказать дать свое согласие на перевод меня в более лучшие условия другого уезда в смысле продовольствия» (ЦАНО.Р-120.1, д. 2, л. 127). Помощник заведующего Княгининским домом-музеем А.А. Островский в заявлении об оставлении места службы с 1 августа 1919 г. ссылаясь на семейные причины – болезнь жены, перенесшей плеврит и воспаление легких, а также предстоящие роды, которые требовали от отца создать для матери и ребенка более благоприятную обстановку.

Заведующий Васильсурским домом-музеем Д.И. Хмельницкий писал в ноябре 1921 г. в губмузей: «Моя комната вся в окнах, и я от холода едва могу работать и писать. Ни пайка, ни жалованья как заведывающий музеем, так и вновь поступивший технический работник

не получают. Положение музея и служащих очень затруднительное и почти безвыходное» (ЦАНО.Р-1684. д. 42, л. 41).

Поначалу земство пыталось разъяснить музейщикам условия момента, настроить их ждать лучшего вместе с остальными. В делопроизводстве Павловского дома-музея сохранилось несколько писем Е.Н. Медынского, в которых он признавался заведующей в бессилии изменить положение: «Могу Вас уверить, что мне может быть в 20 раз больше разруха земства и его просветительской работы, но я столько же могу сделать, сколько и вы, в смысле добывания средств. Простите, но это или непонимание положения, или сознательное желание свалить отсутствие средств с больной головы на здоровую» (ЦАНО.Р-120.1, д. 2, л. 37).

Мало что губернский центр мог сделать и для отстаивания права дома-музея на существование, серьезного отношения к учреждению со стороны местных влиятельных лиц. В конце 1918 г. заведующий Княгининским домом-музеем А.П. Ковалев, столкнувшись с неуважением, запугиванием и откровенным хамством в свой адрес со стороны уездных исполкома и отдела образования, вместе с заявлением об увольнении писал заведующей коллегией по внешкольному образованию губоно Е.Н. Ванеевой: «Я работаю 15 лет и так не устал как за 4 месяца в музее. Такого отношения местной власти в лице с исполкомом и местного отдела по просвещению к просветительным учреждениям и их работникам не было даже при царизме... Сначала была вера на помощь из центра, но пришлось ошибиться. Сколько ни писалось, сколько ни говорилось и даже телеграфировалось, на все отвечали молчанием» (ЦАНО.Р-120.2, д. 213, л. 69).

В местных органах власти приехавший в Княгинино летом 1918 г. А.П. Ковалев встретил людей с явно антибольшевистскими взглядами, в местном населении – надежду на скорое наступление чехословаков, несущих свободу от советской власти. Заведующий музеем стал участником ряда конфликтов с членами уездного исполкома и военным комиссаром Бондаровским, которые позволили своим подчиненным самовольно занять помещение дома-музея под спектакль, после которого устроили потасовку со стрельбой, попортили мебель и оборудование, оставили грязь и испражнения. Справедливого наказания нельзя было добиться и в милиции, которая покрывала высокие чины. Пытаясь очернить заведующего, говорили, что он препятствовал празднованию 15 сентября освобождения г. Казани и что «нисколько не заботится об устройстве дома-музея и живет от публики замкнуто. Публика не знает о существовании дома-музея, и доступ в него публике закрыт» (ЦАНО.Р-120.2, д. 213, л. 67). В итоге дом-музей лишился помещения и вскоре был переведен в с. Большое Мурашкино.

Заключение и перспективы исследования

Однако, несмотря на трудности, период с 1917 по 1922 г. можно назвать «золотой» музейной пятилеткой в Нижегородской губернии. В уездах было создано более 15 музеев, которые сберегали ставшие народными художественные и исторические памятники из помещичьих коллекций, проводили просветительную и научную работу. Финансово музейное строительство поддерживалось, пусть и с перебоями, напрямую государством.

Однако в 1922 г. ситуация изменилась. Финансовая политика эпохи НЭПа носила ортодоксальный характер и предполагала сокращение финансирования социальной сферы, в том числе и учреждений культуры. Большинство музеев было переведено на местный бюджет. Штаты и сеть местных музеев, находившихся на государственном бюджете, в 1922 г. несколько раз сокращались. В ноябре 1921 г. в провинции на государственном бюджете числилось 34 музея (со штатом в 2000 человек), 1 января 1922 г. – 155 музеев (со штатом в 942 человека) и 1 июля 1922 г. – 131 музей (со штатом в 622 человека) [5, с. 15].

В начале 1922 г. выяснилось, что для музеев Нижегородской губернии отпущен 21 денежный паек. Из уездных музеев решили оставить на государственном снабжении наиболее крупные и жизнеспособные – в с. Юрине Васильсурского уезда, а также в Городце, Лыскове и Княгинине, установив следующие их штаты: по два человека в Юрине, Городце и Лыскове и один – в княгининском. Остальные 14 пайков распределялись между городскими музеями Нижнего Новгорода (ЦАНО.Р-1684, д. 48, л. 29, 29 об.).

Большая часть уездных домов-музеев вскоре была ликвидирована, их коллекции влились в более крупные музеи или были отданы в учебные заведения. Судьба большинства экспонатов осталась неизвестной. Несмотря на это, целый ряд современных районных музеев Нижегородской области имеет в своих собраниях предметы дореволюционной эпохи и 20-х годов XX в.

При ликвидации домов-музеев в 20-е годы XX в. дело было не только в финансировании. Менялся сам взгляд на уездные музеи, призванные находиться в тесной связи с хозяйственными и партийными органами по изучению местных производительных сил.

Интересно отметить, что активность музейного строительства на местах в рассматриваемый период оказалась напрямую связана с экономическим контекстом. Получившие новый импульс развития промышленные центры губернии – Павлово (обработка металла), Богородск (кожевенное производство), Балахна (бумкомбинат) – при создании музеев пытались проследить в том числе и свою производственную историю. Схожие процессы происходили в дореволюционную эпоху: в местах развития кустарных производств (Семенов, Павлово, Ворсма, Выкса и др.) фабриканты раньше других осознавали важность сохранения образцов своих изделий, возможность их демонстрации в музее для потенциальных потребителей.

В 1922 г., когда Ветлужский уезд перешел из Костромской в Нижегородскую губернию, число нижегородских музеев пополнил созданный еще в 1918 г. музей г. Ветлуги. В 1923 г. при ликвидации Княгининского уезда был ликвидирован и уездный музей, его коллекции пополнили собрание лысковского музея (ЦАНО.Р-1684, д. 67, л. 41 а). В том же году музей из с. Юрина был эвакуирован в Нижний Новгород и волился в собрание художественного и исторического музеев. 15 апреля 1923 г. был открыт музей местного края при Рабочем клубе им. Профинтерна г. Богородска Павловского уезда (ЦАНО.Р-1684, д. 52, л. 65). Таким образом, на 1924 г. по Нижегородской губернии числилось четыре музея – в Ветлуге, Лыскове, Городце и Богородске. В 1927 г. к ним присоединился активно развивающийся музей г. Балахны.

История уездных домов-музеев Нижегородской губернии, возникших в первой четверти XX в., рассмотренная с опорой на локальный метод, дает возможность сделать выводы об особенностях переходного этапа нижегородского музейного строительства: музей был признан полноправным участником системы внешкольного образования и воспитания, организатором краеведческой работы; первичная музейная потребность в сохранении памятников прошлого, осознанная в середине XIX в., распространилась под влиянием исторического момента на обстановку дворцов и коллекции знати как народное достояние, на артефакты из современной истории промышленного производства и рабочего класса; в музейной работе доминировали просветительные формы (передвижные выставки, тематические лекции и чтения, экскурсии), что прослеживалось и в самом названии «дом-музей». Это создало предпосылки для перехода к более строгим по структуре и составу фондов краеведческим музеям 30-х годов XX в. с функциями культпросветкомбинатов. Дальнейшее изучение

деятельности музейных учреждений раннесоветской эпохи не только обогатит историю музейного строительства в районных центрах Нижегородской области, но и позволит лучше понять особенности революционного этапа в истории музейного дела страны.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

Источники

- Арх. – *Архангельский С.И.* Локальный метод в исторической науке // Краеведение. 1927. № 2. С. 181–194.
- Мед. – *Медынский Е.Н.* Внешкольное образование, его значение, организация и техника. М.: Наука, 1916. VIII, 327 с.
- Цен.пед.муз. – О центральном педагогическом музее губернского земства с лабораторией и мастерской наглядных пособий. Доклад Губернской земской управы XLVI очередному Нижегородскому губернскому земскому собранию. Н. Новгород: Тип. Г.С. Искольдского, 1910. 36 с.
- Шк.-стр.ф. – Об обращении школьно-строительного фонда губернского земства на устройство уездных музеев-библиотек (народных домов) и о сооружении в 1912 году двух первых зданий в Сергачском и Лукояновском уездах. Доклад Губернской земской управы XLVII очередному Нижегородскому губернскому земскому собранию. Н. Новгород, 1911. 38 с.
- Мал. – *Малиновский Н.* Народные дома и районная организация внешкольного образования в Нижегородской губернии // Нижегородская земская газета. 1915. 28 мая. (№ 20).
- ЦАНО.Р-120.1 – Центральный архив Нижегородской области. Ф. Р-120. Оп. 1. Д. 1: Отчет о деятельности Васильского дома-музея и переписка по личному составу, о работе, обследованию культурно-просветительных кружков и финансовым вопросам. 155 л; Д. 2: Отчет о деятельности Горбатовского, Павловского домов-музеев и переписка по личному составу. 198 л; Д. 27: Дело об организации народного дома и дома-музея в г. Семенове (имеются документы за 1915–1916 гг.). 330 л; Д. 33: Переписка с Балахнинским домом-музеем об открытии и передаче Городецкого дома-музея в ведение Балахнинского отдела народного образования, национализации библиотек, отчет о деятельности Городецкой библиотеки за 1907 г. и протоколы собраний учредителей и читателей библиотеки (в деле имеются документы с 1913 г.). 224 л; Д. 34: Переписка с Лукояновским домом-музеем о передаче музея в ведение уездных отделов народного образования, по личному составу, финансовым вопросам и ведомости на жалование лекторам вечерних курсов и сторожикам. 246 л.
- ЦАНО.Р-120.2 – Центральный архив Нижегородской области, Ф. Р-120. Оп. 2. Д. 213: Отчеты о деятельности Княгининского дома-музея, переписка с ним об открытии библиотеки, личному составу, финансовым вопросам и ведомости на жалование служащим музея. 173 л.
- ЦАНО.Р-1684 – Центральный архив Нижегородской области. Ф. Р-1684. Оп. 1. Д. 42: Отчеты о состоянии уездных музеев, описи художественного имущества уездных музеев и переписка об организации работы на местах (1921-1922 гг.). 127 л; Д. 43: Переписка по работе уездных музеев и охране памятников искусства и старины (1921-1922 гг.). 196 л; Д. 48: Протоколы заседания коллегии Губмузея. 1922 г. 66 л; Д. 52: Материалы по реорганизации исторического музея – протоколы комиссии по реорганизации, план перестройки и переписка по этому вопросу (1923 г.). 16 л; Д. 53: Сведения о работе уездных музеев и переписка по организации и хозяйственным вопросам (1923 г.). 67 л; Д. 67: Переписка с уездными музеями по организационным и административным вопросам. Опись предметов, хранящихся в Лысковском музее (1924, 1925 гг.). 74 л; Д. 69: Переписка с уездными музеями по административным и организационным вопросам. 1924-1925 гг. 78 л.
- ЦАНО.993 – Центральный архив Нижегородской области. Ф. 993. Оп. 1. Д. 1: 1921 г. Материалы по организации Нижегородской археолого-этнологической комиссии. Годовая смета и отчет о работе. Опросные листы и анкеты членов комиссии. 144 л.

Литература

1. Пархоменко Т.А. Музеи дореволюционной России во внешкольном образовании (вторая пол. XIX–нач. XX в.) // Музей и власть: в 2 ч. М.: НИИК, 1991. Ч. 2: Из жизни музеев. С. 27–44.
2. Уткина Н.А. Нижегородский музейон: основание. История возникновения и деятельности музеев г. Нижнего Новгорода в 1860-х–1917 гг. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2017. 404 с.
3. Кузина Г.А. Государственная политика в области музейного дела в 1917–1941 гг. // Музей и власть: в 2 ч. М.: НИИК, 1991. Ч. 1: Государственная политика в области музейного дела (XVIII–XX вв.). С. 96–173.
4. Галай Ю.Г. Хранить истории следы. Охрана памятников истории и культуры на Нижегород. земле, 1917–1941. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1989. 154 с.
5. Грицкевич В.П. История музейного дела конца XVIII – начала XX вв. СПб.: СПбГУКИ, 2007. 335 с.

References

1. Parkhomenko T.A. Museums of pre-revolutionary Russia in extracurricular education (from the second half of the 19th to the early 20th century). In: *Muzei i vlast'* [Museum and Power]. Pt. 2: From the life of museums. Moscow, NIIK, 1991, pp. 27–44. (In Russian)
2. Utkina N.A. *Nizhegorodskii museion: osnovanie. Istoriya vozniknoveniya i deyatel'nosti muzeev g. Nizhnego Novgoroda v 1860-kh–1917 gg.* [Nizhny Novgorod Mouseion: Establishment. A History of the Origins and Development of Nizhny Novgorod's Museums from the 1860s to 1917]. Nizhny Novgorod, Izd. Nizhegorod. Gos. Univ., 2017. 404 p. (In Russian)
3. Kuzina G.A. State policy on museums in 1917–1941. In: *Muzei i vlast'* [Museum and Power]. Pt. 1: State policy and museum affairs (18th–20th centuries). Moscow, NIIK, 1991, pp. 96–173. (In Russian)
4. Galai Yu.G. *Khranit' istorii sledy. Okhrana pamyatnikov istorii i kul'tury na Nizhegorodskoi zemle, 1917–1941* [Preserving the Traces of History. The Protection of Historical and Cultural Monuments in the Nizhny Novgorod Region, 1917–1941]. Gorky, Volgo-Vyatskoe Kn. Izd., 1989. 154 p. (In Russian)
5. Gritskevich V.P. *Istoriya muzeinogo dela kontsa XVIII–nachala XX vv.* [The History of Museum Studies from the Late 18th to the Early 20th Century]. St. Petersburg, SPbGUKI, 2007. 335 p. (In Russian)

Информация об авторах

Смолина Надежда Алексеевна, кандидат исторических наук, заместитель декана по научной и творческой работе Высшей школы искусств и дизайна (на правах факультета), Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

E-mail: smolina.na@unn.ru

Author Information

Nadezhda A. Smolina, Cand. Sci. (History), Associate Dean for Research and Creative Activities, Higher School of Arts and Design, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

E-mail: smolina.na@unn.ru

Поступила в редакцию 20.08.2024

Принята к публикации 20.11.2024

Received August 20, 2024

Accepted November 20, 2024

Оригинальная статья

УДК 330.564.224

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.71-80>**Общие тенденции становления малого
предпринимательства в г. Казани
в 80–90-х годах XX века****М.А. Шарапов***sharapov1993@list.ru**Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия***Аннотация**

В настоящей статье исследованы общие тенденции становления малого предпринимательства в г. Казани в 80–90-х годах XX в., описаны характеристики обозначенного процесса, на который оказывали влияние политические, культурно-религиозные, социально-экономические условия развития Республики Татарстан. Отмечается, что для социально-экономического развития государства огромное значение имеют не только предприятия крупного и среднего бизнеса, но и малые предприятия, способствующие экономическому росту и научно-техническому прогрессу страны, расширению конкуренции, преодолению отраслевого и территориального монополизма, созданию рабочих мест, решению многих других важных социально-экономических задач. Выявлены следующие особенности, присущие процессу развития малого предпринимательства в г. Казани в исследуемый период: поддержка администрацией города малого бизнеса как одной из основополагающих и перспективных отраслей в городской экономике, быстрое реагирование на экономические вызовы в государстве, способность к переориентации на новые виды деятельности в соответствии с потребностями рынка, умение работать в узконаправленных видах деятельности.

Ключевые слова: малое предпринимательство, г. Казань, экономическое развитие, рынок, торговля, торговый сектор

Для цитирования: Шарапов М.А. Общие тенденции становления малого предпринимательства в г. Казани в 80–90-х годах XX века // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2025. Т. 167, кн. 1. С. 71–80. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.71-80>.

Original article

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.71-80>

**Key trends that shaped small business development
in Kazan during the 1980s–1990s**

M.A. Sharapov

Kazan Federal University, Kazan, Russia

sharapov1993@list.ru

Abstract

This article examines key trends that shaped small business growth in Kazan during the 1980s–1990s. The rise of local markets was described considering the political, cultural, religious, and socio-economic landscapes of the Republic of Tatarstan at that time. The analysis reveals that small companies drive economic progress, foster scientific and technological advances, promote competition, discourage sectoral and territorial monopolies, create jobs, and address many other problems, thus being just as vital to the socio-economic development of a state as medium and large companies. The following main characteristics of small business in Kazan during the studied period were identified: the city administration's support for the budding small business as a fundamental and promising sector of the urban economy, the rapid response to the economic challenges in the state, as well as the ability to pivot effectively in line with market demands and fit successfully within specialized market niches.

Keywords: small business, Kazan, economic development, market, trade, trade sector

For citation: Sharapov M.A. Key trends that shaped small business development in Kazan during the 1980s–1990s. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2025, vol. 167, no. 1, pp. 71–80. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.71-80>. (In Russian)

Введение

В настоящем исследовании определены общие тенденции становления и развития малого предпринимательства в г. Казани в 80–90-х годах XX в. Для достижения поставленной цели были использованы следующие методы исследования: диалектический метод, позволивший провести анализ общих тенденций становления и развития малого бизнеса в г. Казани в рассматриваемый период, анализ, синтез, логический метод.

В 80–90-х годах XX в. в Казани шло активное развитие малого предпринимательства. Во-первых, тогда малым предприятиям г. Казани нужно было быстро реагировать на стремительно развивающиеся экономические процессы в стране, адаптироваться к новым условиям и реалиям потребительского рынка, также имела место необходимость внедрения инновационных технологий, совершенствования структуры управления, маркетинговой деятельности, создания новых форм предпринимательской деятельности.

Во-вторых, в 80–90 годах XX в. руководством г. Казани было принято несколько нормативно-правовых актов с целью оказания поддержки малому предпринимательству города

как одному из перспективных отраслей его экономики. Принятые законодательные акты способствовали оживлению потребительского рынка товаров и услуг, быстрому развитию малых предприятий по всей стране.

В-третьих, на становление и развитие малого бизнеса в г. Казани в указанный период оказывал влияние целый ряд факторов: институциональных, политических, социально-экономических, исторических, религиозных, воздействие которых проявилось в полной мере после начала реализации в стране экономических реформ.

В 80–90 гг. XX в. в России произошли изменения в потребительских предпочтениях населения, стремительное развитие технологий, формирование финансовых рынков, маркетинга, менеджмента. Малые предприятия в сравнении с предприятиями среднего и крупного бизнеса быстрее и гибче адаптировались к упомянутым трансформациям, что позволило малому предпринимательству г. Казани успешно развиваться в новых экономических условиях.

Содержание исследования

Малый бизнес в России зародился и получил импульс для дальнейшего становления благодаря кооперативному движению, которое активно развивалось в Советском Союзе в период с 1985 по 1991 г.

На 80-е годы XX в. пришлось начало активного формирования кооперативов и товариществ, которые могли создаваться и ликвидироваться в течение месяца, так и не начав свою основную деятельность. Оформление кооператива происходило довольно просто, а налог с товарооборота составлял около 3 %. В кооперативах собственными силами производились и реализовывались товары и предлагались услуги, насыщавшие потребительских рынок. Основной целью развития кооперативов в этот период было обеспечение населения потребительскими товарами и различными услугами. Однако поставленная цель не была достигнута из-за ограниченности у частных предпринимателей того периода финансовых ресурсов, неразвитости законодательства, регулирующего различные сферы предпринимательской деятельности, нехватки необходимой инфраструктуры и материальных ресурсов.

Важную роль в развитии малого предпринимательства в стране сыграл принятый в 1987 г. Закон СССР «О государственном предприятии (объединении)», способствовавший расширению арендных отношений в стране и деятельности производственных и коммерческих кооперативов благодаря закреплению принципов самоконтроля, возвратности, окупаемости (1). Указанные принципы способствовали появлению у кооперативов все большей инициативности, стремления к достижению конечного финансового результата, умения противостоять рискам, ответственности.

Несмотря на то, что в развитии индивидуальной предпринимательской деятельности существовало много сложностей, отношение общества к торговцам и предпринимателям постепенно менялось. Именно кооперативы как новая форма малых предприятий, возникшая в период перестройки, наиболее активно и чутко отреагировали на благоприятные условия, которые были созданы в связи с принятием в 1988 г. Закона «О кооперации в СССР» (2).

В результате перехода государственных предприятий с 1 января 1989 г. на самофинансирование и хозрасчет в стране стали активно развиваться арендные отношения. Начавшаяся приватизация способствовала передаче государственных предприятий в частную собственность и демонаполизации государственной собственности, в результате чего в России начался переход к рыночной экономике.

Стремительное развитие кооперативов в различных сферах деятельности происходило в г. Казани в 1988–1989 гг. Тогда были созданы кооперативы в сфере строительства, роз-

ничной и оптовой торговли, общественного питания, производства, сельского хозяйства. Активное развитие кооперативного движения способствовало росту занятости казанского населения и насыщению рынка необходимыми потребительскими товарами и услугами.

Формирование и развитие кооперативного движения в 1988–1989 гг. стало началом возрождения малого предпринимательства в г. Казани, так как деятельность малых предприятий в исследуемый период оказалась намного эффективнее, чем деятельность государственных предприятий.

Однако в развитии кооперативного движения встречались и проблемы. Резкое увеличение денежных потоков кооперативов, выходящих из-под контроля Госбанка СССР, привело к появлению у партийных деятелей желания контролировать результаты их финансово-хозяйственной деятельности, поскольку доходы кооперативов и заработная плата их работников были намного выше, чем на государственных предприятиях. Товары и услуги, производимые кооперативами, пользовались большим спросом, хотя цены на них были выше, что начало вызывать недовольство у широких слоев населения. В г. Казани многие кооперативы заключали соглашения на реализацию своих товаров с государственными предприятиями и научно-исследовательскими институтами, так как сотрудничество с государственными предприятиями было для кооперативов выгодным. Также консерваторов и приверженцев традиционных взглядов на экономику возмущали налоговые каникулы на два года для кооперативов, основным видом деятельности которых являлось производство социально-значимых товаров и услуг, например производство лекарственных препаратов, строительство и обслуживание социальных объектов.

Опасения по поводу полной свободы малого предпринимательства привели в 1990 г. к ужесточению контроля деятельности кооперативов со стороны банков, администрации, органов муниципального управления г. Казани.

Положительное воздействие на развитие малого бизнеса оказало принятое в августе 1990 г. постановление Совета Министров СССР «О мерах по созданию и развитию малых предприятий», приблизившее управленческий опыт в развитии малых предприятий к международным стандартам (3). Однако в данном постановлении большее внимание уделялось малым предприятиям в сфере производства и строительства.

В 1990 г. был принят Закон РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности», определявший организационно-правовые основы создания предприятий и гарантировавший всем гражданам страны право заниматься предпринимательской деятельностью (4). Закон не допускал недобросовестной конкуренции на рынке и монопольного положения отдельных предприятий. Благодаря развитию законодательства, регулирующего предпринимательскую деятельность, в стране начала расширяться сфера деловой активности предпринимателей, стали развиваться различные организационно-правовые формы малых предприятий и формироваться арендные отношения.

В 1991–1992 гг. в России начался интенсивный процесс коммерциализации бизнеса с делением его на мелкий, средний и крупный. В это время было принято множество законодательных актов, направленных на поддержку и стимулирование развития предпринимательства в стране. Для создания необходимых организационно-правовых и экономических условий для становления малых предприятий 18 июля 1991 г. было подписано постановление Совета Министров РСФСР № 406 «О мерах по поддержке и развитию малых предприятий в РСФСР», в котором были определены основные критерии для признания предприятия субъектом малого предпринимательства. Согласно данному постановлению, численность

персонала должна была составлять не более 200 человек для строительных и производственных предприятий, не более 15 человек в розничной торговле, не более 30 человек на предприятиях общественного питания и не более 100 человек на предприятиях, занимающихся научной деятельностью (5).

Тогда же начались формирование рыночной инфраструктуры, развитие профессиональных навыков предпринимателей и кадров, появление различных структур бизнеса благодаря объединению кампаний и их приобретению, возникновение торговых и посреднических организаций, а также развитие финансовых учреждений.

Однако в 1991–1992 гг. государство не сумело создать эффективных механизмов поддержки малого бизнеса, которое развивалось без должного внимания, в условиях нарастания криминализированных структур и ухудшения социально-психологического климата в стране [1, с. 49].

В 1993–1994 гг. в стране проводится широкомасштабная приватизация и происходит интенсивный рост различных видов предпринимательской деятельности. Процесс приватизации требовал со стороны государства принятия серьезных административных и юридических мер. Правительственная программа выдвинула основные цели приватизации: формирование института частной собственности, предпринимательских структур, заинтересованных в развитии рыночной экономики; повышение эффективности бизнеса; улучшение системы социальной защиты за счет доходов от приватизации; обеспечение стабильности финансовой системы; создание конкурентной среды и борьба с монополиями; привлечение иностранных инвесторов [2, с. 250].

К сожалению, упомянутая программа оказалась неудачной, поскольку с самого начала процесс приватизации не обеспечивал равных возможностей для всех участников. В итоге собственность сконцентрировалась в руках элиты новой демократии, тогда как обычные граждане, особенно пенсионеры и работники бюджетной сферы, получили только бесполезные ваучеры. При отсутствии эффективного государственного контроля над процессом приватизации, который должен был способствовать развитию свободного предпринимательства, в стране сформировалась система олигархического капитализма [2, с. 250].

С целью дальнейшего развития и поддержки малого бизнеса в 90-х годах XX в. появились новые законы. Например, в 1995 г. был принят Закон «О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации», на основе которого выделялись критерии для определения малых предприятий (6). Согласно этому закону, на малых предприятиях в промышленной сфере и в сфере строительства количество работающих не должно было превышать 100 человек, на предприятиях научной сферы – 60 человек, в розничной торговле – 30 человек, в общественном питании – 60 человек.

Таким образом, в 1995–1998 гг. основным приоритетом государственной политики в сфере поддержки малого предпринимательства стало создание необходимой инфраструктуры для развития предпринимательской деятельности и обеспечение предприятий малого бизнеса материальными, финансовыми и информационными ресурсами.

В Республике Татарстан малый бизнес развивался в соответствии с основными тенденциями формирования малого предпринимательства в Российской Федерации. На формирование предпринимательской среды в Татарстане оказали влияние различные факторы: институциональные, политические, социально-экономические, исторические и религиозные. Важным событием для республики было принятие 30 августа 1990 г. Верховным Советом ТАССР «Декларации о государственном суверенитете ТАССР» (7), оказавшей значительное

политическое воздействие на все социально-экономические процессы в республике, а также на развитие малого предпринимательства.

Подписанный Договор «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» предоставил республике возможность самостоятельно развивать экономические и международные отношения, что способствовало созданию в Татарстане благоприятных социально-экономических условий для развития малого предпринимательства (8).

В целях дальнейшего социально-экономического развития Правительство Республики Татарстан выбрало стратегию «мягкого вхождения» в рыночную экономику, что способствовало стремительному формированию и развитию малого бизнеса в республике в начале 90-х годов XX в. Внедрение в Татарстане системы социальной защиты смягчило влияние экономического кризиса на малое предпринимательство.

К началу 90-х годов Правительством Республики Татарстан принимается ряд нормативно-правовых актов для поддержки и регулирования малого предпринимательства. Например, в 1991 г. постановлением Совета Министров Татарской ССР от 28 мая 1991 года № 239 был учрежден Татарстанский республиканский фонд финансовой поддержки малого предпринимательства (9). Его целью было оказание финансовой помощи для создания новых и развития существующих малых предприятий на территории республики путем предоставления льготных займов на инвестиционные проекты, реализуемые малыми предприятиями Татарстана [3, с. 22]. Из бюджета Татарской АССР на создание фонда было выделено 5 млн руб.

В 1992 г. в Татарстане начала работу Торгово-промышленная палата, основной целью которой являлась координация предпринимательской деятельности в республике и создания благоприятных условий для ее развития.

В 1991–1992 гг. в Казани малый бизнес интенсивно развивался. Несмотря на негативные процессы, имевшие место в экономике страны, активность в сфере малого предпринимательства продолжала расти. В 1992 г. наблюдалось сокращение числа малых предприятий в сферах строительства и производства, в то время как увеличивалось их количество в сферах общественного питания, оптовой и розничной торговли.

В 1991–1992 гг. по всей стране начинает активно развиваться «челночный бизнес» вследствие либерализации экономики страны, что привело к снижению спроса на товары российских производителей [2, с. 250]. «Челночный бизнес» набирал обороты и в г. Казани. Многие жители столицы Татарстана были вынуждены ездить в Турцию и другие страны за различными товарами: от продуктов питания до бытовой техники – с целью их последующей перепродажи на рынках города. «Челночный бизнес» становится одним из самых популярных видов малого предпринимательства. На рынках Казани практически разворачивалась торговля импортными товарами, что сбивало спрос на товары отечественного производства. Поэтому в 1992–1995 гг. отмечались снижение численности малых предприятий производственной сферы и рост их количества в сферах торговли и общественного питания. В обозначенный период малые предприятия г. Казани самостоятельно научились адаптироваться к рыночным сложностям, диверсифицировав свою деятельность и параллельно развивая торговую и производственную деятельность для получения дополнительной прибыли.

В 1996–1997 гг. в российской экономике происходит падение уровня инфляции до 10 %, что привело к снижению процентных ставок по кредитам до 10 %. Эти позитивные тен-

денции в экономике способствовали экономическому росту не только на уровне страны, но также во всех регионах. Резкий прирост числа малых предприятий наблюдался в сферах торговли и общественного питания благодаря быстрой окупаемости и невысоким издержкам на организацию и ведение бизнеса. Также отмечался рост малых предприятий в сфере медицины и образования. Стремительное увеличение количества малых предприятий в г. Казани способствовало созданию новых рабочих мест и увеличению налоговых поступлений в муниципальный бюджет [3, с. 23].

Таким образом, 1996–1997 гг. характеризовались позитивным развитием малого предпринимательства как по всей стране, так и в г. Казани: происходили увеличение численности малых предприятий, создание новых рабочих мест и снижение влияния криминальных структур на предпринимательскую сферу.

Для поддержки малых предприятий правительством Республики Татарстан было принято постановление от 14 мая 1998 года № 249 «О Программе государственной поддержки малого предпринимательства в республике на 1998–1999 годы» (10). В ее рамках предполагались поддержка и развитие малых предприятий всех сфер деятельности как одного из самых важных секторов экономики республики. Растущее значение малого бизнеса для стратегического и экономического развития Республики Татарстан, а также г. Казани стало очевидным. Малые предприятия способствовали насыщению рынка необходимыми товарами и услугами, созданию рабочих мест, увеличению доходов бюджета, а также решению социально-экономических проблем региона.

Бурный рост малого предпринимательства в 1996–1997 гг. свидетельствовал о его значительном потенциале для экономического развития республики. Например, в 1997 г. доля отчислений в бюджет Татарстана от доходов малых предприятий составила около 10 %. Индекс физического роста малого бизнеса в 1997 г. в республике достиг 122.9 %. Всего в 1997 г. в Республике Татарстан было зарегистрировано около 21.4 тыс. малых предприятий, на которых работало около 205.2 тыс. человек [3].

В 1998 г. наблюдалось стремительное развитие финансового рынка в Республике Татарстан в целом и в г. Казани в частности, что привело к увеличению численности малых предприятий в финансовом секторе в 12 раз. Однако этот рост происходил в условиях фундаментальных экономических проблем, таких как финансовый кризис, ухудшение платежного баланса и экономическая нестабильность в стране.

Кризис, произошедший в августе 1998 г., стал причиной серьезных экономических потерь для многих малых предприятий, что привело к снижению темпов производства, прибыльности предприятий, сокращению их численности.

К концу 1999 г. экономика страны начала выравниваться, происходило дальнейшее становление малого предпринимательства как по всей стране, так и в г. Казани. Наиболее быстрыми темпами развивались малые предприятия в сферах торговли, общественного питания, строительства, производственной деятельности, транспортных и телекоммуникационных услуг.

Казань становится центром деловой активности не только в Республике Татарстан, но и в Российской Федерации. Для стимулирования развития малого предпринимательства в городе его администрацией был подписан ряд важных документов.

Целью принятия постановления Главы администрации г. Казани от 5 января 1999 г. № 8 было оказание поддержки производственным предприятиям, нуждающимся в основных производственных фондах (11). Упомянутые в постановлении меры также предусматривали

возможность реструктуризации задолженности малых предприятий перед бюджетом города по налогам и сборам. С этой целью Городскому фонду кредитной поддержки предпринимательства г. Казани была предоставлена Финансовым управлением города бюджетная ссуда в размере 3 млн руб. на один год. Реализация принятых в постановлении мер способствовала созданию благоприятных условий для развития малого предпринимательства в г. Казани в производственной сфере.

Для поддержки малых предприятий было принято постановление Главы администрации г. Казани от 5 марта 1999 г. № 363 (12), в соответствии с которым малые предприятия в производственной сфере, в сферах науки, внутреннего туризма, образования, общественного питания, транспорта, медицинских услуг, жилищно-коммунального обслуживания освобождались от уплаты налогов в бюджет города на 100 %, если основная деятельность предприятия составляла более 70 % от общего объема реализации продукции или услуг в течение первых трех лет с момента регистрации, и на 50 % в последующие годы.

Помимо экономических мер поддержки малого предпринимательства, администрация г. Казани также принимала организационно-правовые меры. Например, 9 марта 1999 г. было принято Положение о Реестре субъектов малого предпринимательства г. Казани, в который было включено более 600 предприятий.

Для уменьшения количества неправомερных проверок малых предприятий в г. Казани 28 июня 1999 года было издано постановление Главы администрации города № 1249, согласно которому с 1 августа 1999 г. началось внедрение среди малых предприятий «книг проверок» (в них контролирующие органы фиксировали факты и результаты аудита) (13). Данная мера способствовала улучшению процесса контроля малых предприятий и снижению вероятности недобросовестных действий со стороны контролирующих органов.

Заключение

Таким образом, в 90-х годах XX в. администрация г. Казани принимала необходимые меры по поддержке малого предпринимательства, при этом основной акцент делался на предоставлении налоговых льгот, финансирования и обеспечении основными производственными фондами, что способствовало социально-экономическому развитию города. Благодаря предпринятым действиям, Казань стала одним из ведущих центров деловой активности в Российской Федерации, в котором успешно функционируют как крупные предприятия, так и большое количество малых предприятий в различных сферах деятельности: производственной, строительной, научной, торговой, сферах общественного питания, медицины, образования. Роль малого бизнеса в социально-экономическом развитии столицы Татарстана оказалась весьма значимой.

Несмотря на положительные тенденции развития малого предпринимательства в г. Казани, как показало исследование, в 80–90-х годах XX в. малый бизнес столкнулся с различными проблемами: недостаточно развитое законодательство, высокие налоговые платежи, недостаток собственных средств для финансирования коммерческой и производственной деятельности, давление со стороны криминальных структур.

Вопреки вышеперечисленным трудностям в 90-х годах XX в. малые предприятия стали одной из важнейших отраслей экономики г. Казани, поскольку их деятельность способствовала насыщению городского потребительского рынка необходимыми товарами и услугами, созданию новых рабочих мест, пополнению доходов бюджета города. Успешное развитие малых предприятий в г. Казани связано с оказанием всевозможной поддержки малому предпринимательству администрацией города. Малый бизнес отличался быстрым реаги-

ванием на экономические вызовы в государстве, способностью к переориентации на новые виды деятельности в соответствии с потребностями рынка, умением работать в узконаправленных видах деятельности.

На современном этапе социально-экономического развития основной задачей руководства города должны стать дальнейшее развитие и поддержка потенциала малого предпринимательства как важной сферы социально-экономического развития г. Казани.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

Источники

1. Закон СССР «О государственном предприятии (объединении)» от 30 июня 1987 г. № 7284-XI. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=35638>, свободный.
2. Закон СССР от 26 мая 1988 № 8998-XI (ред. от 7 марта 1991 г., с изм. от 15 апр. 1998 г.) «О кооперации в СССР» // Вед. ВС СССР. 1988. № 22. Ст. 355.
3. Постановление Совмина СССР от 8 авг. 1990 г. № 790 «О мерах по созданию и развитию малых предприятий» // СП СССР. 1990. № 19. Ст. 101.
4. Закон РСФСР от 25 дек. 1990 г. № 445-1 (ред. от 30 нояб. 1994 г.) «О предприятиях и предпринимательской деятельности» // Вед. СНД и ВС РСФСР. 1990. № 30. Ст. 418.
5. Постановление Совмина РСФСР от 18 июля 1991 г. № 406 «О мерах по поддержке и развитию малых предприятий в РСФСР». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=110&dst=100001#JlMw46UorrqilfCJ>, свободный.
6. Федеральный закон от 14 июня 1995 г. № 88-ФЗ (ред. от 2 февр. 2006 г.) «О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 25. Ст. 2343.
7. Декларация о государственном суверенитете Татарской Советской Социалистической Республики № 334-XI от 30 авг. 1990 г. URL: https://gossov.tatarstan.ru/about/history/declaration_o_suverenitet?ysclid=ltda99fvzv202344777, свободный.
8. Договор РФ и РТ от 15 февр. 1994 г. «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» (прекратил действие). URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=37684>, свободный.
9. Постановление Совета Министров Татарской ССР от 28 мая 1991 г. № 239 «О создании Татарского республиканского фонда финансовой поддержки малого предпринимательства» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/917003034?ysclid=lubf2beucr629763431§ion=text>, свободный.
10. Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 23 апр. 1998 г. № 193 «О Программе государственной поддержки малого предпринимательства в Республике Татарстан на 1998–1999 годы» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/917003097?ysclid=lubfv0g7qk96564233§ion=status>, свободный.
11. Постановление Главы администрации г. Казани от 5 янв. 1999 г. № 8 «О некоторых мерах по поддержке малого предпринимательства производственной сферы экономики г. Казани» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/432904547?ysclid=ltakfoad1398808916>, свободный.
12. Постановление Главы администрации г. Казани от 5 марта 1999 г. № 363 «О поддержке предпринимательства в городе Казани» (с изменениями и дополнениями) (утратило силу) // СПС Гарант. URL: <https://base.garant.ru/8101884/?ysclid=ltamlg92c393947951>, свободный.

13. Постановление Главы администрации г. Казани от 28 июня 1999 г. № 1249 «О мерах по упорядочению проведения контролирующими органами проверок деятельности субъектов малого предпринимательства города Казани» (с изменениями и дополнениями) (утратило силу) // СПС Гарант. URL: <https://base.garant.ru/8102263/?ysclid=lt dauigcid591375412>, свободный.

Литература

1. *Нагимова А.М.* Малое предпринимательство в Республике Татарстан: становление, развитие, перспективы. Казань: Центр инновационных технологий, 2010. 123 с.
2. *Лебедева А.Л.* Трудности становления малого предпринимательства в России на начальном этапе рыночных реформ // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 1 (11). С. 249–251.
3. *Кузенков А.Н.* Социальные аспекты формирования малого предпринимательства в центральной России в 90-е годы XX века: дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2004. 170 с.

References

1. Nagimova A.M. *Maloe predprinimatel'stvo v Respublike Tatarstan: stanovlenie, razvitie, perspektivy* [Small Business in the Republic of Tatarstan: Its Origins, Development, and Prospects]. Kazan, Tsentr Innovatsionnykh Tekhnol., 2010. 123 p. (In Russian)
2. Lebedeva A.L. The challenges of small business in Russia at the early stages of market reforms. *Istoricheskaya i Sotsial'no-Obrazovatel'naya Mysl'*, 2012, no. 1 (11), pp. 249–251. (In Russian)
3. Kuzenkov A.N. Social aspects of small business development in Central Russia during the 1990s. *Cand. Sci. (Sociology) Diss.* St. Petersburg, 2004. 170 p. (In Russian)

Информация об авторах

Шарапов Марсель Айратович, аспирант кафедры отечественной истории, Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: sharapov1993@list.ru

Author Information

Marsel A. Sharapov, Postgraduate Student, Department of Russian History, Kazan Federal University

E-mail: sharapov1993@list.ru

Поступила в редакцию 20.04.2024

Received April 20, 2024

Принята к публикации 19.12.2024

Accepted December 19, 2024

ЛИНГВИСТИКА

Оригинальная статья

УДК 81'255.2

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.81-93>

Передача речевого портрета подростка как проблема перевода

Е.А. Бармина, О.Г. Скидан ✉, Н.А. Местанко*Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, 299053, Россия*✉ skidan_ua@mail.ru

Аннотация

В статье проанализированы средства, формирующие речевой портрет подростка в современном англоязычном художественном тексте, в контексте их перевода на русский язык. В результате анализа текста оригинального романа Киран Миллвуд Харгрейв «Джулия и акула» выделены ключевые маркеры речевого портрета персонажа-подростка как отражение его языковой картины мира. Сопоставительный анализ текста оригинала и его перевода, выполненного Н. Калошиной, показал, что в последнем происходит дополнительное выдвижение ключевых маркеров речевого портрета персонажа, что объясняется ориентацией перевода на более старшую по возрасту целевую аудиторию. Стилизация речи подростка 12 лет и старше требует учета психолингвистических особенностей обозначенной возрастной группы. Сделан вывод о том, что при определении необходимой степени адаптации речевого портрета персонажа-подростка переводчик также ориентируется на тот образ современного подростка, который сложился в российской лингвокультурной среде.

Ключевые слова: речевой портрет, языковая картина мира, маркер, перевод, подростковая литература, Киран Миллвуд Харгрейв, «Джулия и акула»

Для цитирования: Бармина Е.А., Скидан О.Г., Местанко Н.А. Передача речевого портрета подростка как проблема перевода // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2025. Т. 167, кн. 1. С. 81–93. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.81-93>.

Original article

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.81-93>

Rendering a teenager's language portrait as a translation problem

E.A. Barmina, O.G. Skidan , N.A. Mestanko

Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

 skidan_ua@mail.ru

Abstract

This article explores a linguistic repertoire that shapes the language portrait of a teenager in contemporary English fiction, particularly in the context of its translation into Russian. Through the analysis of Kiran Millwood Hargrave's novel "Julia and the Shark," featuring a teenager as the main character, key linguistic markers of a fictionalized teenager's speech were identified and studied as reflecting their linguistic worldview: conversational and expressive tone, linguistic creativity, metaphorical inner speech, and detailed descriptions of the surroundings. The original text was compared with its Russian translation by N. Kaloshina, revealing that the latter, being targeted at an older audience, additionally emphasizes the specifics of the main character's language. Therefore, in order to render the speech of a teenager aged 12 years and above, it is important to have a proper understanding of the psycholinguistic features of this age group. While determining the extent to which the language portrait of a teenage character should be adapted, the Russian translator is guided by the image of a teenager in the contemporary Russian linguocultural environment.

Keywords: language portrait, linguistic worldview, marker, translation, young adult literature, Kiran Millwood Hargrave, "Julia and the Shark"

For citation: Barmina E.A., Skidan O.G., Mestanko N.A. Rendering a teenager's language portrait as a translation problem. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2025, vol. 167, no. 1, pp. 81–93. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.81-93>. (In Russian)

Введение

Антропоцентрическая парадигма в лингвистике, благодаря которой фокус исследований сместился с чисто формальных языковых явлений в сторону изучения языка как антропологического феномена, позволила значительно расширить границы исследовательского поля. Особое внимание уделяется одному из центральных терминов – «языковой личности», теоретическая и практическая значимость изучения которой является неоспоримой. Исследования различных аспектов формирования языковой личности не только не теряют актуальности, но и постоянно расширяют спектр своих задач благодаря междисциплинарному синтезу.

В фокусе настоящей статьи находится языковая личность подростка, наблюдаемая через актуализацию его речевого портрета в тексте подросткового романа. Несмотря на растущую популярность книг с маркировкой 12+, этот пласт современной подростковой литературы, как написанной на русском языке, так и переводной, является относитель-

но новым и неизученным материалом в рамках российской литературоведческой и лингвистической традиций. Следует отметить, что работ, посвященных анализу языковых средств, создающих модель языковой личности подростка в современной подростковой литературе, крайне мало [1–4].

Интерес к современной подростковой литературе обусловлен наличием в ней большого количества примет современности: авторы не стремятся стилизовать или идеализировать подростковый опыт, отражают реальность прямо и открыто. Исследователи отмечают, что в изображении образа ребенка в литературе и СМИ произошли значительные изменения, продиктованные новыми условиями, например дискриминацией, вынужденной миграцией [5, р. 267–270]. Прослеживается и актуализация совершенно нового типа взаимоотношений с родителями, который, по словам В.Н. Горенинцевой, не коррелирует с известными, наработанными литературой моделями: например европейским «романом воспитания», моделями «счастливого детства», «украденного детства» и др. [6, с. 177]. Современные авторы, скорее, предлагают подростку различные художественные версии современной реальности, строят диалог с читателем о системе взаимодействия с ней в новых условиях сегодняшнего дня. В основу художественного отображения подростка все чаще ложатся реальные жизненные проявления, а базой для образа становится сама жизнь. Авторы стремятся изобразить героев предельно реалистично, в том числе в их речевом поведении.

Одним из таких авторов является современная британская писательница, лауреат престижных премий – Киран Миллвуд Харгрейв. Ее книги пользуются популярностью в связи с многоаспектностью поднимаемых в них проблем, актуальных для сегодняшнего времени. В романе «Джулия и акула» автор умело вписывает традиционные проблемы становления личности и самоидентификации подростка в экологическую повестку. Кроме того, анализируемое произведение ставит перед переводчиком непростую задачу репрезентации образа подростка в условиях дисфункциональной семьи, что, несомненно, накладывает отпечаток на его речевой портрет и требует адекватной реализации при переводе. Созданный автором образ должен вписываться в реалии, существующие в рамках культуры языка перевода, что предполагает адаптацию исходных данных в соответствии со спецификой речевого поведения подростков в лингвокультурной среде этого языка. Однако степень и пределы подобной адаптации не являются константой. Ключевая роль в выборе стратегии трансляции образа на язык перевода принадлежит переводчику. Именно гибкий подход к адаптации позволяет ему создать текст, гармонично вписывающийся в так называемую экосреду, под которой известный китайский лингвист и переводчик Ху Гэншэнь предлагает понимать «мир исходного текста, исходного и переводного языков, подразумевая языковой, коммуникативный, культурный и социальный аспекты перевода, а также автора, заказчика и читателей» [7, р. 284].

Целью настоящего исследования является выявление ключевых маркеров речевого портрета языковой личности подростка в качестве опоры для проведения предпереводческого анализа, обуславливающего выбор приемов адаптации исходного текста, обеспечивающих достоверность речевого портрета подростка в языке перевода. Таким образом, основная интенция авторов статьи соотнесена с практической деятельностью переводчика, что обуславливает **актуальность** настоящего исследования, направленного на углубление понимания проблемы выбора языковых средств, обеспечивающих достоверную репрезентацию речевого портрета персонажа в контексте художественного перевода.

Материалы и методы

В качестве **материала** исследования выбраны роман К.М. Харгрейв “Julia and the Shark” (2021), главной героиней которого является десятилетняя девочка Джулия, а также его перевод на русский язык («Джулия и акула»), выполненный в 2023 г. Натальей Калошиной, чьи работы как переводчика детских книг отмечены не только премией «Мастер» (2018), но и премией им. К.И. Чуковского (2020). Необходимо отметить, что возрастной рейтинг оригинального произведения – 10+, а переводного – 12+, что связано с разными подходами к маркировке литературных произведений в соответствии с возрастными ограничениями в Великобритании и России. По Федеральному закону от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» наличие в книге описания болезни матери не позволяет поместить ее в более раннюю возрастную группу. Таким образом, целевая аудитория переводной версии несколько старше, чем оригинальной, что позволяет выдвинуть **гипотезу** о необходимости адаптации речевого портрета главного персонажа-подростка в переводе с целью повышения реалистичности при восприятии его потенциальным читателем. Реалистичность восприятия обеспечивается благодаря учету особенностей картины мира подростка в возрасте 12 лет и старше.

Объектом исследования выступает речевой портрет подростка как экспонента языковой личности персонажа художественного текста, **предметом** – маркеры речевого поведения персонажа-подростка в англоязычном художественном тексте, обусловленные особенностями картины мира данной возрастной группы, в аспекте адекватности их воссоздания в переводе на русский язык.

Главной тенденцией в языковом оформлении современных текстов для подростков является создание соответствующего образу подростка речевого портрета. В нашем исследовании мы поддерживаем тезис о том, что «персонаж художественного произведения может рассматриваться в качестве модели реальной языковой личности со всеми присущими ей характеристиками» [3, с. 161]. Соответственно, при реконструкции речевого портрета необходимо задействовать данные различных антропологических наук. Например, применение данных психолингвистики позволяет сделать более продуктивным предпереводческий анализ, направленный на определение ключевых маркеров речевого портрета психически нездорового персонажа художественного текста для последующей их репрезентации в переводе [8, с. 60].

Известно, что реконструкция речевого портрета, представляющего собой «актуализацию языковой личности» [9], осуществляется посредством фиксации особенностей речевого поведения исследуемой личности, наблюдаемых на различных уровнях языка (фонографическом, лексико-грамматическом, синтаксическом, прагматическом). В контексте вопросов, поднимаемых в настоящем исследовании, считаем целесообразным утверждать, что при изучении речевого портрета персонажа-подростка необходимо прежде всего рассмотреть его в аспекте самой личности подростка, об особенностях возрастных изменений и процессе становления которой известно благодаря достижениям в сфере психологии и психолингвистики.

Подросток является носителем специфической концептуальной картины мира, включая языковую, которая обусловлена его знаниями о мире, опытом, интересами, что, в свою очередь, непосредственно связано с репрезентируемой возрастной группой. Большинство психологов сходятся во мнении, что картина мира представляет собой целостное, динамическое образование психики, рассматриваемое в единстве трех компонентов: образа Я, образа Другого и обобщенного образа предметного мира. Последний формируется на основе освоения научной картины мира и содержания определенной культуры [10, с. 104].

«Обращенность вовне» весьма ярко характеризует именно подростковый возраст [11, с. 16]. Речь младших подростков как неустойчивая динамическая структура обладает признаками лингвокреативности, связанной с эмоциональным восприятием мира и экспрессивной составляющей [12, с. 13; 13].

Результаты исследований Д.И. Фельдштейна подтверждают, что одной из доминантных потребностей у детей в 9–10-летнем возрасте (возраст героини в анализируемом художественном тексте) можно считать потребность в «признании другими» [14, с. 12], что объясняет использование сленговых единиц при общении со сверстниками (идентификационная функция сленга).

Выделение «личностнозначимых смыслов и ценностей» [11, с. 17] является основой формирования у названной возрастной категории образа «Я». Ключевым элементом «Я-образа» выступает так называемый «значимый взрослый», рассматриваемый как частный случай термина «значимый другой»: под ним американский социолог Г.С. Салливан понимает «человека, мнение которого ценно для индивида с точки зрения влияния на поведение последнего, развитие его личности и выбор ценностных ориентаций» [15, с. 165]. В большинстве случаев в качестве «значимого другого» выступает родитель. Отождествляя себя сначала с одним из родителей, чаще с матерью, ребенок репродуцирует его поведение, мысли, чувства. Доказано, что в младшем подростковом возрасте основными компонентами картины мира являются дом и семья.

Наличие в семье факторов дисфункциональности в различной степени влияет на всех ее участников, но особенно – на детей и подростков. Например, нежелательные качества матери: повышенная эмоциональность, гиперопека, ребячество, чрезмерная щепетильность, инфантилизм и т. п. – могут стать источником психической травматизации личности ребенка, что может отразиться на его речевом поведении (речевая агрессия).

В исследуемом художественном тексте героиня-подросток оказывается под влиянием биполярного расстройства своей матери, морского биолога, фанатично поглощенного исследовательским проектом – поисками гренландской акулы. Это накладывает отпечаток на формирование ее картины мира, что находит отражение в речевом портрете. Проведенное исследование показало, что ключевыми маркерами речевого портрета героини являются лингвокреативность; разговорный характер и экспрессивность речи; метафоричность (чаще реализуемая в тексте в форме снов героини, эффективного средства раскрытия психологического состояния персонажа); детальное описание предметного мира, что говорит об освоении научной картины мира под влиянием значимого взрослого (матери-ученого). Рассмотрим примеры текстового воплощения указанных маркеров речевого портрета героини-подростка и приемы их адаптации в переводе на русский язык.

Лингвокреативность речи

Обозначенный речевой маркер проявляется в активном словотворчестве героини Джулии, что подразумевает создание новых слов с помощью продуктивных способов словообразования английского языка. В переводном тексте данный маркер воспроизводится за счет богатого разнообразия экспрессивных словообразовательных средств русского языка. С их помощью переводчик добавляет эмоциональную глубину, благодаря чему реконструируемый образ подростка воспринимается более реалистично, не теряя при этом своей уникальности:

*“There was **a clatter** and Dad did **a swear**, immediately followed by, ‘Sorry! 50 p!’ which is meant to mean he puts 50 p in a **swear jar** that I get to keep, but my parents stopped actually*

putting money in the jar when I made £32.50 last summer, and Mum said I was profiteering" (J. & S., p. 26) / «Тут рядом оглушительно **затрещало**, папа **прорычал** что-то нехорошее, и сразу: «Извиняюсь! Пятьдесят пенсов», это означало, что за бранное слово он как бы кладет пятьдесят пенсов в их с мамой **бранную банку**, в просторечии **бранебанку**. А я как бы **банкир** этой банки. Но на самом деле они перестали класть туда деньги еще в прошлом году, когда я заработала за лето тридцать два фунта пятьдесят пенсов и мама сказала, что я наживаюсь на собственных родителях» (Д. и А., с. 45).

Креативность речи героини проявляется в использовании выдуманного слова *swear jar*, что в совокупности со сложным синтаксисом высказывания и единицей уничижительной семантики (*profiteer*) создает эффект ироничности. В переводе применен прием внешнего членения, что обеспечило более естественную синтаксическую структуру текста, генерируемого русскоговорящим подростком. Наряду с калькированием авторского неологизма (*бранная банка*) переводчик вводит выдуманное слово – *бранебанка*, имеющее разговорно-юмористический характер. Это помогает создать яркий и живой образ героини, понять особенности отношений внутри семьи. Добавление в переводе лингвистической игры слов *банка – банкир* способствует эмфатизации речи героини, поддерживает ее ироничный тон. Повышение степени экспрессивности текста перевода обусловлено и трансформацией вербализации с использованием глаголов экспрессивной семантики (*затрещало*, *прорычал*).

Умение Джулии реагировать с иронией на некоторые нелепые ситуации наблюдается и в следующем фрагменте, в котором при помощи продуктивной словообразовательной модели английского языка она метафорически описывает внешний вид матери, надевшей желтые свитер, штаны и дождевик, из-за чего она стала похожа на банан:

*"But I was a little less excited about meeting our new neighbours accompanied by a **human-sized fruit**"* (J. & S., p. 28) / «А вот меня почему-то не радовало, что я еду знакомиться с нашими новыми соседями в компании **человекобанана**» (Д. и А., с. 48).

В переводе языковая игра адаптирована под русскоязычного получателя. Использование экспрессивного словообразовательного средства, контаминации, в данном контексте придает ситуации юмористическую нотку. Кроме того, в данном фрагменте наблюдается зависимость подростка от мнения окружающих. Джулию волнует нелепый внешний вид матери: это может сформировать о ней нелестное мнение окружающих. В переводе эмоциональность передается также за счет преобразования структуры предложения и введения усилительной частицы *вот* и наречия *почему-то*.

Лингвокреативность персонажа наблюдается в переводе даже в тех фрагментах, в которых она не представлена в оригинале, что может свидетельствовать о стремлении переводчика четче прорисовать портрет подростка, вовлекая читателя в языковую игру:

"I could tell Dad was trying to put on a brave face for me, but I could also tell that he was worried. I was a little, too. Actually, I was a lot" (J. & S., p. 101) / «Папа, конечно, изо всех сил старался показать мне, что всё в порядке, но на самом деле тревожился, я это видела. И я тоже **немножко** тревожилась. Или **множко**» (Д. и А., с. 158).

Эмоциональное напряжение героев передается в оригинале за счет параллелизма и идиоматичности. В переводе мы наблюдаем компенсацию эмотивности оригинала за счет средств экспрессивного словообразования (опущения приставки *не* в слове *немножко*). Подобные просторечия не только добавляют эмоциональную окраску, но и создают более реалистичный образ подростка, который максимально откровенен с читателем.

Когда психическое состояние мамы Джулии сильно ухудшилось, Джулия начала винить в этом себя, ведь она перестала верить в нее и в то, что она найдет гренландскую акулу:

*“I’d become **like Dad**, looking at the numbers”* (J. & S., p. 112) / «Я стала как папа, я думаю **по-папски** – числами» (Д. и А., с. 176).

В оригинале автор использует нейтральное сравнение *like Dad*. Переводчик сохраняет семантику сравнения, но усиливает эффект с помощью экспрессивного словообразования префиксально-суффиксальным способом. Разговорно-просторечная форма *по-папски* в данном контексте добавляет эмоциональный оттенок и позволяет подчеркнуть изменение в мышлении и поведении подростка. Героиня переживает внутренний конфликт, обусловленный сложными взаимоотношениями со значимым взрослым. Экспрессивное словообразование помогает передать сложные эмоции и внутреннюю борьбу девочки, делая образ более глубоким и эмоционально насыщенным.

Разговорный характер и экспрессивность речи

Подростковый сленг представляет собой уникальное языковое явление. Он характеризуется не только специфическим употреблением слов и выражений, отличных от общепринятого языка, но также яркими эмоциональными оттенками и особым стилистическим оформлением. Он представляет значительный интерес для лингвистических исследований и является важной составляющей молодежной культуры.

Следует обратить внимание на то, что как в оригинале, так и в тексте перевода авторы чаще всего обращаются к использованию сленга в ситуациях, когда Джулия находится в обществе ровесников. Вероятнее всего, делается это для того, чтобы передать некую неуверенность девочки, ее желание казаться «своей среди чужих». Использование молодежной лексики придает девочке смелости и решительности:

*“To be fair it must be disappointing”. I felt powerful, staring at him on the cliff in the dark, his face very pale, his eyelid fluttering. I **pulled the thread** further out. To have such a **loser** for a son”* (J. & S., p. 124) / «– Но, честно, ее можно понять... – Теперь я чувствовала себя сильной, в темноте у подножия утеса его лицо казалось страшно бледным, одно веко дергалось. Так, и **еще раз за ту же ниточку**: – Ей же достался не сын, а **лузер несчастный**» (Д. и А., с. 192).

Джулия задевает больную для обидчика тему – тему того, что мать его бросила. Девочка использует достаточно оскорбительное выражение *to have such a loser for a son*, подчеркивая свое презрение к собеседнику. Речевая агрессия проявляется как ответ на необходимость постоять за себя и своих близких. Н. Калошина использует заимствованное сленговое слово *лузер*, а также добавляет эпитет *несчастный*, что усиливает оскорбление. Использование идиомы в оригинале *to pull the thread* показывает, что Джулия говорит это все намеренно, прекрасно понимая эффект от сказанного. Н. Калошина сохраняет этот эффект, переводя идиому методом калькирования *еще раз за эту же ниточку*.

В целом, в переводе наблюдается повышение экспрессивности за счет использования большего количества разговорных единиц, чтобы стилизовать речь героини, сделать ее более схожей с молодежной, ярче и живее передать эмоции, испытываемые девочкой, а также транслировать черты ее характера.

На первых страницах романа «Джулия и акула» главная героиня немного рассказывает нам о том, чем закончится данная история и подмечает следующее:

*“Don’t worry though, that doesn’t **spoil** the ending”* (J. & S., p. 2) / «Но не волнуйтесь – даже если это и **спойлер**, он не испортит конец» (Д. и А., с. 7).

Интересно, что при переводе Н. Калошина использует грамматическую трансформацию, заменяя глагол *to spoil* существительным *спойлер*, относящимся к современному сленгу, который широко используется среди молодежи.

Одним из маркеров разговорного стиля в оригинале является сокращенная форма глагола *to be*. В русском переводе данный маркер передан другими средствами:

“They change according to whose mouth they’re coming out of. Sometimes they change so much in mine they become something else entirely, but Dad says these are called lies” (J. & S., p. 5) / «И слова все время меняются – смотря из чьего рта вылетели. Если из моего, то иногда они так меняются, что превращаются в что-то совсем другое, и папа тогда говорит: **ну это уже вранье**» (Д. и А., с. 11).

Для стилизации речи подростка переводчик умело задействует лексический и синтаксический уровни. Чередование различных типов предложений и введение элементов разговорного стиля (*ну, вранье*) способствует естественности и легкости восприятия текста, а также достоверной реализации речевого портрета подростка в переводе.

Потенциал синтаксиса и пунктуации русского языка позволяют емко расставить в переводе нужные акценты и эксплицировать логику героини:

“Two things. Right and wrong. True and false. Where’s the space in that?” (J. & S., p. 5) / «С двумя, из двух. **Правильно – неправильно. Правда – неправда. Ну и куда тут втиснуть секретную комнату?**» (Д. и А., с. 11).

Экспрессивная конкретизация (*space – секретная комната, Where’s – втиснуть*) способствует эмфатизации речи подростка в тексте перевода. Кроме того, переводчик, вероятно, задействует потенциал аллюзии на произведения из серии книг про Гарри Поттера Дж. Роулинг, что в силу их популярности на российском рынке можно рассматривать как дополнительный маркер лингвокреативности персонажа в русском переводе. Необходимо отметить, что эмфатизация речи за счет лингвистической игры является одним из ключевых элементов переводческого метода Натальи Калошиной при работе над данным произведением, что может свидетельствовать о намеренном включении названных элементов с целью создания достоверного образа подростка, соответствующего ожиданиям в принимающей лингвокультурной среде.

Метафоричность внутренней речи

Переживания героини по поводу состояния матери находят отражение в ее внутренних монологах, наполненных тревожными метафорическими ассоциациями. В связи с биполярным расстройством матери забота, любовь и ответственность воплощаются для героини больше в образе отца. Отсюда аллюзия на историю Красной Шапочки, поведение матери которой, скорее, воплощает «архетип безответственного родителя» [16]. Метафорическое представление мира матери, где слова имеют огромное значение, через образ леса, в котором заблудилась Красная Шапочка, говорит о смятении героини: *“I’m getting tangled. ...each word has so many branches, so many roots, if you’re not sure of the route you can get lost like Little Red Riding Hood in the wood”* (J. & S., p. 6–7). В контексте описания непроходимого леса происходит двойная актуализация причастия *tangled*, что также находит отражение в переводе: «Я в них запутываюсь. ...от каждого слова будто тянутся ветви, корни, они такие длинные и их так много, что, если не знаешь точно, куда тебе нужно, можно в них заблудиться, как Красная Шапочка в лесу» (Д. и А., с. 14). В переводе данного фрагмента осуществлена экспрессивно-прагматическая конкретизация для более детального описания

образа средствами русского языка (вводится сравнительный элемент *будто*, у корней и ветвей появляется дополнительная характеристика *длинные*).

Интерес для анализа представляют введенные в повествование сны, которые представляют собой внутренний монолог героини и описывают ее переживания. Тревожные онирические формы в романе глубоко символичны и метафоричны, передают психоэмоциональное состояние героини:

“The bed was a boat, and the sheets turned to foam under my fingers. The whole room was rocking, and above me the roof was gone, replaced with lightning lashing the low, thick clouds, long tongues of fire furling and unfurling, tracing veins of burning silver – but silent. It raged and raged without a sound” (J. & S., p. 10) / «Кровать была лодкой, простыни под моими пальцами становились пеной. Комната раскачивалась и кренилась, потолок исчез, теперь наверху полыхали молнии, **огненные языки выстреливали нитями горящего серебра**, пронзая низкие тучи, – в полной тишине. Все кругом **бурлило и клокотало** без единого звука» (Д. и А., с. 14).

Шторм в одном из снов героини описывается при помощи использования аллитерированных глаголов *rock* и *rage*. В переводе отсутствие аллитерации компенсируется введением синонимов, способствующих более детальному и достоверному описанию ситуации (*раскачивалась и кренилась*; *бурлило и клокотало*). Тревожное состояние усиливается благодаря использованию в переводе военной метафоры – *огненные языки выстреливали нитями горящего серебра* – в качестве соответствия для более нейтральных *furl* и *trace*, передающих конкретные действия. Замена части причастий на глаголы также добавляет динамичности картине.

Наличие причастных оборотов является одной из характерных черт описания снов героини, в которых данные конструкции выступают тревожным фоном. В тексте перевода тревожность реализуется при помощи использования глаголов с соответствующей семантикой. Таким образом, замена позволяет переводчику сделать повествование более динамичным и достоверным для русскоязычного получателя. Кроме того, в целом можно говорить об усилении метафоричности при описании снов в переводе: *“Their feathers became rubbery and scarred, their beaks became barnacles”* (J. & S., p. 76) / «Их перья **резинились**, рубцевались, **клювы сворачивались створками ракушек**» (Д. и А., с. 120); *“The walls were moving. They bulged, and pulsed...”* (J. & S., p. 87) – «Стены **дрожали, пучились, колыхались...**» (Д. и А., с. 130).

Детальное описание предметного мира

Данный речевой маркер, реализуемый в тексте за счет использования терминологических единиц и географических названий, говорит об освоении героиней научной картины мира под влиянием значимого взрослого (матери-ученого). В переводе маркер более ярко выражен за счет использования приема конкретизации: *bad chemicals* (J. & S., p. 5) – *вредные вещества* (Д. и А., с. 12), *some kind of plastic* (J. & S., p. 5) – *пластиковый мусор* (Д. и А., с. 12), *turtles with plastic up their noses* (J. & S., p. 5) – *морская черепаха, и у нее в носу застряла пластиковая трубка от сока* (Д. и А., с. 12), *so much higher up the world* (J. & S., p. 25) – *гораздо ближе к Северному полюсу* (Д. и А., с. 43), *the Pacific Ocean is wider than the Moon* (J. & S., p. 42) – *у Тихого океана площадь поверхности больше, чем у Луны* (Д. и А., с. 69).

Дневник или иные записи персонажа позволяют погрузиться в его мысли, эмоции и переживания, помогают понять его внутренний мир и мотивацию. Джулия ведет записную книжку, в которую, подражая маме, вносит факты лишь о море. Однако в финале романа

девочка все же решается записывать в книжку и другие факты. Она принимает мамину болезнь, проходит этап осознания и принятия травматического опыта. Становление личности подростка отражает фраза *I took hold of the notebook and opened it to a clean page* (J. & S., с. 188), в которой описываются действия, имеющие символическое значение. Перевод *Я открыла чистую страницу* (Д. и А., с. 276) является отсылкой к фразе «с чистого листа». Таким образом, адекватно передается готовность героини к поиску самостоятельного пути в жизни без постоянной оглядки на мнение значимого взрослого.

Заключение

В силу важности подростковой литературы и поднимаемых в ней проблем для становления личности подростка, его социализации, а также по причине роста популярности иностранной литературы указанного жанра актуальным является выработка стратегий и тактик адекватного воспроизведения в переводном тексте речевого портрета персонажа-подростка как способа репрезентации его языковой личности, что требует учета не только чисто лингвистических аспектов, но и психологической, когнитивной, поведенческой и эмоциональной составляющих коммуникативного поведения подростков.

Для достоверной репрезентации образа подростка необходима детальная проработка его речевого портрета. Чрезмерная стереотипизация в таком случае может привести к неприятию произведения его непосредственной целевой аудиторией. Подростки склонны к категоричности суждений, оспариванию авторитета старших. Чтобы завоевать доверие таких читателей, автор должен не только поднимать интересующие их темы, но и говорить на понятном для них языке. Те же требования предъявляются и к переводу. Только в данном случае переводчику приходится также учитывать возрастную разницу целевой аудитории оригинала и перевода. Стилизация речи подростка 12 лет и старше требует ориентации на психолингвистические особенности этой возрастной группы. Поэтому в процессе перевода происходит дополнительное выдвижение ключевых маркеров речевого портрета персонажа (лингвокреативности, разговорного характера и экспрессивности речи, метафоричности, детального описания предметного мира), намеченных автором оригинала на начальном этапе их формирования, как проявление дальнейшего развития и усложнения языковой картины мира подростка.

Таким образом, в ходе исследования нашла подтверждение выдвинутая гипотеза о необходимости учета психолингвистического фактора при определении степени адаптации речевого портрета персонажа-подростка при переводе.

Кроме того, при определении степени адаптации переводчик ориентируется на тот образ современного подростка, который сложился в российской лингвокультурной среде, в том числе под влиянием популярных отечественных произведений для детей. Важно отметить, что нейтрализация эмоциональности и разговорности речи при переводе с английского языка приводит к потере реалистичности изображения в силу наличия в русском языке закона экспрессивно-стилистического согласования.

Рассмотрение обозначенной проблемы открывает множество возможностей для дальнейшего исследования особой картины мира, носителями которой являются подростки, в различных языковых сообществах.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The authors declare no conflicts of interest.

Источники

- Д. и А. – *Харгрейв К.М.* Джулия и акула / Пер. с англ. Н. Калошиной. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2023. 299 с.
- J. & S. – *Hargrave K.M.* Julia and the Shark. London: Orion, 2021. 192 p.

Литература

1. *Щитова Н.Г.* Лексико-семантические особенности речи английских подростков (на материале романа Джулии Дарлинг “The Taxi Driver’s Daughter”) // Вестн. ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 2. С. 120–124.
2. *Кораблева Н.Ю.* Соблюдение особенностей идиолекта литературных персонажей в переводе: грамматический аспект // Вестн. МГЛУ. Гуманит. науки. 2018. № 5 (795). С. 164–174.
3. *Грунина Е.О., Шаклеин В.М.* Текстовая языковая личность ребенка в современном художественном произведении // Cuadernos De Rusística Española. 2021. № 17. С. 149–164. <https://doi.org/10.30827/cre.v17.21950>.
4. *Кривченко И.Б., Савина И.В.* Речевой портрет подростка в художественном произведении эпистолярного жанра (на материале романа Стивена Чбоски “The Perks of Being a Wallflower”) // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2022. № 3. С. 111–124. https://doi.org/10.51955/2312-1327_2022_3_11.
5. *Khan U., Saltmarsh S.* Childhood in literature, media and popular culture // Global Studies of Childhood. 2011. V. 1, No 4. P. 267–270. <https://doi.org/10.2304/gsch.2011.1.4.267>.
6. *Горенинцева В.Н., Губайдуллина А.Н.* Новая модель «значимого взрослого» во внутрисемейных отношениях (по материалам современной российской прозы для детей и подростков) // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2017. № 50. С. 176–187. <https://doi.org/10.17223/19986645/50/11>.
7. *Gengshen H.* Translation as adaptation and selection // Perspectives: Studies in Translatology. 2003. V. 11, No 4. P. 283–291. <https://doi.org/10.1080/0907676X.2003.9961481>.
8. *Бармина Е.А., Скидан О.Г.* Речевой портрет психически нездорового персонажа как проблема перевода // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 8. С. 47–64. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-8-47-64>.
9. *Леорда С.В.* Речевой портрет современного студента: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006. 19 с.
10. *Медведев Д.А.* Психологическая концепция вербального отражения действительности // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2006. № 17. С. 102–113.
11. *Александрова Е.А., Кривошеина Е.С.* Структура формирования картины мира подростков // Сибирский педагогический журнал. 2015. № 6. С. 15–19.
12. *Добря М.Я.* Динамизм и лингвокреативность детской речи // Международный научно-исследовательский журнал. 2013. № 7 (14). С. 13–14. URL: <https://research-journal.org/archive/7-14-2013-july/dynamism-and-linguistic-creativity-of-childrens-speech>, свободный.
13. *Лебеденко Г.А., Шавкун Н.С., Корин С.* Лингвокреативность как определяющая черта лингвистической специфики детской речи (на материале немецкого языка) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2022. № 1. С. 106–116. URL: <https://philjournal.ru/upload/2022-1/106-116.pdf>, свободный. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2022-1-106-116>.
14. *Фельдштейн Д.И.* Мир Детства в современном мире (проблемы и задачи исследования). М.: Изд-во Моск. психолого-социального ун-та; Воронеж: МОДЭК, 2013. 335 с.
15. *Салливан Г.С.* Интерперсональная теория в психиатрии. СПб.: Ювента, 1999. 347 с.
16. *Зелезинская Н.С.* Архетип безответственного родителя в англоязычном подростково-молодежном романе XXI века // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, № 3. С. 95–105. <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2022-3-95-105>.

References

1. Shchitova N.G. Lexical and semantic features of teenager speech in English (a case study of Julia Darling’s novel “The Taxi Driver’s Daughter”). *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i Mezhhkul’turnaya Kommunikatsiya*, 2012, no. 2, pp. 120–124. (In Russian)

2. Korableva N.Yu. Rendering idiolectal features of literary characters in translation: A grammatical aspect. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye Nauki*, 2018, no. 5 (795), pp. 164–174. (In Russian)
3. Grunina E.O., Shacklein V.M. A child's textual linguistic identity in contemporary fiction. *Cuadernos De Rusística Española*, 2021, no. 17, pp. 149–164. <https://doi.org/10.30827/cre.v17.21950>. (In Russian)
4. Krivchenko I.B., Savina I.V. Language portrait of a teenager in epistolary fiction (a case study of Stephen Chbosky's novel "The Perks of Being a Wallflower"). *Crede Experto: Transport, Obshchestvo, Obrazovanie, Yazyk*, 2022, no. 3, pp. 111–124. (In Russian)
5. Khan U., Saltmarsh S. Childhood in literature, media and popular culture. *Global Studies of Childhood*, 2011, vol. 1, no. 4, pp. 267–270. <https://doi.org/10.2304/gsch.2011.1.4.267>.
6. Gorenintseva V.N., Gubaidullina A.N. A new "significant adult" model in family relations (an analysis of contemporary Russian fiction for children and teenagers). *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Filologiya*, 2017, no. 50, pp. 176–187. (In Russian)
7. Gengshen. H. Translation as *adaptation* and *selection*. *Perspectives: Studies in Translatology*, 2003, vol. 11, no. 4, pp. 283–291. <https://doi.org/10.1080/0907676X.2003.9961481>.
8. Barmina E.A., Skidan O.G. Speech portrait of a mentally unhealthy character as a translation problem. *Novyi Dialog*, 2023, vol. 12, no. 8, pp. 47–64. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-8-47-64>. (In Russian)
9. Leorda S.V. Language portrait of a modern student. *Extended Abstract of Cand. Sci. (Philology) Diss.* Saratov, 2006. 19 p. (In Russian)
10. Medvedev D.A. A psychological concept of verbal representation of reality. *Izvestiya RGPU imeni A.I. Gertsena*, 2006, no. 17, pp. 102–113. (In Russian)
11. Aleksandrova E.A., Krivosheina E.S. Structural development of teenagers' worldview. *Sibirskii Pedagogicheskii Zhurnal*, 2015, no. 6, pp. 15–19. (In Russian)
12. Dobrya M.Ya. Dynamism and linguistic creativity of children's speech. *Mezhdunarodnyi Nauchno-Issledovatel'skii Zhurnal*, 2013, no. 7 (14), pp. 13–14. (In Russian)
13. Lebedenko G.A., Shavkun N.S., Korin S. Linguistic creativity as a defining linguistic feature of children's speech (a study based on the German language). *Aktual'nye Problemy Filologii i Pedagogicheskoi Lingvistiki*, 2022, no. 1, pp. 106–116. URL: <https://philjournal.ru/upload/2022-1/106-116.pdf>. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2022-1-106-116>. (In Russian)
14. Feldshtein D.I. *Mir Detstva v sovremennom mire (problemy i zadachi issledovaniya)* [The World of Childhood in the Contemporary World (Research Problems and Prospects)]. Moscow, Izd. Mosk. Psikh.-Sots. Univ.; Voronezh, MODEK, 2013. 35 p. (In Russian)
15. Sullivan H.S. *Interpersonal'naya teoriya v psikiatrii* [The Interpersonal Theory of Psychiatry]. St. Petersburg, Yuventa, 1999. 347 p. (In Russian)
16. Zelezinskaya N.S. Irresponsible parent archetype in the 21st-century English fiction for teenagers and young adults. *Vestnik Permskogo Universiteta. Rossiiskaya i Zarubezhnaya Filologiya*, 2022, vol. 14, no. 3, pp. 95–105. <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2022-3-95-105>. (In Russian)

Информация об авторах

Бармина Евгения Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и практика перевода и зарубежная филология», Севастопольский государственный университет

E-mail: mar.indigo@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8255-401X>

Скидан Ольга Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и практика перевода и зарубежная филология», Севастопольский государственный университет

E-mail: skidan_ua@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3231-1965>

Местанко Наталья Анатольевна, старший преподаватель кафедры «Теория и практика перевода и зарубежная филология», Севастопольский государственный университет

E-mail: nat.mestanko@yandex.ru

Author Information

Evgeniia A. Barmina, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Translation Theory and Practice and Foreign Philology, Sevastopol State University

E-mail: *mar.indigo@mail.ru*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8255-401X>

Olga G. Skidan, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Translation Theory and Practice and Foreign Philology, Sevastopol State University

E-mail: *skidan_ua@mail.ru*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3231-1965>

Natal'ya A. Mestanko, Senior Lecturer, Department of Translation Theory and Practice and Foreign Philology, Sevastopol State University

E-mail: *nat.mestanko@yandex.ru*

Поступила в редакцию 10.09.2024

Received September 10, 2024

Принята к публикации 10.12.2024

Accepted December 10, 2024

Оригинальная статья

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.94-104>**Особенности функционирования иноязычной лексики китайского происхождения в русском языке XIX–XX веков****Н.В. Габдреева ✉, Хэ Юань, Ван Юйцун***Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия*✉ n.gabdreeva@mail.ru**Аннотация**

В истории русской лексикологии широкое освещение получили слова, заимствованные из европейских языков (англицизмы, галлицизмы, германизмы), однако лексика китайского происхождения мало изучена с позиций истории ее формирования и изменений. В настоящей статье в качестве объекта исследования выбраны китаизмы, функционирующие в текстах периода конца XIX – начала XX в. (в повестях советского писателя Б.А. Пильняка и российского путешественника, ученого и общественного деятеля Е.П. Ковалевского). Введение в научный оборот новых источников позволило выявить функциональные особенности указанных слов, их форму и значение, типы вариантов, а также другие характеристики, что весьма важно, поскольку для многих лексем лексикографическая фиксация отсутствует. Пласт китайских заимствований требует дальнейшего выявления и описания, что связано с привлечением нового корпуса текстов и работы с толковыми и этимологическими словарями. Статья вносит вклад в изучение истории взаимоотношений России и Китая.

Ключевые слова: заимствованные слова, китайская лексика, русский язык, особенности

Для цитирования: Габдреева Н.В., Хэ Юань, Ван Юйцун. Особенности функционирования иноязычной лексики китайского происхождения в русском языке XIX–XX веков // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2025. Т. 167, кн. 1. С. 94–104. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.94-104>.

Original article

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.94-104>

Integration of Chinese loanwords into the Russian language during the 19th and 20th centuries

N.V. Gabdreeva[✉], He Yuan, Van Yucong

Kazan Federal University, Kazan, Russia

[✉]n.gabdreeva@mail.ru

Abstract

Loanwords are the terms borrowed from one language to another as a result of cultural contacts and thus carrying valuable information about the multifaceted mutual impacts, both direct and indirect, between different languages. In the history of Russian lexicology, much attention has been paid to words originating from European languages (Anglicisms, Gallicisms, and Germanisms), while the evolution and adaptation of Chinese loanwords have received little interest so far. In this article, the use of Chinese loanwords in the Russian texts of the 19th and early 20th centuries, specifically in the works by B.A. Pilnyak, a distinguished Soviet writer, and Y.P. Kovalevsky, a famous Russian traveler, scholar, and public figure, was analyzed. By introducing new sources into the scholarly discourse, the functional characteristics of these words were examined, as well as their forms and meanings, variant types, and other relevant features. Since many of them are not reflected in the existing lexicographic records, the results obtained are especially important. Many Chinese loanwords coined in the Russian language are still to be identified and described, which requires the incorporation of new text corpora and the work with explanatory and etymological dictionaries. The insights gained unveil the history of contacts between Russia and China.

Keywords: loanwords, Chinese vocabulary, Russian language, features

For citation: Gabdreeva N.V., He Yuan, Van Yucong. Integration of Chinese loanwords into the Russian language during the 19th and 20th centuries. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2025, vol. 167, no. 1, pp. 94–104. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.94-104>. (In Russian)

Введение

При упоминании заимствований китайского происхождения в русском языке общим местом стала отсылка к истории слов *шелк*, *чай*, *тайфун* и *жемчуг*. Однако в действительности таких единиц значительно больше, и за рамками научного описания пока остается целый пласт лексики, которая, во-первых, не является столь распространенной и высокочастотной, как вышеназванные слова, а во-вторых, имеет свои специфические особенности, относится к иноязычной лексике, поскольку статус подобных лексем в русском языке во многом определяется наличием этнокультурного компонента. Изучение заимствованных слов связано с такими вопросами, как общение между этническими группами, культурные обмены и языковые заимствования. Поскольку прототипы и их корреляты в принимающей системе соотносятся со структурными и семантическими особенностями различных языков, им уделяют

внимание разные специалисты: лингвисты, историки, географы, социологи, культурологи. В силу своей лингвистической и культурной двойственности иностранные слова играют заметную роль в лексической системе любого языка [1].

Исследование заимствованных слов в русском языке необходимо, потому что иначе его научное осмысление было бы неполным. В русском языке для обозначения подобных слов используются такие термины, как *иноязычные слова*, *иноязычные заимствования*, *заимствованные слова*, *иностранные слова* и др. В настоящее время наблюдается смешение этих понятий, однако в классической контактологии они различаются, и основным критерием такого разграничения является степень адаптации (ассимиляции) – фонетической, грамматической, семантической и функциональной. Так, например, слово, которое в сознании носителя воспринимается как принадлежащее к лексической системе русского языка, отождествляется с ней и не осознается как чужое, можно отнести к заимствованным; лексические единицы, которые осознаются как чужие, не освоены системой и могут квалифицироваться как иноязычные. Механизмы ассимиляции хорошо описаны в научной литературе, например, процессы, происходящие в семантике слова, с психологической точки зрения рассмотрены у А.А. Леонтьева [2]. В.А. Богородицкий, ведущий представитель Казанской лингвистической школы, полагал, что процесс заимствования является закономерным и естественным результатом межкультурного общения [3]. Он указывал: «Ежели индивидуум заимствует слово из другого языка, то он заимствует его согласно с звуковой системой своего родного говора, но это – в том лишь случае, если у него нет привычки к иностранным языкам, в частности к данному, и, кроме того, если он не стремится сознательно к возможно точному воспроизведению услышанного произношения» [4, с. 55]. Согласно «Словарю-справочнику лингвистических терминов», «заимствование является естественным следствием установления экономических, политических, культурных связей с другими народами, когда вместе с реалиями и понятиями приходят обозначающие их слова» (Роз., с. 147–148). «Лингвистический энциклопедический словарь» объясняет рассматриваемое явление следующим образом: «Заимствование – элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т. п.), перенесенный из одного языка в другой в результате контактов языковых, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой» (ЛЭС, с. 158). По мнению Т.В. Матвеевой, «заимствованная лексика – слова, появившиеся в языке в результате процессов заимствования. Термин применим к любым типам заимствований, в том числе к калькам, а также к заимствованиям любой степени русскоязычного освоения – иноязычным словам, варваризмам, иноязычным вкраплениям» (Матв., с. 108). Заимствование представляет собой обозначение как результата перемещения языковых единиц, так и самого процесса миграции.

Иноязычная лексика проникала в принимающий язык по разным каналам (через разговорную речь иностранцев, переводы иностранных книг и др.), но главным образом через письменные источники, в которых заметное место занимали как раз описания путешествий за границу. В современной русистике неисконная лексика описана весьма неплохо; одним из значимых направлений Казанской лингвистической школы также является изучение заимствований самой разной этимологии (галлицизмов, англицизмов, арабизмов) – назовем имена И.А. Бодуэна де Куртенэ, В.А. Богородицкого, С.К. Булича, современных исследователей Э.А. Балалыкину, Р.А. Юналееву, К.Р. Галиуллина, А.В. Агееву, Н.В. Габдрееву [5]. Однако слова китайского происхождения, как мы отметили выше, пока не получили всестороннего

научного освещения, хотя этот процесс уже начался [6; 7]. Между тем изучение китайской лексики в произведениях художественной литературы, текстах, переведенных с китайского языка, и записках путешественников XIX–XX вв. помогает понять процесс формирования лексической системы русского языка в историческом ракурсе, а также описать способы ввода неологизмов в русский язык. Важным аспектом таких исследований является обращение к причинам, обусловившим сам процесс заимствования, о которых говорил И.А. Бодуэн де Куртенэ. Одной из них является заполнение лакунарности, вызванной несовпадением двух культур, или, иными словами, картин мира, которые находят воплощение в различных формах языка. Лакуны, по мнению современных исследователей, представляют собой результат различного членения действительности представителями разных культур. В структуру лексического значения таких единиц, которые имеют разные определения (безэквивалентная лексика, лакуны, экзотизмы), входит этнокультурный компонент.

Источники исследования

Источниками изучения довольно большого пласта слов китайского происхождения в русском языке были художественные тексты рассматриваемого периода, авторами которых являлись не только известные русские писатели, общественные деятели, но и путешественники.

Как справедливо отмечает Ли Гэнь, «в русской литературе сложилась традиция обращения к китайской культуре» [8, с. 4]. Культура, обычаи, особенности быта – все это становилось предметом описания в русской литературной традиции начиная с XV в. Одно из первых упоминаний Китая встречается в знаменитом «Хождении за три моря» Афанасия Никитина, далее сведения о китайцах встречаются в поэзии XVIII в. у А.Д. Кантемира, А.П. Сумарокова, М.В. Ломоносова, Г.Р. Державина, М.М. Хераскова, А.Н. Радищева. Китай как символ иного мира нашел отражение в творчестве А.С. Пушкина, А.И. Гончарова, Л.Н. Толстого. Интерес известных русских писателей к Китаю и китайской культуре не только способствовал, например, распространению в России китайских философских идей, но и привел к появлению в русском языке слов из китайского языка, обозначавших философские, культурные и бытовые понятия. Как известно, в XIX в. возник специальный термин «китайский текст», который явился отражением интереса к этой стране [9, с. 151–158].

Записки путешественников (в русской культуре произведения подобного жанра называются хождениями) – как в оригинале, так и в переводе, реальные и вымышленные (художественные) – являются интересным материалом для изучения. Путешественниками в широком смысле, как мы уже обозначили, могут быть писатели, общественные деятели, политики, представители самых разных профессий и социальных групп. Для нас важен тот факт, что в процессе познания новой земли и культуры путешественники сталкиваются с необходимостью наименования новых понятий и реалий, которые им необходимо передать на родном языке, что связано с появлением лексических и семантических неологизмов. Одним из первых в советской литературе к теме Китая обратился Борис Пильняк, более известный в литературоведении как создатель образа революционера-большевика, женщины-командира в кожаной куртке. Однако значительное место в его творчестве занимает и китайская тема. Основанием для причисления Б.А. Пильняка к разряду путешественников является тот факт, что в 1926 г. он побывал в Китае и даже снялся там в одном из фильмов. Третий том собрания его сочинений, который мы выбрали для анализа, включает произведения «Корни японского солнца», «Китайская судьба человека», «Китайская повесть», в которых сюжет в классическом понимании отсутствует, однако они изобилуют теми номинациями,

которые представляют для нас интерес в качестве предмета исследования (Пильн.). Строго говоря, упомянутые номинации по своему статусу могут быть отнесены к иноязычным лексемам (о разграничении понятий *заимствованное/иноязычное слово* мы писали выше), поскольку дальнейшая их судьба в русском языке не получила развития: многие из них позже архаизировались либо имеют низкую частотность.

Текст повестей представляет лингвистический интерес, поскольку, во-первых, является прекрасным образцом неповторимого идиостиля Б.А. Пильняка, а во-вторых, содержит интересные формы и слова (не только заимствованные), которые некоторое время существовали в языке начала XX в. Так, например, нами отмечены функционально равнозначные варианты для галлицизма *шезлонг*. Современные словари русского языка приводят в качестве апеллиатива эту установившуюся стабильную форму в значении ‘легкое раздвижное кресло, в котором можно полулежать’ (СРЯ, с. 708). Временем появления слова в русском языке называется советская эпоха: оно встречается в произведениях М.М. Зощенко и А.Б. Мариенгофа. Однако именно текст Б.А. Пильняка позволяет установить не зафиксированные словарями варианты этого неологизма: *шэз-лонг/лонг-шез/шезлонг*, причем они встречаются в рамках одного произведения, что говорит об их функциональной равнозначности. Характер вариативности связан с различным произношением прототипического французского словосочетания [фр. *chaise longue* – букв. ‘длинный стул’]. Незафиксированные словарями формы отмечены не только для заимствованных слов, но и для лексем исконного происхождения: *кинемадейство*, *бессоничать*, *киносьемили*, *балетчица*, *вольнослушал*, *ломоносовствуя*, *библиотекарствуя* и др. Другая особенность рассматриваемых текстов связана с широким использованием автором иноязычных слов самой разной этимологии: например, отмечены английские вкрапления *бой*, *либрари*, *брекфест*, слова из японского языка *хибаги* (‘камелек’), *сьодзи* (‘бумажные стены японского дома’), *курума* (‘рикша’), *оби* (‘японский пояс’), *ойран* (наименование женщины, которое позже встречается у В.В. Овчинникова в «Ветке сакуры»). Указанные особенности позволяют обозначить тенденцию, которая была присуща лексике русского языка рассматриваемого периода: относительно свободное вхождение слов, обозначающих этнокультурные явления и понятия.

Другим источником послужил текст произведения «Путешествие в Китай». В 40–50-х годах XIX в. его автор, Е.П. Ковалевский, совершил поездки в Кашмир, Афганистан, на Балканы, в Египет, Судан, Эфиопию, Монголию и Китай. В результате путешествия в Китай 25 июля (6 августа) 1851 г. в г. Кульдже (Китай) между Россией и Поднебесной был заключен Кульджинский трактат. Договор подразумевал нормализацию русско-китайской торговли на среднеазиатской границе. Со стороны России его подписал Егор Ковалевский, со стороны Китая – И Шаней и Бу Янь-тай. Документ состоял из 17 статей, в которых определялись вопросы, касающиеся порядка торговли, охраны караванов, наказания за грабеж, разрешения конфликтных ситуаций, взаимной выдачи перебежчиков и т. д.

Результаты исследования

Таким образом, в текстах конца XIX – начала XX вв., связанных с описанием китайской культуры, нами исследованы способы передачи наименований лакунарных предметов (реалий, связанные с бытом, историческими событиями, традициями и пр.), а также выявлен сам лексический пласт таких обозначений. Как известно, ученые выделяют несколько способов номинации неизвестного понятия, которыми пользовались, например, переводчики начиная с XVIII в.: это описательный перевод, включение в синонимический ряд, использование гиперонимов, заимствование, пропуск неизвестного слова [10, с. 138–146].

Принимая во внимание обозначенный факт, далее отметим некоторые функциональные особенности слов китайского происхождения в изучаемый период.

1. В проанализированных текстах встречаются слова, которые имеют ярко выраженный этнокультурный компонент, поскольку являются номинациями исторических явлений, предметов быта, одежды, денежных единиц, национальной кухни (*наканы, тунзер, хадаки, цуй-цурь, кан, е-туйтын, юбин, гачи, кие, кули, еза* и др.). Некоторые единицы относятся к окказиональной лексике, в тексте они сопровождаются пояснениями, глоссами или историческим комментарием. Зачастую их жизнь ограничена пределами текста, однако следует сказать, что некоторые из приведенных лексем отмечены в словарях.

Рассмотрим некоторые примеры:

сампан (происходит от кит. шаньбань ‘три доски’) – дощатая плоскодонная лодка, встречающаяся в Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии;

фанза – тип традиционного китайского жилища;

лян – единица веса, а также денежная единица в Юго-Восточной Азии; появилась в Китае не позднее эпохи династии Хань;

сяньшен – учитель, наставник;

маманди представляет собой вкрапление китайского слова; Б.А. Пильняк пишет: «Маманди – значит по-китайски – погоди, не торопись, не спеши»; это слово, как отмечает писатель, пронизывает всю китайскую философию;

тунзер – монета; Б.А. Пильняк пишет, что тунзер меняется на 10 кешей, равен полукопейке;

таэли – денежная единица; по замечанию писателя, по стоимости она равна 77 российским рублям серебра;

даян – серебряная монета Китайской Республики (1912–1949 гг.);

дубань (кит. tu rap ‘все ведающий’) – ‘высшее должностное лицо с военно-административными функциями’, зафиксировано в словаре Д.Н. Ушакова; в тексте встречается производное *дубанат*, прототип которого в китайском языке нами не выявлен;

дудзюн – военный губернатор в Китае;

хан (варианты *хана, хан(ь)жа, ханшин*) – китайская водка, в Китае этот напиток также называют *байцзю* или *шаоцзю*;

маджан – совр. *маджонг* // *мацзян* – игра-головоломка, зародившаяся в Китае;

хадаки – шарф, который является символом уважения в буддизме;

сяолунбао (от *сяолун* ‘маленькая решетка’) – круглая подставка с бортиком, сделанная из лыка, в которой готовятся на пару *бао*, или *баоцзы*;

Гоминьдан – национальная партия, была основана Сунь Ятсеном в августе 1912 г. после Синьхайской революции в Китае;

фэншуй – ветры (*фэн*) и потоки (*шуй*), древнейшее китайское учение о том, как жить в гармонии с миром на основе равновесного обмена энергиями между природой и человеком;

тайцзы (варианты *тай-чи, тайцзитюань*) – оздоровительная гимнастика, которая представляет собой серию плавных, статичных упражнений и сочетает боевые приемы и философское осмысление; считается разновидностью цигуна; первоначально это был вид боевых искусств, который зародился в XVII в.; сегодня этой гимнастикой активно занимаются люди старшего возраста в парках.

Кроме перечисленных заимствований, в повести содержатся названия китайских провинций: *Хенань, Чжэцзян, Цзянсу*; рек: *Хуанхэ, Янцзы, Хуанпу*; имена людей: *Пу И* – десятый император Цинской династии и последний император Китая, *Коу Ин-цзе* – военный

лидер Китайской Республики, *Сунь Ятсен* – китайский революционер-демократ; а также некоторые лексемы, функционировавшие в определенные исторические периоды: *Хунцзянхой* (красные пики) – тайная крестьянская организация в Китае, возникшая из деревенской самообороны (1911–1927), *Цинбан* (синее братство) – самое могущественное криминальное объединение в Шанхае и Юго-Восточном Китае в 20–30-е годы XX в.

2. Некоторые слова, обозначающие понятия китайского быта, заимствованы русским языком через язык-посредник (английский, манчжурский, французский).

Так, слово *септльмент*, зафиксировано в «Большой советской энциклопедии», является, строго говоря, англицизмом, происходит от англ. *settlement* ‘поселение’, функционировало в китайском языке XIX–XX вв. в значении ‘специальные кварталы в некоторых крупных городах, сдаваемые в аренду иностранцам’. На них фактически не распространялась юрисдикция китайского государства. В настоящее время слово является архаизмом.

3. Многие из слов, обозначающих в изучаемых текстах китайские реалии, не зафиксированы современными словарями русского языка:

ломпацо – у Б.А. Пильняка это человек, которого везет рикша;

кули – название низкооплачиваемых неквалифицированных рабочих (носильщиков, грузчиков, чернорабочих, рикши, поденщиков и т. д.) в Китае;

битэши – название должности в старом Китае (тот, кто ставил стол с предложениями для задач во время дворцового испытания, согласно описанию из работы Н. Бичурина «Взгляд на просвещение в Китае»; позднее эта должность исчезла);

хунхуз (букв. ‘краснобородый’) – участник вооруженных банд, действовавших в Северо-Восточном Китае; в текстах встречается производное от этого существительного: «начальник хунгузского, сиречь разбойничьего отряда»; в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова 1973 г. это слово уже отсутствует (со временем хунхузм было искоренено, и с его исчезновением ушло из словарей и само слово, обозначавшее специфическое социальное явление определенного периода).

4. В отличие от иностранных слов из другого языка (германизмов, галлицизмов), китаизмы не имеют ярко выраженных формальных признаков. Однако можно отметить некоторые характерные особенности: бинарность структуры, в которой зачастую используется дефис (*Ней-чен, Нан-чан, Да-жень, У-чан, Лю-хфа, Шан-хай, Сы-куй* и др.), реже трехкомпонентный состав (*Кон-фу-цзы*), буквосочетания *ши, цз* с гласным и некоторые другие.

В отличие от подавляющего большинства европейских языков, которые принадлежат к индоевропейской языковой семье и являются флективными, (например, русский язык обладает развитой системой словоизменения), китайский язык относится к сино-тибетской языковой семье и является аналитическим. При вхождении в русский язык китайская лексика, как и любая другая, подвергается ассимиляции/русификации. Некоторые из заимствуемых слов приобретают грамматические признаки существительных (категории рода, числа и падежа), а сами эти единицы становятся основой для словопроизводства (так, например, возникли прилагательные *даосский, гаоляновый*), а их план выражения адаптируется к фонологическим особенностям русского языка.

5. Тексты художественных произведений, впервые введенные в научный оборот, позволяют дополнить и скорректировать данные словарей: отметить незафиксированные варианты для некоторых иноязычных слов, а также сами лексемы, которые не нашли синхронной фиксации.

Например, слово *тайпин* (крестьянское движение XIX в.) в русском языке существует в двух вариантах: орфографическом и фонетическом. Оно заимствовано путем кириллической транскрипции слова из литературного китайского языка, тогда как вариант *тайпинг* имеет финаль *-нг* и возник путем транслитерации английского слова китайского происхождения *Taiping*.

Тайфун жители Гуандуна называют *tai-fung* (на мандаринском диалекте – *tái fēng*), в русском языке его правописание претерпело изменение, отсюда видно, что прототип транскрибируется по фонетике гуандунского диалекта. В «Толковом словаре иноязычных слов» Л.П. Крысина приводится именно вариант *тайфун* в значении ‘местное название интенсивных тропических циклонов, возникающих в приэкваториальной зоне северо-западной части Тихого океана’ (Кр.; Матв., с. 108). При заимствовании слов из китайского языка используется в первую очередь транскрипция.

Хорошо известное слово *женьшень* первоначально имело форму *жень-чен*, которая фиксируется в рассматриваемых текстах.

С течением времени и развитием китайского общества в русский язык постепенно входит много новых слов, в то же время некоторые китайские заимствования, когда-то использовавшиеся в русском языке, постепенно исчезают. Примером может служить, как уже упоминалось выше, слово *хунхуз*.

Так как Б.А. Пильняк посетил Китай в 20-х годах XX в., китайская лексика в его работах характерна для определенной эпохи, то есть в дальнейшем многие из слов архаизировались. Однако в рассматриваемый период они являлись частью русской словарной системы, и их учет важен для восстановления полной картины количества китайских заимствований, поскольку в русском языке число заимствованных слов из китайского языка не очень велико по сравнению с количеством слов из других языков.

6. Способы ввода новых слов в изучаемых текстах отличаются разнообразием. Так в источниках практически отсутствуют сноски, преимущественными способами экспликации (семантизации) являются: 1) корреляция, 2) включение в синонимический ряд и 3) использование гипо-гиперонимов в качестве пояснения [10, с. 141]. Отличительной особенностью текстов рассматриваемого периода являются семантические кальки.

Приведем некоторые примеры: «*хуан-хоу*, младшие жены и все прислужницы» (Ков., с. 39); «фокусник делает *цин-ань*, поклоны» (Ков., с. 83), «делает легкий *цин-ань*, род книксена» (Ков., с. 86), «*чжуань-ча*, что в буквальном переводе значит кирпичный чай» (Ков., с. 144).

Китайская иноязычная лексика включает в себя самые разнообразные тематические группы, назовем некоторые из них:

одежда: *еза* (род лифчика), *тэй-за* (лента шириною в три пальца), *маоку* (шерстяные кальсоны), *ципао* (распространенное в Китае длинное женское платье);

деньги: *даяны*, *ланы*;

меры длины: *бига*, *сер*, *чох*, *му*, *ли*;

имена собственные: номинации городов и географических объектов (*Нанкин/Нан-цзин/Нан-чан*, *Шанхай*), названия журналов (*Нэн го*);

административные должности: *дудзюн* (региональный военачальник), *цзайсян* (должность премьер-министра или канцлера в монархическом Китае), *ланьчжун* (название должности чиновника в одном из ведомств);

ученые и духовные степени: *дзынь-ши* (высшая степень в системе государственных конфуцианских экзаменов кэцзюй), *ши вэй* (телохранители императора), *сюэ-ши* (должность совмещения для чиновников 5-го ранга и выше);

пища и напитки: *ебин-юбин* (сладкие пироги);

разновидности чая: *пу-эр-ча* (пурча), *лун-цзин*, *лянь-син*, *цяо-ше*, *цзинь-я*, *сяу-ча*, *мау-фын*, *чжуань-ча*;

лекарственные и другие растения: *жен-шин/жень-чен*, *му-сий* (травы, на которых откармливаются жертвенный скот), *ненюфары* (деревья);

дни, предназначенные для чего-либо: *хай* (день в апреле для жертвоприношения), *цин-минь* (день сбора чая, благоприятный по китайскому календарю);

болезни: *е-туйтын* (болезнь ног).

Важнейшая функция заимствований из записок путешественников состоит в том, что они освещают несуществующую в русской картине мира реальность, помогают придать описаниям национальный характер, фиксируют содержание повествования. Иными словами, рассмотренные китайские заимствования в текстах являются способом элиминации лакун, которые отражают то, что есть в одной локальной культуре и отсутствует в другой, и подчеркивают специфику одного языка по отношению к другому.

Выбор записок путешественников в качестве источника исследования дополняет традиционные источники, такие как словари, художественная литература, расширяет границы познания и способствует более глубокому изучению развития и функционирования русской лексической системы.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The authors declare no conflicts of interest.

Источники

- Ков. – *Ковалевский Е.П.* Путешествие в Китай: в 2 ч. СПб.: Тип. Королева и К°, 1853. Ч. 2. 225 с.
- Кр. – *Крысин Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2008. 944 с.
- ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. 682 с.
- Матв. – *Матвеева Т.В.* Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. 562, [1] с.
- Пильн. – *Пильняк Б.А.* Сочинения: в 6 т. М.: Терра, 2003. Т. 3. Китайская повесть. 574 с.
- Роз. – *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Астрель, 2001. 832 с.
- СРЯ – Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 4. 795 с.

Литература

1. *Крысин Л.П.* Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968. 208 с.
2. *Леонтьев А.А.* Слово в речевой деятельности: Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности. М.: URSS, 2006. 248 с.
3. *Самарин Д.А.* В.А. Богородицкий о роли языковых заимствований // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 6(84). Ч. 2. С. 386–389. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-2.42>.

4. Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики (Из университетских чтений) / Вступ. ст. В.К. Журавлева, И.В. Журавлева. М.: Едиториал УРСС, 2011. 576 с.
5. Габдреева Н.В., Агеева А.В., Тимиргалеева А.Р. Иноязычная лексика в русском языке новейшего периода. М.: ФЛИНТА, 2019. 328 с.
6. Цзян Сюехуа. Китаизмы в языке русского зарубежья первой половины XX века: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2019. 370 с.
7. Юйпин Чэнь. Иноязычные заимствования в современном русском языке // Вестн. НГПУ. 2015. № 4. С. 86–93.
8. Ли Гэнь. Культура Китая как предмет изображения в современной русской прозе: автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 2022. 27 с.
9. Краснаярова А.А. «Китайский текст» в русской литературе XX века (на примере произведений Б. Пильняка и Е. Полевого) // Филология в XXI веке. 2020. № 1. С. 151–158.
10. Габдреева Н.В., Маршова Т.В., Калинина Г.С. Феноменология лакунарности в разнотипных языках // Метафизика. 2022. № 3 (45). С. 138–146. <https://doi.org/10.22363/2224-7580-2022-3-138-146>.

References

1. Krysin L.P. *Inoyazychnye slova v sovremennom russkom yazyke* [Loanwords in the Modern Russian Language]. Moscow, Nauka, 1968. 208 p. (In Russian)
2. Leont'ev A.A. *Slovo v rechevoi deyatel'nosti: Nekotorye problemy obshchei teorii rechevoi deyatel'nosti* [The Word in Speech: Some Problems in General Theory of Speech Activity]. Moscow, URSS, 2006. 248 p. (In Russian)
3. Samarin D.A. V.A. Bogoroditskii on the role of loanwords. *Filologicheskie Nauki. Voprosy Teorii i Praktiki*, 2018, no. 6(84), pt. 2, pp. 386–389. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-2.42>. (In Russian)
4. Bogoroditskii V.A. *Obshchii kurs russkoi grammatiki (Iz universitetskikh chtenii)* [A General Course of Russian Grammar (From University Lectures)]. Moscow, Ed. URSS, 2011. 576 p. (In Russian)
5. Gabdreeva N.V., Ageeva A.V., Timirgaleeva A.R. *Inoyazychnaya leksika v russkom yazyke noveishego perioda* [Loanwords in the Modern Russian Language]. Moscow, FLINTA, 2019. 328 p. (In Russian)
6. Jiang Xuehua. Chinese loanwords in the language of Russian emigrants during the first half of the 20th century. *Cand. Sci. (Philology) Diss.* St. Petersburg, 2019. 370 p. (In Russian)
7. Yuping Chen. Loanwords in the modern Russian language. *Vestnik NGPU*, 2015, no. 4, pp. 86–93. (In Russian)
8. Li Gen. Chinese culture as the subject of contemporary Russian literature. *Extended Abstract of Cand. Sci. (Philology) Diss.* Moscow, 2022. 27 p. (In Russian)
9. Krasnoyarova A.A. The “Chinese text” in Russian literature of the 20th century (a case study of B. Pilnyak and E. Polevoy's works). *Filologiya v XXI Veke*, 2020, no. 1, pp. 151–158. (In Russian)
10. Gabdreeva N.V., Marsheva T.V., Kalinina G.S. Phenomenology of lacunarity in different languages. *Metafizika*, 2022, no. 3 (45), pp. 138–146. <https://doi.org/10.22363/2224-7580-2022-3-138-146>. (In Russian)

Информация об авторах

Габдреева Наталия Викторовна, профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: n.gabdreeva@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0816-2672>

Хэ Юань, аспирант кафедры русского языка и методики его преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: heyuan_0614@163.com

Ван Юйцун, аспирант кафедры русского языка и методики его преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: *a1834471058@gmail.com*

Author Information

Natalia V. Gabdreeva, Dr. Sci. (Philology), Full Professor, Head of Department of Russian as a Foreign Language, Kazan Federal University

E-mail: *n.gabdreeva@mail.ru*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0816-2672>

He Yuan, Postgraduate Student, Department of Russian Language and Its Teaching Methods, Kazan Federal University

E-mail: *heyuan_0614@163.com*

Van Yucong, Postgraduate Student, Department of Russian Language and Its Teaching Methods, Kazan Federal University

E-mail: *a1834471058@gmail.com*

Поступила в редакцию 20.01.2025

Принята к публикации 15.03.2025

Received January 20, 2025

Accepted March 15, 2025

Оригинальная статья

УДК 81

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.105-116>**Специфика грамматических ошибок туркменских учащихся при изучении русского языка как иностранного (на материале Русского учебного корпуса)****Е.В. Грудева, С.А. Соловьева** ✉*Череповецкий государственный университет, г. Череповец, 162600, Россия*✉ ssa_doc@mail.ru**Аннотация**

С учетом актуальности выявления и анализа типичных грамматических ошибок в речи иностранцев, изучающих русский язык, необходимо адаптировать учебный материал для более успешного освоения ими грамматики, разрабатывать более эффективные методики преподавания и подходы к преодолению грамматических трудностей. В настоящей статье систематизированы грамматические ошибки в русской речи разных категорий туркменских учащихся, определены возможные причины их возникновения. Основными методами исследования стали корпусный и статистический анализ, а также описательный метод, применяемый при анализе грамматических ошибок. Результаты исследования показали, что разметка грамматических ошибок в Русском учебном корпусе расширяет их типологию. Большая часть выявленных морфологических ошибок обусловлена типологическими различиями русского и туркменского языков, в частности отсутствием в последнем грамматической категории рода и механизма согласования по роду, числу и падежу. Межъязыковая интерференция становится одной из основных причин грамматических ошибок в письменных работах, так как затрудняет процесс формирования грамматического строя речи и приводит к нарушению принципа коммуникативной целесообразности.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, туркменский язык, грамматическая ошибка, грамматическая категория, согласовательная категория, языковая компетенция, коммуникативная компетенция

Для цитирования: Грудева Е.В., Соловьева С.А. Специфика грамматических ошибок туркменских учащихся при изучении русского языка как иностранного (на материале Русского учебного корпуса) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2025. Т. 167, кн. 1. С. 105–116. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.105-116>.

Original article

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.105-116>

Common grammatical errors made by Turkmen learners of Russian as a foreign language (insights from the Russian Learner Corpus)

E.V. Grudeva, S.A. Soloveva ✉

Cherepovets State University, Cherepovets, Russia

✉ ssa_doc@mail.ru

Abstract

The problem of dealing with typical grammatical errors made by foreign learners of Russian has been a continuous pursuit in the field of Russian teaching and learning. Its possible solutions include adapting educational materials to make grammar easier to digest and developing more efficient teaching strategies and methods to overcome barriers to mastering Russian grammar. This article overviews some common grammatical errors in the Russian speech of various categories of Turkmen students, identifies the causes for their occurrence, and suggests ways to prevent them. With this aim, a mixed-methods design, incorporating the corpus and statistical analysis and the descriptive method, was used. The findings revealed that marking grammatical errors in the Russian Learner Corpus expands their typology. Most of the identified morphological errors are due to typological differences between the Russian and Turkmen languages, particularly the absence of grammatical gender, as well as the lack of any mechanism for gender, number, and case agreement. Interlingual interference stands out as the main cause of grammatical errors in writing, as it hinders the acquisition of foreign grammatical structures and leads to violations of the principle of communicative appropriateness.

Keywords: Russian as a foreign language, Turkmen language, grammatical error, grammatical category, agreement category, linguistic competence, communicative competence

For citation: Grudeva E.V., Soloveva S.A. Common grammatical errors made by Turkmen learners of Russian as a foreign language (insights from the Russian Learner Corpus). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2025, vol. 167, no. 1, pp. 105–116. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.105-116>. (In Russian)

Введение

Грамматические ошибки в русской речи иностранных учащихся являются довольно распространенным явлением, оказывающим влияние на эффективность коммуникации на русском языке. Основу коммуникативной компетенции, отражающей уровень усвоения грамматической системы русского языка, составляет языковая компетенция иностранного студента. Правильное использование грамматических конструкций и форм считается важным аспектом языковой компетенции и позволяет учащимся свободно и точно выражать свои мысли. Изучение грамматических ошибок помогает выявить наиболее проблемные области, разработать упражнения и практические задания, направленные на их исправление. По мнению Т.А. Ладыженской, ошибка – нарушение требований правильности речи, норм

литературного языка [1, с. 95]. С.Н. Цейтлин интерпретирует ошибки как «любые отклонения от языковых норм» [2, с. 7]. Это довольно широкое понимание, но оно дает возможность определять и учитывать в работе лингвистическую и психологическую природу ошибки: влияние языковой системы и речи окружающих, сложность механизма порождения речи, недостаточный уровень развития оперативной памяти учащегося [2, с. 109].

В современной лингвистике и методике языкового обучения понятие «грамматическая ошибка» трактуется по-разному. В целом она может быть определена как нарушение норм грамматики в образовании и употреблении форм слов, словосочетаний и предложений [3; 4, с. 45]. Иными словами, грамматическая ошибка может быть рассмотрена как некорректный для условий функционирования выбор члена грамматической парадигмы и, как следствие, неправильный способ построения синтаксической единицы, в структуре которой нарушается механизм синтаксических связей и отношений. Изучению грамматических ошибок и их классификациям посвящено большое количество исследований (см. работы А.Д. Дейкиной [5], В.И. Капинос [3], С.А. Хаврониной, О.А. Крыловой [6], М.Р. Львова [4], М.С. Соловейчик [7], Н.Е. Сулименко [8]). В классификации В.И. Капинос грамматические ошибки разграничиваются с учетом нарушения лексических и стилистических норм [3]. Этот же исследователь относит к грамматическим ошибкам словообразовательные, морфологические и синтаксические, тогда как С.А. Арефьева [9], П.Г. Черемисин [10] – только морфологические и синтаксические ошибки.

Крайне важной при описании и выстраивании типологии становится проблема предупреждения грамматических ошибок, которая регулярно рассматривается в работах ученых-методистов: Н.А. Артеменко [11], Л.А. Ахметзакиевой [12], Б. Байджанова [13], Е.С. Богдановой [14], Т.Н. Весовой [15] Т.М. Балыхиной, О.П. Игнатьевой [16], В.И. Капинос [3], М.Р. Львова [4], С.Н. Цейтлин [2] и др. Особое значение пропедевтическая работа приобретает при обучении РКИ, а ее эффективность связана прежде всего с выявлением наиболее типичных ошибок, специфика которых позволяет установить, что основные проблемы усвоения учащимися категорий русской грамматики объясняются либо интерферирующим влиянием родного языка, либо сложностью языковых явлений, отсутствующих в родном языке [17–20].

Грамматические ошибки рассматриваются в настоящем исследовании как случаи несоблюдения грамматических норм языка (морфологических, синтаксических), не зависящие от формы речи (устной, письменной). Их появление связано с вопросами формирования грамматического строя речи – способности использовать грамматические средства языка в соответствии с языковой нормой и коммуникативной задачей.

Грамматический строй речи подразумевает употребление в речи слов, их форм, словосочетаний, предложений, образованных и построенных по законам языка и языковым моделям [16, с. 11]. Чем выше у говорящего уровень владения языком, тем шире набор грамматических средств. Однако прямой зависимости между частотностью грамматических ошибок в речи и сформированностью уровня грамматического строя нет. Существует целый ряд факторов, влияющих на возникновение ошибок в речи иностранных учащихся: культурно-речевая ситуация; межъязыковая интерференция, предполагающая расхождение с нормой в системе изучаемого языка под влиянием языка родного. Явления межъязыковой интерференции рассматриваются в современных исследованиях в качестве одной из основных причин появления ошибок в русской речи тюркоязычных студентов [14]. В подобном случае ошибка определяется как явление, связанное с отрицательным влиянием родного языка [12; 13].

Цель настоящего исследования – используя материалы корпусов, систематизировать грамматические ошибки в русской речи туркменских учащихся старших классов и студентов (уровень В1–В2), изучающих русский язык как иностранный, и рассмотреть влияние межязыковой интерференции на причины их возникновения.

Материалы и методы

Для анализа грамматических ошибок в письменных текстах туркмен, изучающих русский язык, были использованы материалы Русского учебного корпуса (RLC), содержащего данные о нестандартном русском языке: образцы речи эритажных говорящих и изучающих РКИ. Он создан сотрудниками Лингвистической лаборатории по корпусным технологиям НИУ ВШЭ под руководством доктора филологических наук Е.В. Рахилиной в 2013 г.

Корпус построен на мониторинге ошибок учащихся в процессе овладения иностранным языком и формируется на основе данных об ошибках. Точность и адекватность классификации и идентификации ошибок определяют эффективность его использования. Русский учебный корпус является ценным ресурсом для исследований в области усвоения и преподавания иностранных языков, изучения языковой интерференции и других лингвистических изысканий [18; 21; 22]. Материалы корпуса и его поисковая система дают возможность для применения метода сравнительного анализа текстов эритажных носителей языка и изучающих русский язык как иностранный. Корпус позволяет рассмотреть различные грамматические явления русского языка: предложно-падежные конструкции, отклонения в толковании грамматической семантики и многое другое. В нем представлены тексты, созданные нестандартными говорящими, одним из доминантных языков которых является туркменский.

Применение методов корпусного исследования и сплошной выборки дало возможность собрать и проанализировать грамматические ошибки в речи туркмен, изучающих русский язык, а методы описательного и статистического анализа позволили описать типологию ошибок, частотность и причины их появления. В качестве одной из основных можно считать межязыковую интерференцию, связанную с отрицательным влиянием знания родного туркменского языка на процесс освоения русского языка, связанный с трудностями понимания новых языковых явлений.

Контрастивный анализ [23] грамматических систем русского и туркменского языков [12; 22; 24] позволил определить основные моменты, осложняющие процесс усвоения туркменскими учащимися новых языковых явлений при изучении РКИ.

Результаты и обсуждение

Туркменский язык является языком восточно-огузской ветви тюркской языковой семьи. По морфологической структуре это язык агглютинативного типа, в котором производные слова и грамматические формы (падежа, числа, времени, лица) образуются с помощью аффиксов [12; 25], чаще не подвергающихся фузии: *Men görýäriň pişikleri* – *видеть кошка* – ‘я вижу кошек’. В туркменском языке часто наблюдается двойное маркирование: *Adamyň jaýy* – *человек дом* – ‘дом человека’, зависимостное маркирование с добавлением аффикса *-ky*: *Jaý adamyňky* – *дом человек* – ‘дом человека’. Преобладают синтетические формы выражения грамматических значений.

Основные отличия грамматических систем русского и туркменского языков представлены ниже.

1. Грамматическая категория рода. В русском языке род является классификационной категорией у существительных и согласовательной у прилагательных, числительных, неко-

торых разрядов местоимений, глагольных форм (прошедшее время, сослагательное наклонение, причастие).

В туркменском языке данная категория отсутствует. Различия по биологическому полу выражаются семантически только у некоторых названий животных (*okuz* – ‘бык’, *sygyr* – ‘корова’) и терминов родства (*day* – ‘дядя’, *dayza* – ‘тетя’).

2. Грамматическая категория числа в туркменском языке обладает специфическими лексико-семантическими, экспрессивно-стилистическими нюансами, отличающими ее от категории числа в русском языке. Так как в зависимости от синтаксических условий и речевой ситуации форма единственного числа способна выражать множество (общее, родовое, неопределенное, собирательное), она является наиболее частотной. Форму множественного числа, в отличие от русского языка, имеют все слова с абстрактной или вещественной семантикой.

3. Одушевленность/неодушевленность – категория, грамматикализованная в русском языке, но грамматически не выраженная в туркменском. На вопрос «кто?» отвечают только имена собственные.

4. Система именного словоизменения последовательно представлена в русском языке и отсутствует в туркменском.

5. Больше количество туркменских глаголов движения, в отличие от русских, не разделяются по способам и средствам.

6. Синтаксические связи слов в русском и туркменском языках отличаются тем, что на уровне словосочетания в русском языке существует три вида подчинительной связи: согласование, управление и примыкание, а в туркменском языке – два: управление и примыкание.

7. Порядок слов в русском предложении свободный, в то время как в туркменском языке подлежащее в именительном падеже, выраженное числительным и существительным с зависимыми окончаниями или без них, в простых предложениях всегда находится в начале предложения, а сказуемое – в конце предложения.

Различия грамматических систем языков формируют трудности усвоения новых для учащихся языковых явлений при изучении РКИ.

Обширная база материалов, представленная в Русском учебном корпусе, позволила подтвердить гипотезу о том, что туркменским студентам труднее даются те языковые явления русского языка, которые в их родном языке реализуются иным образом или отсутствуют вообще [26]. Так, наибольшее количество обнаруженных ошибок связано с функционированием категории рода существительных, прилагательных, глаголов (99 %) и категории числа (74 %). В русском языке упомянутые категории у прилагательных и некоторых форм глаголов являются согласовательными, поэтому ошибки, связанные с неправильным употреблением форм числа, падежа, рода имен существительных, провоцируют нарушения и при употреблении прилагательных (58 %) и глагольных форм прошедшего времени (47 %). Ошибочный для условий функционирования выбор члена грамматической парадигмы обуславливает неправильный способ построения синтаксической единицы, в структуре которой нарушается механизм синтаксических связей (координации, управления, согласования, примыкания).

Анализ материалов Русского учебного корпуса помогает выявить основные морфологические ошибки, характерные для туркменских учащихся.

В корпусе предусмотрена следующая разметка морфологических ошибок: случаи словотворчества, когда студент, используя приставки и/или суффиксы, создает несуществующее слово (*Deriv*); использование окончания, которое отсутствует в парадигме данного слова

(Infl); употребление слова в неверной числовой форме (не соответствующей контексту или аномальной для этого слова) (Num); изменение родовой принадлежности слова (Gender); ошибка в чередовании основы (Altern); прочие морфологические ошибки (Morph).

При формировании запроса на поиск морфологических ошибок в корпусе в качестве основного критерия была выбрана частеречная принадлежность слова. В результате было выявлено 158 контекстов в 130 документах. Анализ полученных по запросу в корпусе 50 контекстов, содержащих морфологические ошибки в именах существительных в текстах туркменских учащихся, показал, что 37 ошибок (74 %) связаны с употреблением слова в неверной числовой форме (не соответствующей контексту или аномальной для этого слова). Необходимо оговорить, что в анализируемых примерах часто представлены разные типы ошибок. Примеры из корпуса¹: *Если **будут** возможность* (неверное употребление формы множественного числа) *буду гулять по Красной Площади. Я думаю студенческая **жизни*** (неверное употребление формы Р. п.) – *это особое время, ярких впечатлений, разнообразных встреч.* Часто выбор некорректной формы проявляется на уровне валентностных свойств и контекста: *Чтобы **закрепит*** (вместо *закрепить*) *свое **знание** в области русского языка. Я **хотела** выучить новый язык и в основном мне **интересно было культуры*** (несогласованность в роде и числе) *других стран. В-третьих, я **хотел** узнать больше о России, потому что между нашими странами **существуют десятилетие*** (несогласованность в числе) *дружеских отношений.*

В других контекстах ошибки связаны с употреблением аномальной для слова формы множественного числа: *В-третьих, я хотела узнать о **российских литературах*** (вместо *русской литературе*). ***Обучения*** (*обучение* – неверное употребление формы множественного числа) *за границей дает огромные шансы. И я буду стараться оправдывать их **доверия**.*

Одиннадцать ошибок (22 %) связаны с использованием окончания, которое отсутствует в парадигме данного слова: *А сейчас, когда появилось ядерное оружие, наш мир, наша планета Земля и вовсе находится на **граней*** (вместо *за гранью*) *полного уничтожения. России очень много красивых **месть*** (вместо *мест*) *от Арктики до тайги, **стены*** (вместо *степи*). *Получив знание в России, я обязательно вернусь в свою страну и буду работать во **благу*** (вместо *благо*) *нашей Родины.*

Ошибки, связанные с изменением родовой принадлежности слова, встретились в шести примерах и составили 4 % от проанализированного материала, например: *Есть еще **один*** (вместо *одно*) ***немаловажная свойства*** (вместо *свойство*) *учителя, это умения учителя вести с учениками внеурочные занятия, это всякого рода **утренники** и **открытые уроки**.*

Таким образом, среди морфологических ошибок, выявленных в корпусе в области функционирования имен существительных, у туркменских учащихся (уровень владения русским языком – В1) преобладают ошибки, связанные с неправильным употреблением формы числа, падежной формы, а также с нарушениями в плане родовой принадлежности слова.

При поиске морфологических ошибок в именах прилагательных было получено 57 контекстов в 48 документах. Из 57 контекстов 33 ошибки (58 %) связаны с изменением родовой принадлежности слова. Например: *Переехать в чужую для меня страну будет не так просто, но я **готова*** (вместо *готов*) *к переменам. Мои родители всегда мечтали, о том чтобы я учился в **Вышем учебной заведение*** (вместо *учебном заведении*), *и когда они узнали о том, что я поступил, они были очень горды за меня.*

¹ В контекстах, взятых из Русского учебного корпуса, сохранены авторская орфография и пунктуация. При анализе примеров они не комментируются.

Очевидно, что ошибки в области функционирования имен прилагательных, связанные с выбором неправильной родовой формы, имеют характер не только согласовательный (неверное согласование по роду с именем существительным), но и дейктический (неверное употребление родовой формы краткого прилагательного, номинирующего говорящее лицо).

Обнаружено девять морфологических ошибок в именах прилагательных, связанных с использованием окончания, которое отсутствует в парадигме данного слова. Например: *Помимо этого университет имеет **огромней** (вместо огромный) ботанический сад. Международные университеты имеют доступ к ресурсам, который сделал свою марку образования известна* (вместо известной) *во всем мире, в первую очередь, таких как, удобства, отрасли связи и, конечно, финансирование.*

Среди морфологических ошибок в именах прилагательных в корпусе встретилась ошибка, которая отнесена разработчиками к случаям словотворчества, когда студент, используя приставки и/или суффиксы, создает несуществующее слово: *Очень важно знать базу языка, когда ты едешь в Россию – это поможет **в улице**, супермаркетах, ресторанах и во многих других местах, где люди не говорят по **туркменский*** (вместо по-туркменски / на туркменском языке).

При поиске морфологических ошибок в глаголах был получен 51 контекст с ошибками в 32 документах. Из них 24 ошибки (47 %) связаны с неверным выбором родového значения форм прошедшего времени, например: *Именно поэтому я **воспользовался** (вместо воспользовалась) возможностью посетить Ростов-на-Дону этим летом. Во-первых, **это** всегда был* (вместо было) *в верхней части моего списка желаний.*

Анализ показывает, что так же, как и в именах прилагательных, ошибки в глаголах, связанные с выбором неправильной родовой формы, имеют характер не только согласовательный (неверное согласование по роду с именем существительным), но и дейктический (неверное употребление родовой формы глагола в прошедшем времени или в форме сослагательного наклонения, обозначающей говорящее лицо), причем ошибок второго типа значительно больше (семь из восьми).

47 % ошибок в области использования глаголов связаны с употреблением слова в неверной числовой форме: *Наверно, у меня тоже **будет** (вместо будут) такие хорошие дни. Очень выразительны русские пословицы и поговорки – они **оживляет** (вместо оживляют) речь, **делает** (вместо делают) ее яркой и образной.*

Одна ошибка отнесена разработчиками корпуса к ошибкам, связанным с использованием окончания, которое отсутствует в парадигме данного слова, хотя в данном случае можно вести речь об орфографической ошибке (например, *можем *реши*т вместо *можем решить*): *На сегодняшний день, как мы видим, глобальных проблем для современного человека достаточно, но, еще не поздно и **мы можем реши**т эти проблемы.*

Анализ ошибок показал, что наибольшее их количество (74 %) в именах существительных связано с употреблением слова в неверной числовой форме (не соответствующей контексту или аномальной для данного слова). В глагольных формах количество аналогичных ошибок составило 47 %.

В области использования имен прилагательных преобладающими оказались ошибки, связанные с неверным выбором грамматической формы рода (58 %). А в глагольных формах количество подобных ошибок, связанных с неверным выбором грамматического рода (в форме прошедшего времени или сослагательного наклонения), соотносящегося с говорящим, составило 47 %. При этом ошибки, связанные с выбором неправильной родовой формы или формы числа, имеют и согласовательный, и дейктический характер.

На третьем месте по частоте встречаемости (22 %) – ошибки, связанные с использованием окончания, которое отсутствует в парадигме данного слова.

Результаты требуют особых комментариев по поводу доминирующих ошибок, связанных с грамматическими категориями рода и числа.

Анализ полученных в корпусе контекстов, содержащих морфологические ошибки в текстах туркменских учащихся (уровень владения русским языком В1–В2), показал, что больше всего ошибок связано с функционированием категории рода существительных, прилагательных, глаголов (99 %) и категории числа (74 %).

Для большинства именных частей речи (кроме существительных и местоимений 3-го лица ед. ч. И. п.) и глаголов прошедшего времени категория рода в русском языке является согласовательной и словоизменительной, а категория числа имеет эти характеристики применительно ко всем именам (кроме личных местоимений и количественных числительных) и глаголу. С существительным и местоимением 3-го лица ед. ч. должны согласовываться или координироваться в роде другие части речи. Важность категорий рода и числа в процессе овладения русским языком и необходимость их усвоения иностранцами очевидны. Неправильный выбор члена грамматической парадигмы рода или числа провоцирует ошибки на уровне построения синтаксической единицы, в структуре которой нарушается механизм синтаксических связей и отношений.

Заключение

Анализ материалов корпуса показывает, что наиболее типичными проявлениями указанных нарушений являются следующие:

1) ошибки в координации, например: *Я думаю студенческая **жизни** – это особое время, ярких впечатлений, разнообразных встреч. Я очень надеюсь, что студенческие **года** будет самыми лучшими **временами** проведенными мной в России;*

2) ошибки в управлении и согласовании, например: *Пуст (пусть) все мои друзья **стали студентом** (станут студентами). Построены новые **общежитие** для студентов **проводится** различные конкурсы, которые **мотивирует студентов активную жизнь** университета;*

3) ошибки, связанные с нарушением синтаксической связи примыкания, например: *Очень важно знать базу языка, когда ты едешь в Россию – это поможет в улице, супер-маркетах, ресторанах и во многих других местах, где люди **не говорят по туркменский**;*

4) ошибки, связанные с неправильным употреблением возвратных глаголов, например: ***Я закончилась** (вместо закончила) в 2016 г. средние **школы** (среднюю школу). Потому что здесь в **Россий** (вместо в России) мои родственники тоже раньше **учили** (вместо учились);*

5) нарушение родовой соотнесенности глаголов-сказуемых в частях предложений, например: *Я **решила** приехать в Россию, потому что **хотел** (вместо хотела) попрактиковать свой русский. И я бы **хотел** (вместо хотела) довести мой русский до совершенства, и уверена, что у меня хватит упорства это сделать. Если честно я очень рада что **выбрал** (вместо выбрала) именно эту страну;*

6) нарушение видовременной соотнесенности глаголов-сказуемых в частях предложений, например: *Просматривая этот рейтинг меня **интересовала** (вместо интересовали) только **вузы** России и, я сразу ввел в поиск словосочетание “TopUniversities in Russia” и дальше выбирал только из российских вузов;*

7) нарушения в структуре ряда однородных членов предложения, например: *Безусловно учеба дается сложно, порой ничего не получается и хочется бросить все, рядом нет ни*

родных, ни **близкий**, которые могли бы меня поддержать, но я это мой выбор и от него зависит мое будущее. России очень много красивых **мест** от Арктики до тайги, **степы**;

8) нарушения в структуре сложноподчиненного предложения, связанные с некорректным употреблением глагольных форм, например: *Когда я была дома смотрела телевизор и **научила** (вместо узнала о русских традициях) много чего из русской **традиции**. В школе мы **учились** (вместо изучали), **что в Рязане** (вместо Рязани) есть дом музей С. Есенина.*

9) нанизывание предложений, по смыслу не требующих или даже не позволяющих объединения их в одну конструкцию, например: *Безусловно учеба дается сложно, порой ничего не получается и хочется бросить все, рядом нет ни родных, ни **близкий**, которые могли бы меня поддержать, но я это мой выбор и от него зависит мое будущее.*

Таким образом, материалы Русского учебного корпуса и разметка грамматических ошибок позволяют расширить типологию грамматических ошибок, встречающихся в письменной речи туркмен, изучающих русский язык как иностранный.

Анализ грамматических ошибок в области функционирования имен существительных, имен прилагательных и глаголов позволяет выявить частотность появления некорректных употреблений форм рода и числа. Так, большая часть выявленных морфологических ошибок в письменных текстах туркменских учащихся, владеющих русским языком как иностранным на уровне В1–В2, обусловлена типологическими различиями русского и туркменского языков, в частности отсутствием в туркменском языке грамматической категории рода и механизма согласования по роду, числу и падежу. Это определяет сложности усвоения упомянутых категорий иностранцами и обуславливает необходимость организованной работы при формировании языковой компетенции.

Межъязыковая интерференция становится одной из основных причин возникновения грамматических ошибок в письменных работах, так как затрудняет процесс формирования грамматического строя речи и приводит к нарушению принципа коммуникативной целесообразности.

Собранный материал может быть использован для разработки специализированных методик обучения РКИ при формировании у учащихся грамматических навыков на основе интегративного подхода при сочетании принципов комплексности и аспектности. На материале изученных корпусных данных возможно разработать систему упражнений, направленную на предупреждение и преодоление грамматических ошибок в письменной речи туркменских учащихся.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The authors declare no conflicts of interest.

Источники

RLC – Русский учебный корпус [Электронный ресурс]. URL: <http://www.web-corpora.net/RLC/search/>, свободный.

Литература

1. Ладыженская Т.А., Зельманова М.Н. Практическая методика русского языка: 5 кл. М.: Просвещение, 1995. 286 с.
2. Цейтлин С.Н. Речевые ошибки и их предупреждение. М.: Просвещение, 1982. 128 с.
3. Капинос В.И. О критериях оценки речи и об ошибках, грамматических и речевых // Оценка знаний, умений и навыков учащихся по русскому языку. М.: Просвещение, 1978. С. 78–88.

4. Львов М.Р. Методика развития речи младших школьников. Тула, М.: Родничок, АСТ, Астрель, 2003. 238 с.
5. Дейкина А.Д., Малявина Т.П. Школьное сочинение как основа коррекционной работы по орфографии и пунктуации // Рус. яз. в shk. 2011. № 8. С. 36–40.
6. Хавронина С.А., Крылова О.А. Обучение иностранцев порядку слов в русском языке. М.: Рус. яз., 1989. 99,[2] с.
7. Соловейчик М.С. Работа по культуре речи на уроках русского языка // Начальная школа. 1986. № 9. С. 30–34.
8. Сулименко Н.Е. Стилистические ошибки и пути их устранения. М., Л.: Просвещение, 1966. 134 с.
9. Арефьева С.А. Виды синтаксических ошибок в учебных изложениях и сочинениях // Рус. яз. в shk. 1998. № 3. С. 8–12.
10. Черемисин П.Г. К вопросу о классификации речевых ошибок в сочинениях учащихся средней школы // Рус. яз. в shk. 1973. № 2. С. 34–40.
11. Артеменко Н.А. Теория и методика обучения русскому языку. Томск: Изд-во ТГПУ, 2009. 284 с.
12. Ахметзакеева Л.А. Совершенствование русской речи студентов-татар при изучении сложноподчиненных предложений: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1982, 17 с.
13. Байджанов Б. Туркменский язык. Ашхабад: Туркмен. изд-во, 2008. 164 с.
14. Богданова Е.С. Работа над грамматическими ошибками на уроках русского языка в старшей школе // Рус. яз. в shk. 2019. Т. 80, № 2. С. 26–30. <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2019-80-2-26-30>.
15. Весова Т.Н. Речевые и грамматические ошибки в итоговых сочинениях современных абитуриентов технического вуза // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 4 (46). С. 27–29. URL: <https://research-journal.org/archive/4-46-2016-april/rechevye-i-grammaticheskie-oshibki-v-itogovykh-sochineniyakh-sovremennykh-abiturientov-texnicheskogo-vuza>, свободный. <https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.46.233>.
16. Воишелева Т.М. Формирование коммуникативных умений и навыков учащихся 5–9 классов на уроках русского языка: дис. ... д-ра пед. наук. М., 2000. 339 с.
17. Балыхина Т.М., Игнатьева О.П. Лингводидактическая теория ошибки и пути преодоления ошибок в речи иностранных учащихся. М.: Изд-во РУДН, 2006. 195 с.
18. Выренкова А.С., Полинская М.С., Рахилина Е.В. Грамматика ошибок и грамматика конструкций: «эритажный» («унаследованный») русский язык // Вопр. языкознания. 2014. № 3. С. 3–19.
19. Гасконь Е.А. Некоторые ошибки китайских студентов, связанные с влиянием ранее освоенных языков на изучение нового (русского как иностранного) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10-3 (64). С. 80–84.
20. Московкин Л.В. Оптимизация обучения иностранных студентов-нефилологов грамматическому аспекту русского языка: дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 1999. 390 с.
21. Грамматика туркменского языка / Под ред. Н.А. Баскакова. Ашхабад: Ылым, 1970. Ч. 1. Фонетика и морфология. 503 с.
22. Костомаров В.Г., Митрофанова О.Д. Методическое руководство для преподавателей русского языка иностранцам. М.: Рус. яз., 1984. 159 с.
23. Шмельёва Т.В. Международная конференция «Национальный корпус русского языка и проблемы гуманитарного образования» // Мир русского слова. 2007. № 1–2. С. 39.
24. Рахилина Е.В. О новых инструментах описания русской грамматики: корпус ошибок // Рус. яз. за рубежом (Симпозиум «Русская грамматика 4.0»: Лингвистика). 2016. № 3. С. 20–25.
25. Грудева Е.В., Бучилова И.А., Волкова Н.А. Корпусы ошибок: целевая аудитория, возможная архитектура корпуса // Вестн. Череповец. гос. ун-та. Филологич. науки. 2018. № 5. С. 63–72. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2018-5-86-7>.
26. Lado R. Linguistics Across Cultures: Applied Linguistics for Language Teachers. Ann Arbor, MI: Univ. of Michigan Press, 1957. ix, 141 p.

References

1. Ladyzhenskaya T.A., Zel'manova M.N. *Prakticheskaya metodika russkogo yazyka: 5 kl.* [Practical Methodology of the Russian Language: Grade 5]. Moscow, Prosveshchenie, 1995. 286 p. (In Russian)
2. Zeitlin S.N. *Rechevye oshibki i ikh preduprezhdenie* [Speech Errors and Their Prevention]. Moscow, Prosveshchenie, 1982. 128 p. (In Russian)
3. Kapinos V.I. On the criteria for assessing speech and on grammatical and speech errors. In: *Otsenka znaniy, umeniy i navykov uchashchikhsya po russkomu yazyku* [Evaluating Students' Knowledge, Skills, and Competencies in the Russian Language]. Moscow, Prosveshchenie, 1978, pp. 78–88. (In Russian)
4. L'vov M.R. *Metodika razvitiya rechi mladshikh shkol'nikov* [Strategies for Developing Language Skills in Young Schoolchildren]. Tula, Moscow, Rodnichok, AST, Astrel', 2003. 238 p. (In Russian)
5. Deikina A.D., Malyavina T.P. School essay as a basis for correcting spelling and punctuation. *Russkii Yazyk v Shkole*, 2011, no. 8, pp. 36–40. (In Russian)
6. Khavronina S.A., Krylova O.A. *Obuchenie inostrantsev poryadku slov v russkom yazyke* [Teaching Russian Word Order to Foreign Learners]. Moscow, Russ. Yazyk, 1989. 99, 2 p. (In Russian)
7. Soloveichik M.S. Learning the standards of speech during Russian language lessons. *Nachal'naya Shkola*, 1986, no. 9, pp. 30–34. (In Russian)
8. Sulimenko N.E. *Stilisticheskie oshibki i puti ikh ustraneniya* [Stylistic Errors and Ways to Correct Them]. Moscow, Leningrad, Prosveshchenie, 1966. 134 p. (In Russian)
9. Aref'eva S.A. Types of syntactic errors made by students in essay and summarized retelling. *Russkii Yazyk v Shkole*, 1998, no. 3, pp. 8–12. (In Russian)
10. Cheremisin P.G. On the classification of speech errors in the essays of middle school students. *Russkii Yazyk v Shkole*, 1973, no. 2, pp. 34–40. (In Russian)
11. Artemenko N.A. *Teoriya i metodika obucheniya russkomu yazyku* [Theory and Methods of Teaching the Russian Language]. Tomsk, Izd. TGPU, 2009. 284 p. (In Russian)
12. Akhmetzakieva L.A. Improving Russian speaking skills among Tatar students mastering complex sentences. *Extended Abstract of Cand. Sci. (Pedagogy) Diss.* Moscow, 1982. 17 p. (In Russian)
13. Baidzhanov B. *Turkmenskii yazyk* [Turkmen Language]. Ashgabat, Turkm. Izd., 2008. 164 p. (In Russian)
14. Bogdanova E.S. Correcting grammatical errors during Russian language lessons in middle school. *Russkii Yazyk v Shkole*, 2019, vol. 80, no. 2, pp. 26–30. <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2019-80-2-26-30>. (In Russian)
15. Vesova T.N. Speech and grammatical errors in final essays of today's technical university applicants. *Mezhdunarodnyi Nauchno-Issledovatel'skii Zhurnal*, 2016, no. 4 (46), pp. 27–29. URL: <https://research-journal.org/archive/4-46-2016-april/rechevye-i-grammaticheskie-oshibki-v-itogovykh-sochineniyakh-sovremennykh-abiturientov-texnicheskogo-vuza>. <https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.46.233>. (In Russian)
16. Voiteleva T.M. Developing communicative skills and competences during Russian language lessons in grades 5–9. *Dr. Sci. (Pedagogy) Diss.* Moscow, 2000. 339 p. (In Russian)
17. Balykhina T.M., Ignat'eva O.P. *Lingvodidakticheskaya teoriya oshibki i puti preodoleniya oshibok v rechi inostrannykh uchashchikhsya* [Linguodidactic Theory of Errors and Strategies for Dealing with Speaking Errors Made by Foreign Learners]. Moscow, Izd. RUDN, 2006. 195 p. (In Russian)
18. Vyrenkova A.S., Polinskaya M.S., Rakhilina E.V. Grammar of errors and grammar of constructions: “Heritage” (“inherited”) Russian language. *Voprosy Yazykoznaniiya*, 2014, no. 3, pp. 3–19. (In Russian)
19. Gaskon' E.A. Some errors made by Chinese students due to cross-linguistic influence in learning a new language (Russian as a foreign language). *Filologicheskie Nauki. Voprosy Teorii i Praktiki*, 2016, no. 10-3 (64), pp. 80–84. (In Russian)
20. Moskovkin L.V. Optimization of teaching Russian grammar to foreign students of non-philological specialties. *Dr. Sci. (Pedagogy) Diss.* St. Petersburg, 1999. 390 p. (In Russian)

21. Baskakov N.A. (Ed.) *Grammatika turkmenskogo yazyka* [Grammar of the Turkmen Language]. Pt. 1: Phonetics and morphology. Ashgabat, Ylym, 1970. 503 p. (In Russian)
22. Kostomarov V.G., Mitrofanova O.D. *Metodicheskoe rukovodstvo dlya prepodavatelei russkogo yazyka inostrantsam* [Methodological Guide for Teachers of Russian as a Foreign Language]. Moscow, Russ. Yazyk, 1984. 159 p. (In Russian)
23. Shmeleva T.V. International Conference “The Russian National Corpus and the Problems of Humanities Education”. *Mir Russkogo Slova*, 2007, nos. 1–2, p. 39. (In Russian)
24. Rakhilina E.V. On new tools for describing Russian grammar: Russian Learner Corpus. *Russkii Yazyk za Rubezhom* (Proc. Symp. “Russian Grammar 4.0”: Linguistics), 2016, no. 3, pp. 20–25. (In Russian)
25. Grudeva E.V., Buchilova I.A., Volkova N.A. Corpora of errors: Target audience, a possible architecture of the corpus. *Vestnik Cherepovetskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Filologicheskie Nauki*, 2018, no. 5, pp. 63–72. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2018-5-86-7>. (In Russian)
26. Lado R. *Linguistics Across Cultures: Applied Linguistics for Language Teachers*. Ann Arbor, MI, Univ. of Michigan Press, 1957. ix, 141 p.

Информация об авторах

Елена Валерьевна Грудева, доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии и прикладных коммуникаций, Череповецкий государственный университет

E-mail: egrudeva@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2688-4433>

Светлана Александровна Соловьева, доктор филологических наук, профессор кафедры социальных коммуникаций и медиа, Череповецкий государственный университет

E-mail: ssa_doc@mail.ru

Author Information

Elena V. Grudeva, Dr. Sci. (Philology), Full Professor, Department of Russian Philology and Applied Communications, Cherepovets State University

E-mail: egrudeva@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2688-4433>

Svetlana A. Soloveva, Dr. Sci. (Philology), Full Professor, Department of Social Communications and Media, Cherepovets State University

E-mail: ssa_doc@mail.ru

Поступила в редакцию 20.08.2024

Принята к публикации 20.11.2024

Received August 20, 2024

Accepted November 10, 2024

Оригинальная статья

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.117-127>**Особенности усвоения личных и притяжательных местоимений
детьми с сенсомоторной алалией****О.А. Иванова***Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия**iv.olga2578@yandex.ru***Аннотация**

Сенсомоторная алалия является таким типом речевого дизонтогенеза у детей, при котором страдает в первую очередь понимание обращенной к ним речи. Анализ нарушений импрессивной речи у детей представляет особую важность как для лингвистики, так и для междисциплинарных областей в связи с тем, что с его помощью могут быть получены новые научные данные для исследования проблемы овладения родным языком при типичном и патологическом развитии. В настоящей статье рассмотрена специфика усвоения личных и притяжательных местоимений детьми с названным диагнозом. Каждое из упомянутых местоимений осваивается нестандартно, но особую сложность вызывает понимание притяжательных местоимений *его*, *её* и *их*, которые омонимичны формам личных местоимений *он*, *она*, *они*. Представлены и проанализированы образцы речи детей, собранные в ходе абилитационной работы. Исследование носит лонгитюдный характер, проводится на базе Центра патологии речи Казанского федерального университета. В выборку вошли 36 детей с сенсомоторной и сенсорной алалией, речь которых изучается в динамике.

Ключевые слова: сенсомоторная алалия, импрессивная речь, личное местоимение, притяжательное местоимение, речевой дизонтогенез

Для цитирования: Иванова О.А. Особенности усвоения личных и притяжательных местоимений детьми с сенсомоторной алалией // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2025. Т. 167, кн. 1. С. 117–127. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.117-127>.

Original article

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.117-127>

**Acquisition of personal and possessive pronouns
in children with sensorimotor alalia**

O.A. Ivanova

Kazan Federal University, Kazan, Russia

iv.olga2578@yandex.ru

Abstract

Sensorimotor alalia is a type of speech dysontogenesis in children, primarily characterized by impaired receptive speech abilities. Investigating receptive speech disorders in children is of particular importance for both linguistics and interdisciplinary research because it offers new insights into the mechanisms of native language acquisition in normal and pathological development. This article examines the atypical patterns of personal and possessive pronouns acquisition in children with sensorimotor alalia. Such children face many challenges in mastering the pronominal system, especially with the comprehension of the possessive pronouns *ego* (his), *ee* (her), and *ikh* (their), which are homonymous with the personal pronouns *on* (he), *ona* (she), and *oni* (they). These challenges were identified and analyzed using speech samples collected from 36 children with sensorimotor and sensory alalia during habilitation sessions. The longitudinal study of the speech samples was carried out dynamically at the Center for Speech Pathology, Kazan Federal University.

Keywords: sensorimotor alalia, receptive speech, personal pronoun, possessive pronoun, speech dysontogenesis

For citation: Ivanova O.A. Acquisition of personal and possessive pronouns in children with sensorimotor alalia. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2025, vol. 167, no. 1, pp. 117–127. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.117-127>. (In Russian)

Введение

В исследованиях детской речи уделяется внимание особенностям освоения типично развивающимися детьми местоимений [1–3], в особенности личных (труды Г.Р. Добровой [3], С.В. Краснощековой [4], В.В. Казаковской [5–7], Е.И. Чигловой [8] и др.), что связано во многом с их дейктической сущностью и изучением формирования у ребенка персонального дейксиса. Внимание исследователей привлекают также притяжательные местоимения и специфика освоения семантики принадлежности (труды Л.Х. Головенкиной [9], Е.И. Осминкиной [10]), особенно у билингвов (К. Ликари [11], Т.А. Круглякова [12]), местоимения иных разрядов (преимущественно исследования С.В. Краснощековой [13; 14]). Активно изучаются трудности освоения местоимений детьми с расстройствами аутистического спектра в связи с нарушениями социального взаимодействия как основной характеристикой данной гетерогенной группы нарушений развития [15; 16]. В отношении детей с речевым дизонтогенезом можно указать труды, посвященные отдельным аспектам

проблемы [17; 18]. Информация о том, как усваиваются местоимения детьми с сенсомоторной алалией, в научной литературе отсутствует, в то время как данное расстройство является одним из самых сложных нарушений речевого развития как с точки зрения диагностики, так и с точки зрения реабилитации [20; 21]. Сенсомоторная алалия представляет собой такой вид нарушений импрессивной речи, при котором ребенок испытывает существенные трудности раскодировки обращенной речи и существенные трудности порождения речи (что во многом обусловлено в первую очередь отсутствием понимания). В тяжелых случаях ребенок с сенсомоторной алалией даже не догадывается, что в обращенной речи содержится код, который может быть раскодирован и интерпретирован. Сенсорная алалия (без нарушений экспрессивной речи) встречается значительно реже (в подобных случаях ребенок начинает сразу довольно чисто говорить все то, что становится доступно его пониманию в ходе коррекционной работы).

Местоимения представляют собой особый, интересный и с лексической, и со словообразовательной, и с грамматической, и с прагматической точек зрения языковой материал. Не менее важную информацию изучение их освоения дает и для раскрытия особенностей развития. Специфика обработки местоимений детьми с типичным развитием описана достаточно подробно, однако исключительно мало данных в отношении детей с патологиями речевого развития, в особенности – в отношении детей с нарушениями импрессивной речи.

Материалы и методы

В ходе лонгитюдного исследования, проводимого на базе Центра патологии речи Казанского федерального университета, выявлены некоторые типичные особенности освоения личных и притяжательных местоимений у детей с нарушениями развития импрессивной речи.

В выборку вошли 36 детей (33 ребенка с сенсомоторной алалией, 3 – с сенсорной алалией; 28 мальчиков, 8 девочек), речь которых изучается в динамике. Критерии исключения из исследования: эпилепсия, расстройства аутистического спектра, нарушения невербального интеллекта, наличие генетических синдромов. Формирование базы данных начато в 2009 г. С детьми проводятся коррекционные занятия, ведутся аудиозаписи, далее они расшифровываются, создается база данных образцов речи каждого ребенка в динамике в ходе коррекционных занятий, в базу включаются также аудио- и видеозаписи, сделанные родителями в домашних условиях. Периоды проведения коррекционных занятий с одним ребенком зависят от активности родителей и от реабилитационного эффекта. Таким образом, количество материалов по каждому ребенку разное: записи в течение года, в течение трех лет, в течение шести лет и т. д. Для расшифровки речи детей раннего возраста и детей с выраженными нарушениями артикуляции используется фонетическая транскрипция (для удобства оформления ударный звук выделен полужирным шрифтом), что касается детей более старшего возраста, а также для детей, у которых не настолько сильно выражены артикуляционные проблемы и в меньшей степени нарушена слоговая структура слов, расшифровка осуществляется без транскрипции (либо в соответствии с правилами, принятыми при записи русской разговорной речи, либо в формате обычного текста).

Результаты и обсуждение

В исследованиях Г.Р. Добровой и С.А. Краснощековой выделяются три этапа освоения местоимений типично развивающимися детьми: 1) этап ранних местоимений; 2) этап местоименного взрыва; 3) этап поздних местоимений. На первом этапе, как правило, появляются

в первую очередь указательное местоимение *этот* (*это*), личное *я*, притяжательное *мой*, далее *ты*, *твой*, *мы*, *наш*, *он*, и основная их функция – указательная [3; 4].

У детей с нарушениями развития импрессивной речи на первом этапе также (но значительно позже, чем у детей с типичным развитием) появляется указательное местоимение *это*, синкретичное и в большинстве случаев заменяющее собой названия большинства предметов, которые в силу выраженных трудностей обработки звучащей речи очень сложно усваиваются детьми с сенсомоторной алалией (практически каждое слово поначалу надо подолгу заучивать). Указательное местоимение *это* (оно имеет разные варианты: [эть], [эс'], [ить], [ис'], [то] и т. д.) является для ребенка значительным подспорьем: вместе с использованием указательного жеста оно позволяет достаточно успешно взаимодействовать со взрослыми и детьми. Однако освоение личного местоимения *я* по времени существенно (иногда – годами) отделено от освоения указательного местоимения *это*.

Функция личных местоимений детям с нарушениями развития импрессивной речи бывает долгое время неясна. Сложности соотнесения объекта с его названием, предъявляемым вербально, с преодоления которых и начинается реабилитационная работа, определяют и специфику обработки местоимений. Так, местоимение *я* применительно к самому себе (не в повторной речи, не в эхоталиях, где артикуляция происходит в основном без осмысления) появляется после прицельной тренировки, долгое время ребенок продолжает говорить о себе в третьем лице: [Н'ан'ь туку Ёйосъ] (А., 5.5¹, няня *стукала Алешу*), [Ить папъ / ить мамъ / ить к^мы] (К., 5.10, *это папа, это мама, это Камиль*), [Ёйинъ н'эт' суп] (Р., 6.2, *Раина нет суп* – отказ от еды). Когда после долгих занятий ребенок все же начинает применять местоимение *я* к себе, это происходит в основном в выученных, привычных конструкциях: [н'а ^т'у], [н'а ам], [н'а ызу] (С., 6.3, *я хочу, я ем, я лежу*), но при этом в высказываниях, заранее не выученных и многократно не повторенных дома и на занятиях, ребенок продолжает называть себя по имени: [Сась н'эт] (С., 6.5, *Саши нет* – комментирует свое отсутствие на фотографии), [Эть н'э Н'ик'ить / н'э Н'ик'ить] (Н., 7.1, *Это не Никита, не Никита* – разбил в садике вазу и испугался), [Мась / н'э укусь] (М., 6.10, *Машу не укусит!* – девочка с криком убегает от собаки).

В ряде случаев третье лицо и имя вместо местоимения *я* используются детьми в неожиданных или стрессовых ситуациях и при достаточно сформированной фразовой речи. Так, мальчик К. выступал на сцене в школе, танцевал, показывал фокусы, местные представители СМИ захотели взять у него небольшое интервью. Ситуация для ребенка была достаточно стрессовой.

Пример диалога с К.

– Мы журналисты. Можно задать тебе несколько вопросов?

– Камиль согласен.

– А где он, Камиль?

– *Вот я, Камиль* (указательный жест, показывает на себя). *Давайте несколько вопросов* (К., 10.1).

Интересным является тот факт, что случаи использования местоимений *он*, *она* вместо местоимения *я* детьми с сенсомоторной алалией можно отнести к единичным. Подобная реверсия часто свойственна детям с расстройствами аутистического спектра, что регулярно

¹ Здесь и далее указывается инициал имени ребенка и возраст в формате «количество лет. количество месяцев» (5.5 – 5 лет 5 месяцев).

отмечается и лингвистами, и коррекционными педагогами [15]; примечательно, что дети с сенсомоторной алалией практически к ней не склонны. Связан отмеченный факт, вероятно, с тем, что у них нет сложностей выделения себя как отдельной личности, разграничения собственного физического образа и физических образов окружающих. Трудности освоения местоимений заключаются не в том, что ребенок не осознает себя как отдельного индивидуума, а в основном в понимании того, как одновременно лично он, ребенок, может носить два имени, причем одно имя – допустим, *Саша* – точно относится к нему, а другое – *я* – постоянно используется другими людьми совершенно не по отношению к нему, о чем свидетельствует следующий диалог:

Пример диалога с С.

– Я Оля. А ты кто?

– [Йа Сась / н'э йа Ойъ / н'э гый^в'и йа Ойъ / йа Сась] (С. 6.4. *Я Саша. Не я Оля. Не говори «Я Оля». Я – Саша*).

Пример диалога с А.

– Я люблю яблоки. А ты какие фрукты любишь?

– Я. Я. Не надо головить «я люблю яблоки», я люблю никакое яблоки. Ты. Ты говори про ты, про тоби... про тебе. Я люблю бег-го-яд. Ты. Ты любишь что? Ты любишь... ну... го-во-ли (А., 9.2).

Ребенок воспринимает местоимение *я* как свое личное имя (тем более что на этом *я* очень активно настаивает логопед) и протестует против ситуации, в которой логопед о себе тоже говорит *я*. По мере развития С. достаточно долго называет себя то *я*, то *Саша* (в зависимости от ситуации), но не *он*. А., как можно видеть, использует местоимения *я*, *ты*, отмечаются попытки склонять их (*про тоби*, *про тебе*), но все еще не до конца сформировано понимание, что другой человек тоже использует *я* применительно к себе. То же можно наблюдать и в ответе К.: *Камиль согласен*, но на вопрос, где Камиль, мальчик отвечает: *Вот я, Камиль*, а не *он*.

Важно отметить и то, что в целом именование одного и того же человека по-разному особенно трудно дается детям с нарушениями импрессивной речи. Так, ребенок долго не может усвоить, что, кроме имени, у него есть еще и фамилия, что мама – это одновременно *Юля*, а также *ты* (если к ней обращаться). Такое замещение и одновременно обобщение сложно обрабатывается при нарушениях импрессивной речи. Человек уже носит какое-то имя, это имя с большим трудом освоено ребенком и хорошо вычленяется им в потоке речи – и вдруг оказывается, что вместо имени используется еще и *ты*, причем надо в контексте понять, точно ли именно ребенку оно адресовано. Особое затруднение вызывает ответ *я* на вопрос: *Это ты ...?*

Пример диалога с Д.

– Это ты нарисовал?

– [Эть н'э ты Ъс^вау / эть йа Ъс^вау] (Д., 6.7. *Это не ты нарисовал, это я нарисовал*).

Пример диалога с Н.

– Ты будешь сегодня играть на дудочке?

– Ты будешь. Никита не будешь... Я не будешь (Н., 6.5).

Усвоив, что *я* – это он сам, ребенок долгое время отказывается на вопрос: *Это ты ...?* отвечать: *Это я*, потому что *ты* для него – это другой человек (или другие люди, каждый из которых называется *ты*).

Местоимения *он*, *она*, *оно* усваиваются с особенностями, связанными преимущественно с соотношением их не с людьми, о которых идет речь, а с родом (грамматической категорией

рода дети с нарушениями импрессивной речи овладевают очень тяжело, процент ошибочных согласований по роду сохраняется и в случае практически полной компенсации, когда ребенок оканчивает общеобразовательную школу и в целом имеет хорошую успеваемость). На начальных этапах *оно* не используется совсем, а *он* и *она* применяются преимущественно «методом случайной выборки». Местоимение *они* усваивается в целом легче, поскольку является наиболее прозрачным из всех личных, не подразумевает размышлений над контекстом, не имеет родовых характеристик.

Пример из диалога с С.

– Это Юля.

– **Она красивый.**

– Она красивая. А это Дима.

– **Она сильный.** А, нет, **она сильная.**

– Он сильный. А это Вадим.

– **Он веселая.** А, нет, **она веселая.** А, нет, **он веселый...** Может, хватит? (С., 7.1).

Пример из диалога с В.

– Там девочка стояла и / ну / **он** говорит / почему опоздали / а **оны** / платье испачкали / подарок / **она** тоже грязный // (В., 8.4, описание серии картинок: девочка ждет подруг на день рождения, подруги по дороге балуются и падают в лужу, приходят на день рождения поздно и грязные, подарок испачкан и помят). Весьма показательной является попытка самостоятельно создать особую форму местоимения *они* для девочек (*оны*).

Местоимения *вы* и *мы* начинают появляться позже, основные сложности практически идентичны сложностям с пониманием разницы между *я* и *ты*. Этикетный вариант обращения *Вы* необходимо долго разучивать отдельно.

Пример из диалога с О.

– Ну зачем *Вы* – Валентина Александровна? Ты же не многи. Валентина Александровна же *ты*.

– Потому что так вежливо. Если человек взрослый, ему говорят *Вы*.

– Человеков взрослых несколько будет, когда взрослый?

– Нет. Ребенку говори: *ты*. Взрослому: *Вы*. Даже если он один.

– Не понял я. А когда не один? (О., 7.1).

Обработка притяжательных местоимений также имеет свои особенности. Первыми усваивается семантика местоимений *мой* и *твой* (но исключительно в силу их бытовой частотности, а отнюдь не в силу их большей прозрачности для ребенка с сенсомоторной алалией). *Мой* относится ребенком к себе, и это самое простое и очевидное, что усваивается прежде всего посредством долгих тренировок в игре и повторов за взрослым. Понимание того, что на вопрос: *Это твой?* надо отвечать *мой*, для ребенка является, как и в случае с местоимениями *я* и *ты*, труднодоступным, поскольку *твой* он относит не к себе, а к собеседнику, и возникающий перенос для него долгое время является алогичным.

Так, допустим, на вопрос в садике: *Это твой шкафчик?* ребенок может утвердительно ответить *Не той* (о своем шкафчике, поскольку он знает о принадлежности шкафчика ему, а не другому), либо *Той* (если шкафчик собеседника или чужой).

Пример диалога с Д.

– [Эть **јаб’икъ мой** / эть **јаб’икъ той**] (*это яблоко мой, это яблоко твой*).

– Дай твое яблоко!

– [На т^айю] (Д., 4.5. *На твое*) – мальчик протягивает логопеду его же яблоко (С., 5.2).

Уже упомянутые выше нарушения согласования по роду также являются системными.

Пример диалога с О.

– Это репа. Это мой репа. Это огурца. Это мой огурца.

– Нет. Это моя репа. Это мой огурец. Скажи еще раз.

– Мой реп. Моя огурца. Моя огурец.

– Ну, подумай!

Ребенок молчит.

– Почему молчишь?

Ребенок (неуверенно):

– Это подумай? Мой подумай? Моя подумай? Это же не... это... (О., 5.5).

Из диалога видно, что ребенок интуитивно понимает, к каким частям речи должны относиться притяжательные местоимения, а к каким не должны. Из контекста он понял, что, поскольку идет отработка темы *мой, моя*, он должен стараться и работать над ней, инструкцию *подумай* интерпретировал неверно и удивился тому, что притяжательное местоимение логопед просит согласовать с глаголом.

Аналогичная ситуация наблюдается с местоимениями *ваш* и *наш* на более поздних этапах. Контекстуальные особенности использования совпадают с особенностями использования *мой* и *твой*: ребенок соотносит принадлежность чего-либо или кого-либо к группе, в которую входит он (семья, группа детей и т. д.), и это у него входит в понятие *наш*. *Ваш* означает принадлежность к иной группе. Как можно отвечать на *Ваш ...?* словом *наш*, неясно в той же степени, в какой непонятен и ответ *мой* на вопрос: *Твой ...?*

Пример диалога с К.

На фотографии мальчик показывает свой дом, двор.

– Это ваш дом?

– Нет, это не **ваш** дом, это **наш** дом.

– Да, я и говорю, что ваш.

– Не **ваш**, а **наш**. Папа и мама платят деньги. **Наш**. **Вашу** сами купить надо. Ипотечной (так склоняется ребенком слово «ипотека»). Надо задать папе вопрос, что нужен **ваш** дом. **Наш** не надо! **Мы** там живем! (К., 9.1).

В ряде случаев местоимения довольно длительное время не опознаются в их замещающей функции и интерпретируются ребенком как имя.

Пример диалога с С.

– Это ваша такая черная собака?

– Это не **ваша** черная собака, это **Гинди** черная собака (С., 6.1, ребенок распознает «ваша» как имя и поправляет: Гинди).

Второй этап, этап местоименного взрыва, который проходят дети с типичным развитием, для детей с сенсомоторной алалией не характерен. В сущности, над каждым местоимением необходимо работать отдельно. Можно отметить, что скорость усвоения значительно увеличивается, когда 1) ребенок начинает отличать имя от местоимения, понимать его замещающую функцию, возможность его отнесения к множеству других людей; 2) ребенок начинает понимать логику *ты – я, твой – мой, вы – мы, ваш – наш*, но нельзя сказать, что указанные местоимения появляются в речи после завершения этих двух важных периодов: ребенок использовал их и ранее, но, как правило, наугад.

Третий этап, этап поздних местоимений, как правило, затягивается надолго. Несклоняемость местоимений *его, её* и *их*, а также их омонимичность формам личных местоимений

делает их особо сложными для усвоения. Ребенок с сенсомоторной алалией долго не использует их в собственной речи. Часто дети прибегают к замене этих местоимений словообразовательными окказионализмами.

Пример из диалога с Л.

– Машина **наша** – она белая, она недавно купили, кондиционер есть. **Бабадедановая** машина – она старая, там жарко, весь я мокрый, она не люблю (Л., 8.11).

Пример из диалога с Н.

В предлагаемом учебном материале была изображена семья (девочка, мальчик и их родители). Нужно было правильно показать картинки и дать ответ на вопрос: «Чье яблоко?».

– [Эть йаблыт'къ мьн'о / эть йаблыт'къ д'экъ] (*Это яблочко моё, это яблочко девочкино* – не её, хотя идет далеко не первое занятие на отработку притяжательных местоимений). [Эть мат'ик'и] (*Это – мальчика*). [Эть / л'уд'ин] (*Это людин*) (В., 7.2). Ребенок затрудняется найти обобщающее слово для родителей девочки и мальчика, выбирает *люди* и пытается образовать нужную единицу – *людин*.

Местоимения *его*, *её* и *их* в активной речи появляются тогда, когда ребенок с трудом, но уже усвоил, что притяжательные местоимения имеют разные формы; выбирает он их в контексте чаще всего неправильно, но экспериментирует уже активно. Соответственно, *его*, *её* и *их* подвергаются попыткам склонения, что порождает значительное количество их вариантов: *евовая ручка*, *евы тетради*, *еёная мама*, *ихая машина*, *ихы дети* и т. д., помимо традиционных просторечных *ихний*, *ейная* и пр.

Омонимичность формам личных местоимений составляет особую, зачастую непреодолимую, трудность. У ребенка с нарушениями импрессивной речи распознавание подобных единиц может не формироваться даже на самых зрелых этапах речевого развития, когда ребенок уже способен изъясняться связно и понимает практически все из того, что ему говорят, а еще лучше понимает то, что может самостоятельно прочитать. Весьма показательными являются примеры языковой рефлексии: ребенок (ученик общеобразовательной школы) сам достаточно внятно формулирует трудности определения местоимений, имеющих омонимичные формы, которые возникают у него на занятиях.

Пример диалога с К.

В школе разбирали отрывок из текста «*В парке поселилась белка. Вчера мы увидели её. Мне понравился её пушистый хвост*».

Дальше шел разбор: в первом случае *её* – личное местоимение, начальная форма *она*, винительный падеж, во втором случае *её* – притяжательное местоимение.

– *Это я не знаю, как делать упражнение. Одно и то же, а говорят писать разное. И это не потому что память. У меня отличная память! Я могу сразу запомнить, что если её – это она. Но тут же сразу другое, и её – это не она! Хотя это же про она! Хвост же – оной! Это издевательство над человеком. Это нельзя понять!* (К., 10.2).

Заключение

Анализ образцов речи детей с сенсомоторной алалией дает возможность не только описать специфику освоения личных и притяжательных местоимений при нарушениях развития импрессивной речи, но и получить важную информацию о своеобразной языковой логике, которая формируется у детей с данной речевой патологией. Возможность отслеживать эволюцию восприятия в динамике позволяет более глубоко проанализировать формирование вербального мышления у детей с сенсомоторной алалией и наглядно убедиться в сохранности интеллекта при названной речевой патологии, а также вносит вклад в выявление

специфических языковых особенностей, которые можно использовать при дифференциальной диагностике сенсомоторной алалии и других нарушений развития.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest

Литература

1. Цейтлин С.Н. Язык и ребенок: Лингвистика дет. речи. М.: Владос, 2000. 238 с.
2. Owens Jr., Robert E. Language Development: An Introduction. Allyn & Bacon, Incorporated, 2011. 488 p.
3. Краснощекова С.В. Местоименный дейксис в русской детской речи: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2016. 273 с.
4. Доброва Г.Р. Онтогенез персонального дейксиса (личные местоимения и термины родства). СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. 492 с.
5. Казаковская В.В. Личные местоимения и их пропуск (pro-drop) на ранних этапах усвоения языка // Труды Ин-та рус. яз. им. В.В. Виноградова. 2024. № 2. С. 133–149. <https://doi.org/10.31912/pvrl-2024.2.8>.
6. Казаковская В.В. От первого лица: местоименно-глагольные высказывания в русской детской речи // Acta Linguistica Petropolitana. 2024. № 20–1. С. 98–142. <https://doi.org/10.30842/alp2306573720198142>.
7. Казаковская В.В. Грамматический аспект усвоения личных местоимений // Рус. яз. в шк. 2024. Т. 85. № 6. С. 25–38. <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-6-25-38/>.
8. Чиглова Е.И. Влияние инпута на онтогенез персонального дейксиса (на материале русского и английского языков) // Вестн Череповец. гос. ун-та. 2017. № 4 (79). С. 109–114. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2017-4-79-17>.
9. Головенкина Л.Х. Понятийное поле «принадлежности» у ребенка дошкольного и младшего школьного возраста // Учен. зап. МГПИ. Сер. Языкознание. 2001. Вып. 1. С. 83–90.
10. Осминкина Е.И. Роль лично-притяжательных местоимений в усвоении персонального дейксиса русскоязычными и англоязычными детьми // Вестн. Череповец. гос. ун-та. 2014. № 3 (56). С. 107–111.
11. Лицари К. Особенности употребления притяжательных местоимений в русской речи немецких детей // Проблемы онтолингвистики – 2021: языковая система ребенка в ситуации одно- и многоязычия. Материалы ежегодной Междунар. науч. конф. СПб.: ВВМ. С. 42–48.
12. Круглякова Т.А. Конструирование системы русских притяжательных местоимений детьми-билингвами с первым романским языком // Путь в язык: Одноязычие и двуязычие / Отв. ред. С.Н. Цейтлин, М.Б. Елисеева. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 191–202.
13. Краснощекова С.В. Дейктические эффекты при использовании детьми отрицательных и неопределенных местоимений // Изв. РГПУ им. А.И. Герцена. 2018. № 189. С. 86–94.
14. Краснощекова С.В. Вопросительные местоимения *кто*, *что*, *какой* и ряды производных от них местоимений в онтогенезе // XLIX Международная научная филологическая конференция, посвященная памяти Людмилы Алексеевны Вербицкой (1936–2019). Избранные доклады / Под редакцией Т.В. Черниговской. Сер. 2 St. Petersburg University Studies in Social Sciences & Humanities. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2022. С. 269–285. <https://doi.org/10.21638/11701/9785288062353.16>.
15. Нестерова Т.В., Бадартдинова Н.А. Научно-теоретическое обоснование подходов к исследованию особенностей употребления местоимений детьми дошкольного возраста с расстройствами аутистического спектра // Коррекционно-педагогическое образование. 2024. № 3 (39). С. 26–31.
16. Зиновьева В.Н., Данилкина А.В. Развитие умения использовать личные местоимения у детей с расстройствами аутистического спектра // Вестн. Калуж. ун-та. Сер. 1. Психологич. науки. Педагогич. науки. 2020. Т. 3. № 2 (7). С. 99–103.
17. Абросова Е.В. Особенности употребления местоимения *такой* ребенком с ОНР // Проблемы онтолингвистики – 2024: языковое взаимодействие взрослого и ребенка. Материалы ежегодной Междунар. науч. конф. Санкт-СПб.: ВВМ, 2024. С. 119–124.

18. Щукина Д.А., Широкова Ю.А. Состояние понимания личных местоимений 1-го лица у детей раннего возраста с ЗРР // Специальное образование XXI века: материалы междунар. науч. форума, Санкт-Петербург, 21 апр. 2021 г. / Отв. ред. Л.М. Кобрина. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2021. С. 287–291.
19. Щукина Д.А., Ахмадулина Д.Р. Особенности понимания указательных местоимений-прилагательных детьми 3,6 - 4,5 с ОНР // Специальное образование XXI века: материалы междунар. науч. форума. Санкт-Петербург, 19–20 апр. 2022 г. / Отв. ред. Л.М. Кобрина. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2022. С. 419–423.
20. Бобылова М.Ю., Капустина А.А., Браудо Т.А., Абрамов М.О., Клепиков Н.И., Панфилова Е.В. Моторная и сенсорная алалия: сложности диагностики // Рус. журн. детской неврологии. 2017. Т. 12. № 4. С. 32–42. <https://doi.org/10.17650/2073-8803-2017-12-4-32-42>.
21. Gorobets E.A., Ivanova O.A., Gamirova R.G. Sensory alalia: terminology and differentiated diagnosis // Современная лингвистика: от теории к практике: III Казанский международный лингвистический саммит (Казань, 14–19 ноября 2022 г.): тр. и матер.: в 3 т. / Под общ. ред. И.Э. Ярмакеева, Ф.Х. Тарасовой. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2023. Т. 1. С. 506–508.

References

1. Tseitlin S.N. *Yazyk i rebenok: Lingvistika detskoi rechi* [Language and the Child: Linguistics of Child Speech]. Moscow, Vldos, 2000. 238 p. (In Russian)
2. Owens R.E., Jr. *Language Development: An Introduction*. Allyn & Bacon Communication Sciences and Disorders Ser. Pearson, 2011. 488 p.
3. Krasnoshchekova S.V. Pronominal deixis in Russian-speaking children. *Cand. Sci. (Philology) Diss.* St. Petersburg, 2016. 273 p. (In Russian)
4. Dobrova G.R. *Ontogenez personal'nogo deiksisia (lichnye mestoimeniya i terminy rodstva)* [The Ontogeny of Personal Deixis (Personal Pronouns and Kinship Terms)]. St. Petersburg, Izd. RGPU im. A.I. Gertsena, 2003, 492 p. (In Russian)
5. Kazakovskaya V.V. Personal pronouns and pro-drop in the early stages of language acquisition. *Trudy Instituta Russkogo Yazyka imeni V.V. Vinogradova*, 2024, no. 2, pp. 133–149. <http://doi.org/10.31912/pvrl-2024.2.8>. (In Russian)
6. Kazakovskaya V.V. In the first person: Verb-based utterances with pronouns as used by Russian-speaking children. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2024, no. 20–1, pp. 98–142. <http://doi.org/10.30842/alp2306573720198142>. (In Russian)
7. Kazakovskaya V.V. The grammatical aspect of personal pronoun acquisition. *Russkii Yazyk v Shkole*, 2024, vol. 85, no. 6, pp. 25–38. <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-6-25-38>. (In Russian)
8. Chiglova E.I. Input effects on the ontogeny of personal deixis (based on the Russian and English languages). *Vestnik Cherepovetskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2017, no. 4 (79), pp. 109–114. <http://doi.org/10.23859/1994-0637-2017-4-79-17>. (In Russian)
9. Golovenkina L.Kh. The conceptual field of “possession” in pre- and early-school children. *Uchenye Zapiski MGPI. Seriya Yazykoznanie*, 2001, no. 1, pp. 83–90. (In Russian)
10. Osminkina E.I. The role of personal-possessive pronouns in the acquisition of personal deixis by Russian- and English-speaking children. *Vestnik Cherepovetskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2014, no. 3 (56), pp. 107–111. (In Russian)
11. Likari K. The use of possessive pronouns in the Russian speech of German-speaking children. *Problemy ontolingvistiki – 2021: yazykovaya sistema rebenka v situatsii odno- i mnogoyazychiya. Materialy ezhegodnoi Mezhdunar. nauch. konf.* [Problems of Ontolinguistics – 2021: The Language System of a Child in Monolingual and Multilingual Settings. Proc. Annu. Int. Sci. Conf.]. St. Petersburg, VVM, 2021, pp. 42–48. (In Russian)
12. Kruglyakova T.A. Acquisition of the system of Russian possessive pronouns by bilingual children speaking a Romance language as their first language. In: Tseitlin S.N., Eliseeva M.B. (Eds.) *Put' v yazyk. Odnoyazychie i dvuyazychie* [The Path to Language: Monolingualism and Bilingualism]. Moscow, 2011, pp. 191–202. (In Russian)

13. Krasnoshchekova S.V. Deictic effects in the use of negative and indefinite pronouns by children. *Izvestiya RGPU imeni A.I. Gertsena*, 2018, no. 189, pp. 86–94. (In Russian)
14. Krasnoshchekova S.V. Interrogative pronouns kto (who), chto (what), and kakoi (which) and their derivative forms in ontogenesis. *XLIX Mezhdunarodnaya nauchnaya filologicheskaya konferentsiya, posvyashchennaya pamyati Lyudmily Alekseevny Verbitskoi (1936–2019). Izbrannye doklady* [Proc. XLIX Int. Sci. Philol. Conf. in Memory of Lyudmila Alekseevna Verbitskaya (1936–2019). Selected Papers]. Chernigovskaya T.V. (Ed.). Ser. 2: St. Petersburg University Studies in Social Sciences & Humanities. St. Petersburg, Izd. SpbGU, 2022, pp. 269–285. <http://doi.org/10.21638/11701/9785288062353.16>. (In Russian)
15. Nesterova T.V., Badartdinova N.A. Scientific and theoretical foundations for investigating the use of pronouns by preschool children with autism spectrum disorders. *Korreksionno-Pedagogicheskoe Obrazovanie*, 2024, no. 3 (39), pp. 26–31. (In Russian)
16. Zinov'eva V.N., Danilkina A.V. Acquisition of personal pronouns in children with autism spectrum disorders. *Vestnik Kaluzhskogo Universiteta. Seriya 1. Psikhologicheskie Nauki. Pedagogicheskie Nauki*, 2020, vol. 3, no. 2 (7), pp. 99–103. (In Russian)
17. Abrosova E.V. The use of the pronoun takoi (such) by a child with general speech underdevelopment. *Problemy ontoingvistiki – 2024: yazykovoie vzaimodeistvie vzroslogo i rebenka. Materialy ezhegodnoi Mezhdunar. nauch. konf.* [Problems of Ontolinguistics – 2024: Adult-Child Linguistic Interaction. Proc. Annu. Int. Sci. Conf.]. St. Petersburg, VVM, 2024, pp. 119–124. (In Russian)
18. Shchukina D.A., Shirokova Yu.A. Acquisition of first-person pronouns in young children with delayed speech development. *Spetsial'noe obrazovanie XXI veka: materialy mezhdunar. nauch. foruma, Sankt-Peterburg, 21 apr. 2021 g.* [Special Education in the 21st Century: Proc. Int. Sci. Forum. St. Petersburg, April 21, 2021]. Kobrina L.M. (Ed.). St. Petersburg, LGU im. Pushkina, 2021, pp. 287–291. (In Russian)
19. Shchukina D.A., Akhmadullina D.R. Acquisition of demonstrative adjectives in children aged 3.6–4.5 years with general speech underdevelopment. *Spetsial'noe obrazovanie XXI veka: materialy mezhdunar. nauch. foruma, Sankt-Peterburg, 19–20 apr. 2022 g.* [Special Education in the 21st Century: Proc. Int. Sci. Forum. St. Petersburg, April 19–20, 2022]. Kobrina L.M. (Ed.). St. Petersburg, LGU im. Pushkina, 2022, pp. 419–423. (In Russian)
20. Bobylova M.Yu., Kapustina A.A., Braudo T.A., Abramov M.O., Klepikov N.I., Panfilova E.V. Motor and sensory alalia: Challenges in diagnosis. *Russkii Zhurnal Detskoi Nevrologii*, 2017, vol. 12, no. 4, pp. 32–42. <http://doi.org/10.17650/2073-8803-2017-12-4-32-42>. (In Russian)
21. Gorobets E.A., Ivanova O.A., Gamirova R.G. Sensory alalia: Terminology and differentiated diagnosis. *Sovremennaya lingvistika: ot teorii k praktike: III Kazanskii mezhdunarodnyi lingvisticheskii sammit (Kazan', 14–19 noyabrya 2022 g.): tr. i mater.* [Modern Linguistics: From Theory to Practice: Proc. III Kazan Int. Linguist. Summit (Kazan, November 14–19, 2022)]. Vol. 1. Ermakeev I.E., Tarasova F.Kh. (Ed.). Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2023, pp. 506–508. (In Russian)

Информация об авторах

Иванова Ольга Александровна, научный сотрудник НИЛ «Нейрокогнитивные исследования», логопед Центра патологии речи, Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: iv.olga2578@yandex.ru

Author Information

Olga A. Ivanova, Researcher, Neurocognitive Research Laboratory, Speech Therapist, Center for Speech Pathology, Kazan Federal University
E-mail: iv.olga2578@yandex.ru

Поступила в редакцию 20.01.2025

Принята к публикации 14.03.2025

Received January 20, 2025

Accepted March 14, 2025

Оригинальная статья

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.128-138>

Некоторые особенности употребления форм двойственного числа в Волынской летописи

Д.М. Каменев

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, 199034, Россия

kamenev.daniel2000@gmail.com

Аннотация

В статье рассмотрены некоторые особенности употребления форм двойственного числа на материале третьего компонента Ипатьевской летописи, известного как Волынская летопись. Важная часть исследования посвящена анализу и модификации имеющейся классификации форм двойственного числа, которая была разработана О.Ф. Жолобовым. В статье предложен новый, усовершенствованный вариант классификации форм дуалиса, который лег в основу последующего контекстного анализа. На основании проведенного исследования сделан вывод о том, что употребление дуальных форм в изученном памятнике отличается последовательностью и традиционностью, что позволяет говорить о полном соответствии исходной древнерусской языковой системе. Приведенный факт подчеркивает сохранение и преемственность древнерусских языковых традиций в Волынской летописи, что делает ее ценным источником для изучения истории русского языка.

Ключевые слова: древнерусский (общевосточнославянский) язык, историческая грамматика, двойственное число, Волынская летопись, Ипатьевская летопись

Для цитирования: Каменев Д.М. Некоторые особенности употребления форм двойственного числа в Волынской летописи // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2025. Т. 167, кн. 1. С. 128–138. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.128-138>.

Original article

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.128-138>

Some features of dual grammatical forms in the Volhynian Chronicle

D.M. Kamenev

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

kamenev.daniel2000@gmail.com

Abstract

The usage of dual grammatical forms in the third component of the Hypatian Codex, known as the Volhynian Chronicle, is examined, with a focus on the contextual and linguistic aspects. O.F. Zholobov's classification of dual forms is revised. A new, enhanced classification is introduced and applied to perform a detailed contextual analysis of the Volhynian Chronicle. The results of the contextual analysis show that the usage of dual forms is characterized by consistency and adherence to traditional linguistic patterns, thus revealing its complete alignment with the principles of the Old Russian linguistic system. From the obtained results, it can be concluded that the Volhynian Chronicle, which continues the Old Russian linguistic tradition, is a valuable resource for studying the historical development of the Russian language and its grammatical structures.

Keywords: Old Russian (Common East Slavic) language, historical grammar, dual number, Volhynian Chronicle, Hypatian Codex

For citation: Kamenev D.M. Some features of dual grammatical forms in the Volhynian Chronicle. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2025, vol. 167, no. 1, pp. 128–138. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.128-138>. (In Russian)

Введение в проблематику

Двойственное число (дв. ч., или дуалис – далее использованы как синонимы) – особая числовая грамматическая форма, функционирование которой ученые наблюдают в ранних памятниках письменности, а также в поздних текстах, датируемых XVI–XVII вв., где она сохраняется как «узуальный архаизм» [1, с. 217]. Теоретические основы изучения грамматической категории двойственного числа разработаны как зарубежными исследователями-славистами, например А. Беличем, А. Мейе, Н. Ван-Вейком и др., так и отечественными лингвистами, среди которых можно особенно выделить А.М. Иорданского и О.Ф. Жолобова. В работах перечисленных ученых подробно описаны состояние дуалиса начиная с общеславянского периода и заканчивая его распадом в различных славянских языках, способы и варианты классификации, изучение функционирования форм по текстам различных жанров. Однако данные, представленные в исследованиях, оказываются неполными, так как тщательному анализу подвергалось недостаточное количество текстов древнерусского периода. Изучение форм дуалиса по памятникам древнерусской письменности необходимо распространить на более широкий круг источников – таким образом может быть получен богатый материал для уточнения не только ряда проблем, связанных с эволюцией категории двойственного числа

в древнерусском языке, но и некоторых общих вопросов теории исторической лингвистики. Основная **цель** настоящего исследования – анализ специфики контекстного употребления форм дв. ч. и попытка классификации полученных данных на материале Волынской летописи (далее – ВЛ), входящей в состав Ипатьевской летописи (далее – ИЛ).

Вопросы классификации форм двойственного числа

В литературе, посвященной эволюции форм дуалиса, а также его истории и систематизации, представлены различные авторские классификации. Наиболее известная – классификация сербского слависта А. Белича, чей подход к структуризации форм дв. ч. для некоторых исследователей до сих пор является центральным (см. [2, с. 34]). О.Ф. Жолобов в обобщающей монографии [3], посвященной исследованию древнерусских форм дв. ч. на общеславянском фоне, подробно рассмотрел основные сохраняющие свое значение идеи, теории и классификации, касающиеся форм дуалиса. Особо он выделяет классификацию форм дв. ч. в праславянском языке А. Белича, отмечая, что она является более детальной, чем предшествующие, и учитывает изменения в системе дв. ч. [3, с. 17]. Можно согласиться с мнением П.Ю. Караваевой о том, что О.Ф. Жолобов усовершенствовал классификацию А. Белича, а также «расширил и дополнил» его выводы, «сохраняя, однако, все описанные разновидности двойственного числа» [2, с. 34].

Анализ авторской группировки дуальных форм О.Ф. Жолобова позволил прийти к выводу, что некоторые компоненты этой классификации избыточны, какие-то типы дв. ч. описаны слишком широко, поэтому требуют конкретизации. Последнее натолкнуло нас на создание модернизированной классификации, сквозь призму которой мы могли бы изучить летописный материал. Сравнение классификации О.Ф. Жолобова для «исходной системы» древнерусского языка [3, с. 46–47] и нашей представлено в табл. 1 (в качестве иллюстраций использованы примеры из ВЛ).

Табл. 1. Классификации форм двойственного числа

Table. Classification of dual grammatical forms

Классификация О.Ф. Жолобова	Предлагаемая классификация
1) свободное дв. ч. (категориально-грамматическая номинация количественно-предметного типа); а) дистрибутивное употребление дв. ч.;	1) свободное дв. ч.;
2) связанное дв. ч. (категориально-грамматическая номинация счетно-количественного типа); б) несвязанное употребление дв. числа;	2) контекстно обусловленное дв. ч. (прономинально-вербальное употребление);
3) прономинально-вербальное дв. ч. (обозначение участников диалогического континуума);	3) дв. ч. при формульных конструкциях:
4) дв. ч. в конструкциях с двумя именами – сочетания двух имен, сопровождаемых согласованными по смыслу атрибутивными или предикативными формами дв. ч.;	3а) при лексемах счетно-количественного порядка два (ѡбѣ), два (дѣѡѣ);
с) двойной дуалис (двандва) – маркированные формы дв. ч., сочетания двух имен в дв. ч.;	3б) при двух именах собственных;
д) эллиптическое дв. ч.;	3с) при двух сакральных именах собственных, «священные двойцы» (двандва);
5) конгруэнтное дв. ч. – согласовательное или координативное дв. ч.	3д) при соединении двух сакральных предметов, «священные двойцы»;
	4) дв. ч. при числительных, обозначенных цифрой (буквенная цифирь).

К первому пункту мы отнесли все парные имена, обозначив их как свободное дв. ч. Данный тип в качестве центрального выделяют многие исследователи: «...это формы существительных – названий парных предметов, не связанные сочетаемостью с числительными *дѣва, дѣвѣ, оба, обѣ*» [4, с. 264]. О.Ф. Жолобов отмечает, что основу названного типа имен составляли «существительные соматической группы», а также упоминает тот факт, что «эта группа была довольно многочисленной, в нее входило свыше 40 единиц» [3, с. 61]. Например: *ѿтраси сонъ возведи ѿчи да видиши какоѡ та ч(ьс)ти Г(оспод)ь тамо спо(до)би постави ‘Отряхни сон, подними глаза, и ты увидишь, какой чести Господь тебя удостоил!’* (ВЛ/1289)¹.

Ко второй группе нами отнесено контекстно-семантически обусловленное употребление дуальных форм. В нее включаются случаи использования указательных или личных местоимений, например, когда речь идет о двух названных ранее лицах или объектах: *и посла Володимѣръ. ко брату ко Львови. ко сыновцю ко Юрьеви с тѣми словы се вама [двоим – Льву и Юрию] повѣдаю далъ есмь брату своему Мстиславу землю свою и городы ‘И послал Владимир к брату своему Льву и к племяннику Юрию с такими словами: ‘Сообщаю вам, что я дал брату моему Мстиславу свою землю и города’* (ВЛ/1287).

Третья группа, обозначенная у нас как «дв. ч. при формульных конструкциях», является самой широкой. Она включает структуры, где сочетаются друг с другом различные парные элементы нарратива. Функционирование дуальных форм данного типа оказывается наиболее устойчивым, стабильным и традиционным, сохранившимся в некоторых сочетаниях и до настоящего времени, поэтому было решено понимать их как определенные формулы-конструкции (близость к устойчивым выражениям). Первый подтип – дуалис при числовых показателях *оба (обѣ), дѣва (дѣвѣ)*: *потом же вложи дѣволъ ненависть во два Сомовитовича ‘Потом дьявол вложил ненависть в двух Сомовитовичей’* (ВЛ/1281). Второй тип – дуалис при двух именах собственных (перечисление князей, детей князя, братьев и др.), соединенных союзом *и*, например: *Мстиславъ и Юрь оутявошеса Володимера. посласта лоутышѣи своѣ бояръ и слуги воевать с Тюимю ‘Мстислав и Юрий, тайно от Владимира, послали своих лучших бояр и слуг воевать с Тюимой’* (ВЛ/1277). Третий подтип – двойственное число при двух именах собственных, выполняющих сакральную функцию (двойной дуалис – «двандва», по классификации О.Ф. Жолобова), как справедливо заметил В.В. Колесов – «священные двоицы» [1, с. 213] (например, святые Борис и Глеб, Петр и Павел и др.). Четвертый подтип – дуалис при формульном двойственном: неслучайном соединении предметов или элементов, чаще всего относящихся к книжной традиции (например, *мать и отец, день и ночь, милость и истина*).

Последняя группа – дв. ч. при числительных, указанных в тексте памятника с помощью цифры (буквенная цифирь) – как отдельная не выделялась ранее ни в одной классификации. Например: *из Любомля поѣха до Берестыа. и переѣзъвъ во Берестыи ѣ. двѣни. поѣха до Каменца ‘А из Любомля поехал в Берестье и, пробыв в Берестье два дня, поехал в Каменец’* (ВЛ/1287).

Конгруэнтный тип, выделенный как отдельный классификационный компонент в ранних работах, является, на наш взгляд, избыточным, так как часто сопровождает большинство контекстов, где центральные и устойчивые компоненты (парные имена, сочетания с союзом *и*, «двандва») оказываются функционально маркированными – в роли подлежащего

¹ Здесь и далее контексты выделены при помощи грамматической разметки Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Использованные примеры уточнялись в опубликованном тексте летописи (ПСРЛ, Т. 2). Спорные случаи проверялись в тексте рукописи (ИЛ). В некоторых случаях использовался (либо уточнялся) перевод О.П. Лихачевой (ГВЛ). В круглых скобках указывается источник и год события.

или дополнения, благодаря чему по дв. ч. соотносятся зависимые от них части предложения, например: *тоу же оубиша уба с(зи)на тысяцкого. Лаврентѣя и Андрѣя не мало бо показаста мужьство свое. и не побѣгоста братъ ѿ брата. тоу же (4) приаста. побѣдъи конѣць* ‘Тут же убили обоих сыновей тысяцкого – Лаврентия и Андрея; оба они показали немалое мужество, и не побежали брат от брата, и приняли славную смерть’ (ВЛ/1268).

Соотнесение составных элементов предложения по дв. ч. – широко распространенное явление, которое представлено в качестве контекстно-семантической составляющей почти каждого классификационного типа (кроме свободного дв. ч., однако в редких случаях и при нем), что мы увидим далее: «Материал летописного повествования подтверждает условность термина “связанное дв. ч.”, так как во многих случаях счетно-количественное дв. ч. употребляется без числовых слов, *имея ситуативно-речевое значение* (курсив наш. – Д. К.)» [3, с. 176]. Анализируя примеры, мы будем указывать, где это необходимо, на соотнесение тех или иных лексем в предложении.

Свободное двойственное число

В ВЛ нами было выделено 69 контекстов последовательного употребления дуалиса. К свободному дв. ч. можно отнести 13 контекстов (8.9 %), например: *Василко поѣхъ к Володимѣрю с побѣдою и честию великою слава и хвала Б(ог)а. створшаго предивная. покоршаго ворогъи под нозѣ Василкови* ‘Василько поехал во Владимир с победой и честью великой, слава и хвала Бога, сотворившего чудеса, повергшего врагов к ногам князя Василька’ (ВЛ/1262); и *воздѣвъ роуцѣ на н(е)во. молашеса со слезами* ‘И, воздев руки к небу, молился со слезами’ (ВЛ/1288). Встречаются случаи, когда определение при парном существительном также координирует в форме дв. ч., образуя тем самым конгруэнтную связь, например: *и блюда великаа сребрянаа и коубъки золотые и серебряные самъ передъ своима оуима поби и полья в гривны* ‘Большие серебряные блюда и кубки золотые и серебряные он сам перед своими глазами разбил и перелил на гривны’ (ВЛ/1288). В целом, употребление дуалиса при парных именах в ВЛ вполне традиционно и последовательно [4, с. 264]. Несмотря на указанную стабильность, был обнаружен один контекст, в котором парные соматические существительные использованы уже в форме мн. ч. при описании физических достоинств князя Владимира Васильковича: *Сии же бл(а)говѣрзшии князь Володимѣрь... волосъи имѣя желтъи коудравъи. бородоу стригъи. роукъи же имѣя краснъи. и ногъи рѣчь же башеть в немъ толъста и оустна исподная* ‘Сей благоверный князь Владимир был высок ростом, широк плечами, красив лицом, волосы у него были русые, кудрявые, бороду он стриг, руки и ноги у него были красивые, голос низкий, нижняя губа толстая’ (ВЛ/1288). Приведенный контекст отражает одну из стадий утраты дв. ч., которая, по мнению многих ученых, начала проявляться на раннем этапе именно у парных существительных в случае описания одного человека: «У самих существительных наиболее ранние примеры совпадения форм двойств. ч. с формами мн. ч. связаны с именами, обозначающими парные предметы» [1, с. 215].

Прономинально-вербальное двойственное число

Формы дв. ч. в прономинально-вербальном комплексе представлены в 10 контекстах (6.9 %). Показатель дв. ч. в подобном случае распространяется на указательное местоимение, которое выполняет здесь важную семантическую роль – указание на два объекта, которые упоминались ранее в тексте, например: *и в то время оудари на нихъ Болеславъ с лахъи. дружина же ю [дружины двух князей – Владимира и Василко] не стѣрпѣвши. оустремишася на вѣгъ вси со Блоусомъ* ‘И в это время ударил по ним Болеслав с ляхами. Дружина их не выдержала, и обратились в бегство все, вместе с Блусом’ (ВЛ/1281),

Василко же посла по нихъ Шварна, сѣиновца своего, и Володимѣра сна своего, оуказалъ бо башеть. има [двоим – Шварну и Владимиру] тако река, не бѣйте же са с ними. близъ по поустите ѿ во свою землю ‘Василько послал за ними Шварна, своего племянника, и сына своего Владимира и дал им указание, сказав: «Не бейтесь с ними здесь, а пустите их в свою землю»’ (ВЛ/1268). Данный прономинально-вербальный тип также устойчив, так как обладает важнейшей текстообразующей функцией: «Наиболее частотными и важными... являются анафорические местоимения, поскольку они тесно связаны с текстообразованием, являясь обязательным компонентом в структуре нарративных линий» [3, с. 92].

Двойственное число при оба (обѣ), дѣва (дѣвѣ)

К группе при лексемах счетно-количественного порядка оба (обѣ), дѣва (дѣвѣ) относится 16 контекстов (11 %), например: Взыгнанъ имъ из города, и посадиша ѿ татаровѣ на болонь возлѣ Вислы и сѣдоша два дни на болонь тоже поучаша избивати на ‘Их выгнали из города, и разместили их татары на болонье около Вислы, и были они два дня на болонье, потом их стали убивать всех’ (ВЛ/1261); изогна Миндовга, тоу же и оуби его и уба с(ъ)на его ‘неожиданно напал на Миндовга и убил его, и двух его сыновей’ (ВЛ/1263). Этот тип дв. ч., как и тип, описанный ранее, является довольно стабильным и системным в ранних памятниках письменности, поэтому некоторые ученые считают его «застывшей формулой»: «Таким образом, наиболее устойчиво формы двойств. ч. сохраняются: 1) в сочетании со словами *два, оба* (почти до XVIII в.: их считают “застывшими формулами”» [1, с. 216] – или рассматривают как «устойчивые (фразеологизированные)» [5, с. 161] сочетания, сохранившиеся и в современной разговорной речи. Нередко можно встретить контексты, где оба (обѣ), дѣва (дѣвѣ), входя в состав составного подлежащего с количественным значением, способны распространять контекстно-грамматическую числовую семантику на другие лексемы, которые находятся в составе предложения и зависят от этих лексем внутри контекста, благодаря чему создается общее согласование по дв. ч. (конгруэнтная связь), например: Напередъ же возлѣзоста два Татари на городъ с хоругвою, и поидоста по городу сѣкучи и водучи ‘Впереди других на стену влезли два татарина с знаменем и пошли по стене, рубя и коля’ (ВЛ/1261). В некоторых случаях дѣва входит в состав подлежащего, как в следующем контексте: токо и два баста оубита ѿ полкоу его. не подъ городомъ но во изгонѣ. он же баше Проусинъ родомъ. а другии башеть дворнзи его слоуга любимъ с(ъ)нъ боярьскый михайловичъ именемъ рахъ ‘Только двое из его полка были убиты, и не под городом, а во время перехода: один был родом прусин, а другой был придворный слуга Владимира любимый, сын боярский Михайлович, по имени Рах’ (ВЛ/1281), благодаря чему и сказуемое приобретает форму дв. ч.

К этому же типу можно отнести два контекста, где дѣва сочетается с числительным съто, отражая архаичное согласование, позднее утраченное: «Старые формы двойственного среднего рода, сохранились в сложных словах; ср.: *двѣсти* (от *съто*) с изменением по общему правилу в *двѣсти* > двести» [1, с. 235], например: Болеслав же башеть еце гордася своимъ безоумьем(м) оусмотрѣвъ верема. таково пришедъ. во двоу стоу воева околомъ Щекарева ‘А Болеслав, все еще гордясь своим безрассудством, выбрал удобное время, и пришел с двумястами воинов, и воевал около Щекарева’ (ВЛ/1282); Берестыани же собрашася и гнаша по нихъ. башеть бо лаховъ. двѣ стѣ а берестыанъ 70, башеть бо у нихъ воевода Титъ, вездѣ словзи мужьствомъ: на ратѣхъ и на ловѣхъ ‘Берестыане же собрались и погнались за ними. Было же ляхов двести, а берестыан – семьдесят, ибо был у них воевода Тит, всюду славящийся своим мужеством: и на войне, и на охоте’ (ВЛ/1282).

Двойственное число при именах собственных

Один из самых распространенных типов дв. ч. в ВЛ – это дуалис при двух именах собственных, обнаруженный в 22 контекстах (15.2 %), например: *Левъ же и Володимиръ. на радиста свою рать* ‘Лев же и Владимир снарядили свою рать’ (ВЛ/1282); *Левъ же и Володимиръ. сама не идоста. но посласта воеводы* ‘Лев и Владимир сами не пошли, а послали воевод’ (ВЛ/1282); *Кондратъ. присла ко брату своему Володимеру. мира хотя с нимъ. Володимеръ же оумириса. и науста быти во велицѣ любви* ‘Потом Кондрат прислал послов к брату своему Владимиру, желая мира с ним. А Владимир с ним заключил мир, и стали они жить в великом согласии’ (ВЛ/1279). В последнем примере употребление синдетического двойственного числа обусловлено общим контекстом ситуации, то есть семантически, а не наличием конструкции с союзом *и*, соединяющим однородные члены, как это иногда описывается (ср.: «В конструкциях с двумя именами, *соединенными союзом* (курсив наш. – Д. К.)» [1, с. 212]). Дуалис здесь употребляется не при непосредственном сочетании двух имен, как, например, в двух первых контекстах, а при значительном удалении имен друг от друга в системе предложения, что не мешает координации глагольных форм, местоимений и прилагательных по дв. ч. То же и в следующем контексте: *Троидени же пославъ пѣшцѣ. та темъ воевашеть. Володимера. а Володимеръ пославъ тако же воевашеть. и тако воевастаса лѣто цѣло* ‘Тройден, посылав тайком пехотинцев, грабил землю Владимира, а Владимир, также посылая воинов, грабил Тройдена. Так и воевали они целый год’ (ВЛ/1274). В предыдущем примере форма имперфекта (в предложении – предикат) выполняет важную контекстно-семантическую роль: она объединяет две разобщенные линии в одну, создавая смысловую завершенность.

Интересно, что в ВЛ именно в таких контекстах происходит большинство случаев замены форм дв. ч. на ед. ч., например: *Завѣтра же по взятѣи города приде Романъ и Глѣбъ с великою силою* ‘На другой день после взятия города пришли Роман и Глеб с большим войском’ (ВЛ/1274); И тако по нихъ *Шварно с Володимиромъ поиде во силѣ тяжьчѣ* ‘И так пошли Шварн с Владимиром за ляхами с большим войском’ (ВЛ/1268); *Въспоману Миндовгъ, оже Василко князь с богатыремъ воевалъ землю Литовьскую, и посла рать на Василка, и воеваша около Каменца* ‘А Миндовг вспомнил, что князь Василько с Бурундаем-богатырем воевал против земли Литовской, и послал рать против Василька, и воевали они около Каменца’ (ВЛ/1262); *Княжащу Войшелкови во Литвѣ и Шварнови, иде литва на ляхы воевать, на Болеслава князя* ‘Когда Войшелк и Шварн княжили в Литве, литовцы пошли воевать против ляхов, против князя Болеслава’ (ВЛ/1268). Всего было обнаружено пять подобных случаев. Примечательно, что глагольная форма, выполняющая роль сказуемого, указана в ед. ч., а не в ожидаемом дв. ч. и даже не во мн. ч. при сочетании двух субъектов речи, выполняющих совместное действие. Видимо, в таких контекстах сказуемое (а также причастие в составе дательного самостоятельного) может согласоваться в числе с одним из актантов (союзников по совместному действию). Подобное встречается И.С. Юрьева в тексте Галицкой летописи, не отмечая эту текстуальную особенность в ВЛ: «В тех случаях, когда говорится о братьях-союзниках, глагол иногда даже стоит в единственном числе, например: *наоутрѣа же приде Данилъ и Василко*» [6, с. 138]. Объяснить данное явление можно несколькими перечисленными далее причинами.

1. Ед. ч. могло быть в таких сочетаниях исконным, так как возникло, вероятно, благодаря греческому влиянию, где в подобных конструкциях использовалась глагольная форма в ед. ч.: «В конструкциях с двумя неличными существительными в греческом языке употре-

блялось ед. ч., т. е. атрибутивная или предикативная форма грамматически согласовывалась с синтаксически ближайшим именем» [3, с. 85].

2. Ед. ч. в таких конструкциях могло быть исконным, то есть существовавшим еще в исходном тексте, поскольку двоицы, скрепленные прежде всего семантической связью, могли восприниматься как единый, слитный герой повествования, поэтому и координация сказуемого выражается здесь формой ед. ч.

3. Можно предположить, что ед. ч. было исконным – в некоторых случаях писцом могли сознательно использоваться формы ед. ч., так как из пары мог выбираться кто-то более значимый, второй же воспринимался как прилагаемый к центральному субъекту, благодаря чему и согласование далее шло в тексте по ед. ч.

4. Ипатьевский список (и как его составная часть ВЛ) переписан в Пскове [7, с. 53] с не дошедшего до нас южного протографа – мнение, которого придерживается большинство лингвистов и историков (см. [8, с. 8; 9, с. 169]). Вероятно, имевшиеся в протографе формы дв. ч. уже не воспринимались позднейшими редакторами и писцами как живые разговорные, а возможно, вообще не были им понятны, поэтому спорадически заменялись в позднем списке на формы ед. ч.

Двойственное число при сакральных двоицах

На наш взгляд, дуалис при сочетании имен двух князей, сыновей тысяцкого, схимников и др. не может находиться в одном ряду с упоминанием сакральных имен-двоиц, поэтому мы выделяем этот тип как отдельный (вслед за [3, с. 47]). Сюда, например, можно отнести упоминание первых русских святых Бориса и Глеба, использованных в качестве украшения на обложке Евангелия: *другое Еуаглие опракос же волочено оловиром и цату възложи на не с финиптѡ(м). а на неи с(зѡ)таа мѣнка Глѣбъ и Борисъ* ‘другое Евангелие апракос, обтянутое оловиром, и на него возложено украшение с финифтью, а на нем изображение святых мучеников Бориса и Глеба’ (ВЛ/1288), или библейских праведников Анны и Иоакима в качестве номинации храма: *И свѣа ю во има правѣдниковъ Акима и Анны. и слоужбоу в ней створи* ‘Освятит он ее в честь праведников Иоакима и Анны и отслужил в ней службу’ (ВЛ/1291).

В тексте ВЛ к сакральным именам-двоицам относятся два контекста (1.4 %). К типу «священных двоиц» («двандва») примыкают и сочетания двух существительных, имеющих сакральную семантику, «не случайно вещное, а идеальное сочетание двух, соразмерных друг другу» [1, с. 213] лексем. Так, в ВЛ встретился один контекст (0.7 %) с сочетанием *правда и истина*, который включен в качественную характеристику достоинств князя Владимира Васильковича, образуя конгруэнтную связь за счет синтаксической роли этого сочетания: *Г(с)дѣ не потькнеть(с). мужество и оумъ в немъ живаше правда же истина с нимъ ходаста* ‘Мужество и ум в нем жили, правда и истина с ним ходили’ (ВЛ/1288). Примечательно, что в первой части примера при таких же синтаксических условиях имперфект *живаше*, предикат при сочетании *мужество и ум*, использован в форме ед. ч., а не в дв. ч., как имперфектная форма во второй части предложения.

Двойственное число при буквенной цифири

Пять контекстов из общего количества (5.4 %) мы относим к дв. ч. при числительном, обозначенном в памятнике буквенной цифирью. Данный тип не выделяется ни в одной из классификаций как отдельный, что, на наш взгляд, несправедливо. Числовой показатель здесь не является тождественным контекстам с дв. ч. со словами *оба* (обѣ), *дѣва* (дѣвѣ), он не образует «фразеологизированного» сочетания, однако обладает схожими чертами: цифрой

могли указываться числа как первого десятка, так и второго, третьего, четвертого и т. д., важно, чтобы в цифровом показателе всегда присутствовал компонент *два* (2, 12, 52 и т. д.), благодаря чему входящая в контекстно-семантическую близость к цифре лексема также отражала дуальность, например: из Любомля поѣха до Берестѣа. и перебывъ во Берестѣи ѣ. дни. поѣха до Каменца ‘А из Любомля поехал в Берестье и, пробыв в Берестье два дня, поехал в Каменец’ (ВЛ/1287); Прологы списа ѣ. м(с)ца. изложено житїа с(вѣ)ты(х) о(тъ)цъ, и дѣанїа с(вѣ)ты(х) м(оу)ч(ь)н(и)къ како вѣ(н)чаша(с) своєю крѣвїю за Христа ‘Пролог списал на двенадцать месяцев, изложение жития святых отцов и деяния святых мучеников, как они увенчались за свою кровь, пролитую за Христа’ (ВЛ/1288). Традиционность и архаичность употребления форм дуалиса обусловлена в этом тексте отсутствием замены счетных конструкций с числовым компонентом от *двух* до *четырех* у существительных мужского рода во мн. ч. на поздние переосмысленные флексии дв. ч., например: князь Василко. оубилъ на войнахъ ѣ. братъ. Троиценевеи же про то не живаше с нимъ в любви ‘князь Василько убил в войнах трех братьев Троидена – потому он и не жил с ним в согласии’ (ВЛ/1274). В этом контексте существительное при числительном *три* еще имеет грамматическую форму мн. ч., а не позднюю переосмысленную форму дв. ч. Такую структуру О.Ф. Жолобов называет «малый квантитатив древнего образца», который, по мнению ученого, «последовательно сохранялся вплоть до начала XVII в. В XVII в. распространился новый малый квантитатив типа *два, три, четыре года*. Таким образом, *только в этот период произошла утрата грамматического значения двойственности* (курсив наш. – Д. К.)» [10, с. 34]. Подобное встречаем в ряде контекстов, в том числе и здесь: и пострижеса во Черныцѣ. и бы(с) в монастыри оу Григорыа ѣ. лѣ(т). ѿтолѣ же поиде во Сѣую Горю ‘и там постригся в монахи, и был у Григория в монастыре три года, а оттуда пошел в Святую Гору’ (ВЛ/1262).

Выводы

Анализ употребления форм дв. ч. в ВЛ позволяет сделать следующие ниже выводы.

1. В целом, функционирование дуалиса в изучаемом памятнике вполне последовательно и традиционно. Сочетания со счетно-количественными лексемами *оба* (*обѣ*), *дѣва* (*дѣвѣ*), а также с цифровыми показателями, где присутствует компонент *дѣва*, являются устойчивыми. Координация форм дв. ч. в прономинально-вербальном комплексе соответствует исходной древнерусской системе. Отсутствует сочетаемость числительных от *двух* до *четырех* с переосмысленными формами дв. ч., что появляется позднее.

2. Исследование показало, что мена форм исконного дв. ч. на мн. ч. sporadически возможна на раннем этапе только для парных существительных при достаточной прочности их общего дуального употребления в тексте переписанного памятника конца XIV – начала XV в., вероятно, отражающего особенности протографа конца XIII в. Это в целом согласуется с выводом О.Ф. Жолобова о том, что «во второй половине XIII в. грамматический статус дв. ч. изменился, но парные обозначения по-прежнему довольно устойчиво сохраняли дуальное употребление» [3, с. 101].

3. Нами были отмечены такие особенности памятника в употреблении дуальных форм, как периодически возникающее согласование по ед. ч. глаголов в тех контекстах, где мы ожидали бы возможное дв. ч. или его замену на мн. ч. в случае сочетания двух субъектов, связанных семантико-синтаксической связью.

И.С. Юрьева, изучавшая язык ВЛ, пришла к выводу о том, что «текст этой летописи достаточно близок к живому языку» [11, с. 77]. Проведенное в настоящей работе исследо-

вание функционирования дв. ч. на материале этого же памятника позволяет поддержать ее вывод – грамматически верное употребление древних форм дуалиса в ВЛ без значительных отклонений, отраженное в более позднем Ипатьевском списке летописи, может говорить о том, что дуалис в конце XIII в. на юго-западе Древней Руси был еще достаточно живой грамматической формой, что подтверждается летописными текстами, где «присутствуют как народно-разговорные, так и книжнославянские элементы» [12, с. 3].

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

Источники

ИЛ – Ипатьевская летопись (Ипатьевский список, БАН, 16.4.4, перв. пол. (сер.?) XV в.).
ГВЛ – Галицко-Волынская летопись (Подготовка текста, перевод и комментарии О.П. Лихачевой) // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. СПб.: Наука, 1997. Т. 5: XIII век. С. 184–357.
НКРЯ – Национальный корпус русского языка. 2003–2023. URL: <https://www.ruscorpora.ru>, свободный.
ПСРЛ – Волынская летопись // Ипатьевская летопись. (Полное собрание русских летописей. Том второй). М.: Языки русской культуры, 1998. Стб. 848–938.

Литература

1. Колесов В.В. Историческая грамматика русского языка. СПб.: СПбГУ, 2010. 512 с.
2. Караваева П.Ю. Особенности употребления форм двойственного числа в «Сборнике житий греческих святых преподобного Нила Сорского» // Вестн. ВолГУ. Сер. 2. Языкознание. 2015. № 3 (27). С. 33–41. <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.3.4>.
3. Жолобов О.Ф., Крысько В.Б. Историческая грамматика древнерусского языка. Т. II. Двойственное число. М.: Азбуковник, 2001. 235 с.
4. Иорданиди С.И. Существительное // Древнерусская грамматика XII–XIII вв. М.: Наука, 1995. С. 170–294.
5. Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка. М.: Высш. школа, 1981. 359 с.
6. Юрьева И.С. Некоторые особенности синтаксиса, морфологии и лексики так называемой Галицко-Волынской летописи // Лингвистическое источниковедение и история русского языка, 2012–2013 гг. М.: Дрелехранилище, 2013. С. 135–151.
7. Шахматов А.А. Повесть временных лет. Т. I. Вводная часть. Текст. Примечания. Пг.: Археогр. комис., 1916. 403 с.
8. Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах: С прил. 2 вариантов текста Начала земли Русьсте. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908. 687 с.
9. Майоров А.В. Из истории открытия Ипатьевской летописи // Российская история. М.: Наука, 2017. С. 166–183.
10. Жолобов О.Ф. История двойственного числа и количественных конструкций в русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1998. 36 с.
11. Юрьева И.С. Лингвистические параметры стилистических различий между Галицкой и Волынской летописями // Письменность Галицко-Волынского княжества: историко-филологические исследования. Olomouc: Univ. Palackého v Olomouci, 2016. С. 65–77.
12. Зайнуллина С.Р. Традиционные формулы русских летописей: структура и семантика (на материале «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2015. 20 с.

References

1. Kolesov V.V. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical Grammar of the Russian Language]. St. Petersburg, SPbGU, 2010. 512 p. (In Russian)
2. Karavaeva P.Yu. The use of dual forms in the Collection of Lives of Greek Saints by Nilus of Sora. *Vestnik VolGU. Seriya 2. Yazykoznanie*, 2015, no. 3 (27), pp. 33–41. <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.3.4>. (In Russian)
3. Zholobov O.F., Krys'ko V.B. *Istoricheskaya grammatika drevnerusskogo yazyka* [Historical Grammar of the Old Russian Language]. Vol. II: Dual number. Moscow, Azbukovnik, 2001. 235 p. (In Russian)
4. Iordanidi S.I. Noun. In: *Drevnerusskaya grammatika XII–XIII vv.* [Old Russian Grammar in the 12th–13th Centuries]. Moscow, Nauka, 1995, pp. 170–294. (In Russian)
5. Gorshkova K.V., Khaburgaev G.A. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical Grammar of the Russian Language]. Moscow, Vyssh. Shk., 1981. 359 p. (In Russian)
6. Yur'eva I.S. Syntactic, morphological, and lexical features of the so-called Galician-Volhynian Chronicle. In: *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka, 2012–2013 gg.* [Linguistic Source Studies and History of the Russian Language, 2012–2013]. Moscow, Drevlekhranilishche, 2013, pp. 135–151. (In Russian)
7. Shakhmatov A.A. *Povest' vremennykh let* [The Russian Primary Chronicle]. Vol. I: Introduction. Petrograd, Arkheogr. Kom., 1916. 403 p. (In Russian)
8. Shakhmatov A.A. *Razyskaniya o drevneishikh russkikh letopisnykh svodakh: S pril. 2 variantov teksta Nachala zemli Rus'ste* [Studies on the Earliest Russian Chronicles: With Two Versions of “The Beginning of the Russian Land”]. St. Petersburg, Tip. M.A. Aleksandrova, 1908. 687 p. (In Russian)
9. Maiorov A.V. From the history of the discovery of the Hypatian Codex. In: *Rossiiskaya isotriya* [Russian History]. Moscow, Nauka, 2017, pp. 166–183. (In Russian)
10. Zholobov O.F. A history of the dual number and quantitative structures in the Russian language. *Extended Abstract of Dr. Sci. (Philology) Diss.* Moscow, 1998. 36 p. (In Russian)
11. Yur'eva I.S. Linguistic parameters of stylistic differences between the Galician and Volhynian Chronicles. In: *Pis'mennost' Galitsko-Volynskogo knyazhestva: istoriko-filologicheskie issledovaniya* [The Writing System of the Galician–Volhynian Principality: Historical and Philological Studies]. Olomouc, Univ. Palackého v Olomouci, 2016, pp. 65–77. (In Russian)
12. Zainullina S.R. Traditional formulas of Russian chronicles: Structure and semantics (a case study of the Russian Primary Chronicle according to the Laurentian Codex. *Extended Abstract of Cand. Sci. (Philology) Diss.* Izhevsk, 2015. 20 p. (In Russian)

Информация об авторах

Каменев Даниил Максимович, магистрант кафедры русского языка, Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: kamenev.daniel2000@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-9136-5238>

Author Information

Daniil M. Kamenev, Master's Student, Department of Russian Language, St. Petersburg State University

E-mail: kamenev.daniel2000@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-9136-5238>

Поступила в редакцию 10.09.2024

Принята к публикации 19.11.2024

Received September 10, 2024

Accepted November 19, 2024

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Оригинальная статья

УДК 17:172.4:34:341:343.3/.7

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.139-157>

Основные механизмы этического регулирования военной робототехники

Д.С. Кийко

*Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова,
г. Казань, 420111, Россия*

deniskiiko@yandex.ru

Аннотация

В настоящей статье изучены этические аспекты и механизмы регулирования в области военной робототехники, что приобретает особую значимость в свете быстрого развития технологий и их военного применения. Проанализированы ключевые термины, такие как автономные системы вооружений, военный искусственный интеллект и этическое регулирование; особое внимание уделено точному определению понятий для обеспечения согласованности научных и практических подходов. Также прослеживается эволюция использования технологий в военных целях начиная с простых автоматических систем и заканчивая современными автономными роботами, что помогает выявить закономерности в формировании этических и правовых норм. Особый акцент сделан на текущих вызовах, таких как безопасность, распределение ответственности, принятие решений и возможные моральные дилеммы. Отмечены риски, связанные с автономией военных систем, в том числе недостаток четкого контроля и регулирования. Сделан вывод о том, что международный диалог и комплексный подход к регулированию, включая разработку унифицированных стандартов и внедрение механизмов контроля, являются необходимыми условиями предотвращения моральных и правовых рисков, связанных с военной робототехникой.

Ключевые слова: автономные системы вооружения, безопасность, военная робототехника, искусственный интеллект, международное гуманитарное право, ответственность, этическое регулирование

Для цитирования Кийко Д.С. Основные механизмы этического регулирования военной робототехники // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2025. Т. 167, кн. 1. С. 139–157. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.139-157>.

Original article

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.139-157>

Key mechanisms of ethical regulation in military robotics

D.S. Kiiko

Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov, Kazan, Russia

deniskiiko@yandex.ru

Abstract

In light of the rapid advance in technology and its military applications, integrating ethical action mechanisms into robots has become increasingly important. This article examines the ethical principles of military robotics. The main concepts related to robot ethics, including autonomous weapons systems, military artificial intelligence, and ethical regulation, were analyzed, with an emphasis on their precise definition to ensure consistency between theoretical and practical approaches. The evolution of military technology, from basic automatic systems to modern autonomous robots, was traced, along with the development of ethical and legal norms for its use. Some of the current challenges, such as security, responsibility allocation, decision-making, and possible moral dilemmas, were pointed out. The risks associated with the autonomy of military systems, especially the lack of clear oversight and regulation, were identified. The results obtained reveal that international dialogue and an integrated regulatory approach, assuming the development of unified standards and the introduction of oversight mechanisms, are necessary for preventing moral and legal risks posed by military robotics.

Keywords: autonomous weapons systems, security, military robotics, artificial intelligence, international humanitarian law, responsibility, ethical regulation

For citation: Kiiko D.S. Key mechanisms of ethical regulation in military robotics. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2025, vol. 167, no. 1, pp. 139–157. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.139-157>. (In Russian)

Введение

В условиях стремительного технологического прогресса и глобализации вопросы этического регулирования военной робототехники приобретают особую актуальность. Использование автономных систем вооружения, основанных на технологиях искусственного интеллекта (далее – ИИ), вызывает дискуссии в философском, правовом и политическом сообществах. Эти системы обладают потенциалом для повышения эффективности военных операций, но одновременно создают новые вызовы в области безопасности, морали и ответственности. Главная цель настоящего исследования – выявить основные механизмы этического регулирования в области военной робототехники и предложить подходы к минимизации рисков, связанных с ее использованием.

Согласно нашей гипотезе, эффективное регулирование возможно только через сочетание международных норм, технологических стандартов и правовых механизмов, основанных на принципах гуманизма и уважения к международному гуманитарному праву. В перспективе работа направлена на формирование целостного понимания проблемы, что может

стать основой для разработки новых стандартов и подходов к применению автономных систем вооружения.

Методологической основой исследования являются сравнительный анализ современных научных подходов, изучение международных норм и прецедентов, а также исторический метод, позволяющий выявить закономерности в развитии технологий и этики. Применены принципы системного и междисциплинарного подходов, позволяющие учитывать как технические, так и социально-правовые аспекты проблемы.

Весомый вклад в разработку вопросов этического регулирования военной робототехники внесли труды таких ученых, как Е.Н. Агibalова, Н.Н. Апостолова, И.Р. Бегишев, Д.В. Воробьев, Я.В. Гайворонская, А.А. Карцхия, А.С. Полякова др. Среди зарубежных авторов вышеуказанную проблему рассматривали Дж. Баррат, Й. Ван ден Бугаард, Ф. Зауэр, Р. Кало, М. Хоровиц, П. Шарре и др. Также в ходе исследования были проанализированы международные документы, включая конвенции Организации Объединенных Наций (далее – ООН), резолюции Европейского парламента и Международного комитета Красного Креста (далее – МККК).

Несмотря на значительное внимание к обозначенной теме, многие ее аспекты остаются недостаточно изученными, включая конкретные механизмы распределения ответственности и обеспечения безопасности при использовании военной робототехники. Настоящая работа стремится заполнить этот пробел и внести вклад в развитие этического и правового регулирования в указанной сфере.

1. Основные понятия и подходы к этическому регулированию военной робототехники

1.1. Определение понятий

Этическое регулирование в сфере военной робототехники требует четкого определения ключевых терминов, которые служат основой для анализа. Однако, говоря об определении понятий и терминов, следует подчеркнуть, что зачастую среди ученых нет четкого и единого понимания того, как трактовать их в рамках рассматриваемой проблемы. Так, по мнению А. Войкулеску, определение понятия «робот» вызывает трудности ввиду того, что процесс его разработки включает в себя как технологический, так и правовой и этический аспекты, а также требует специальных знаний из других областей науки, в том числе медицины и биологии [1]. В свете указанного факта кажется ошибочным полагать, что для определения понятий, связанных с проблемами применения робототехники, достаточно ограничиваться представлениями о технических особенностях роботов.

Наиболее соответствующим реальности определением «робота» видится предложенное И.Р. Бегишевым суждение о том, что это «продукт достижений цифровых технологий, управляемый средствами заложенной в него программы и способный как к выполнению заранее запрограммированных человеком действий, так и к автономному решению задач» [2, с. 13].

В соответствии с вышесказанным можно сформулировать определение термина «военная робототехника»: это область разработки и применения автономных или полуавтономных систем, предназначенных для выполнения задач в военных операциях. Подобные системы включают роботизированные устройства, использующие ИИ, сенсорные технологии и алгоритмы машинного обучения для выполнения сложных задач без непосредственного контроля человека.

Непосредственно «военным роботом» является техническое устройство, оснащенное средствами автономного или дистанционного управления, предназначенное для выполне-

ния задач в условиях, связанных с боевыми действиями. Такие устройства подразделяются на полностью автономные, выполняющие задачи без вмешательства человека, и полуавтономные, требующие участия оператора для принятия критических решений.

Говоря об автономном управлении, необходимо определить суть автономной робототехники. Так, Р. Крутоф пришла к выводу, что деятельность «автономных роботов» основана на анализе собранной информации и запрограммированных ограничений, а сами автономные роботы способны самостоятельно выбирать цели и поражать их. В свою очередь, система вооружения считается «полуавтономной», если человек-оператор должен предпринять определенные действия, прежде чем будет выбрана конкретная цель или нанесен удар по ней [3, р. 918], вследствие чего необходимо определить сущность «автономных систем вооружения», которые, по нашему мнению, являются особым классом технологий, способных самостоятельно идентифицировать цели, принимать решения об их поражении и осуществлять боевые действия. Их использование вызывает значительные этические и правовые вопросы, поскольку такие системы могут действовать без прямого вмешательства человека, что усложняет распределение ответственности за их действия.

Наконец, поскольку деятельность объектов робототехники, включая военных роботов, основана на технологиях ИИ, важным представляется определение сущности понятия «военный искусственный интеллект». Он относится к области применения методов машинного обучения, обработки данных и принятия решений в военной сфере. Эти технологии позволяют автоматизировать процесс анализа больших объемов информации, что повышает точность и скорость выполнения задач, но одновременно ставит вопросы о безопасности, предсказуемости и моральной приемлемости их применения.

Сформулированные выше определения создают основу для анализа этических и правовых аспектов, а также для выработки механизмов регулирования, направленных на минимизацию возможных рисков.

1.2. Исторический контекст

История использования технологий в военных целях демонстрирует тесную связь между научно-техническим прогрессом и изменениями в этических подходах к ведению войны. Изобретение и успешное применение новых военных технологий ставили перед обществом и международным сообществом вопросы о допустимости их использования и необходимости пересмотра существующих моральных норм.

Еще в Древней Греции стали разрабатывать порядок и способы ведения военных действий, а сам факт применения военной мощи противоречил идеям ограниченного насилия и ценностного приоритета мира над войной, продвигавшимся знаменитыми философами древнего мира [4, с. 113–114]. Таким образом, можно предположить, что использование подобных технологий отчасти способствовало формированию представлений о так называемой теории справедливой войны и понятии «права народов».

В Средние века с распространением арбалетов, которые рассматривались как «изобретение дьявола», впервые на международном уровне стали обсуждаться меры по запрещению определенного вида оружия, и в результате в 1139 г. Второй Латеранский собор католической церкви принял решение запретить использование арбалетов и луков в войнах между христианами [5, с. 19].

Индустриализация XIX в. привела к массовому производству летального оружия. На протяжении второй половины столетия международным сообществом разрабатывались документы по запрещению новых видов оружия. Использование отравляющих веществ во время Первой мировой войны вызвало всеобщее возмущение и стало отправной точкой для

подписания Женевского протокола 1925 г., который запретил применение химического и биологического оружия [6, р. 125–166]. Таким образом, технологии стали катализатором создания новых международных норм, направленных на регулирование использования летального оружия.

Вторая мировая война радикально изменила подход к этическому регулированию из-за появления ядерного оружия, демонстрация разрушительной силы которого побудила государства к созданию многосторонних договоренностей, результатом чего стало, например, подписание в 1968 г. Договора о нераспространении ядерного оружия. В результате изобретения новых смертоносных технологий, к которым помимо ядерного оружия стали относиться кассетные и фосфорные боеприпасы, в международном сообществе начали развиваться идеи пацифизма и теория справедливой войны (*just war*). Особую популярность последняя получила после выхода в свет по окончании войны во Вьетнаме книги М. Уолцера «Справедливые и несправедливые войны: нравственный аргумент с историческими иллюстрациями», ставшей настоящей классикой политической философии [7]. Впоследствии учеными был выработан ряд принципов (право на войну, право во время войны и право после войны), соблюдение которых способствует оценке военных действий с гуманистической и рационалистической точек зрения на ведение конфликта [8, с. 112–113].

Современный этап развития технологий связан с появлением роботизированных и автономных систем. Ведутся дискуссии о том, кто несет ответственность за их ошибки. Американский ученый М. Хоровиц, анализируя содержание дебатов по поводу этой потенциальной революции в сфере военных технологий, именно так и ставит вопрос: будет ли возможно говорить о подотчетности и ответственности человека за действия автономной системы вооружений [9, р. 25]?

Таким образом, исторический контекст показывает, что каждая новая военная технология требует адаптации этических норм и правовых стандартов. Подобный процесс неизбежен и необходим для предотвращения злоупотреблений и минимизации негативных последствий. Развитие военной робототехники представляет собой новый этап этого процесса, который ставит перед человечеством еще более сложные и неоднозначные вопросы, требующие междисциплинарного и международного подхода.

1.3. Современные вызовы

Развитие военной робототехники таит в себе множество вызовов, затрагивающих сферы безопасности, ответственности и моральных принципов. Одним из наиболее острых вопросов является непредсказуемость поведения автономных систем. Современные боевые роботы, оснащенные алгоритмами машинного обучения, способны адаптироваться и принимать решения в непредвиденных обстоятельствах. Однако даже высокоразвитые алгоритмы не гарантируют полной предсказуемости. Как отмечает П. Шарре, в боевых условиях автономные системы могут принимать решения, имеющие негативные последствия для человечества. При этом, поскольку подобные типы роботов представляют собой сложные системы с возможностью обучаться и самостоятельно действовать, со временем алгоритмы их функционирования перестают быть понятны даже самим их создателям и пользователям [10, р. 164–166].

Важным этическим и правовым вызовом остается распределение ответственности за действия автономных систем. Если военный робот совершает ошибку или нарушает нормы международного гуманитарного права, встает вопрос: кто несет ответственность за ущерб? Современное законодательство, как подчеркивает Р. Кало, не имеет четкого механизма для разрешения таких ситуаций [11, р. 542–543], что создает риск правовой неопределенности и может подталкивать к безответственному использованию технологий.

С моральной точки зрения возникает вопрос этической допустимости передачи права на принятие решений о жизни и смерти машинам. Принцип *jus in bello*, закрепленный в международном гуманитарном праве, требует различения между комбатантами и гражданскими лицами, а также запрета на нанесение чрезмерного ущерба. Однако автономные системы лишены морали, они не обладают такими качествами, как сострадание или раскаяние, что делает их решения полностью утилитарными [12, p. 30–33].

Кроме того, развитие военной робототехники порождает серьезные риски безопасности в контексте того, что взлом или захват автономных систем вооружения может привести к катастрофическим последствиям, поскольку злоумышленники имеют возможность перепрограммировать их на действия против мирного населения или критической инфраструктуры государства-владельца [2, с. 117–127]. Другими словами, уязвимость этих систем по отношению к кибератакам ставит человечество перед значительным стратегическим вызовом, требующим усиления мер киберзащиты [10, p. 190–192].

Еще одной проблемой является потенциальная гонка вооружений в области военной робототехники. Государства, стремящиеся к технологическому превосходству, могут начать ускоренное внедрение автономных систем без должного анализа последствий, что способно привести к неконтролируемому распространению таких технологий и, как следствие, к нарушению стратегической стабильности.

Учитывая все вышесказанное, следует указать на то, что современные вызовы, связанные с развитием военной робототехники, требуют не только выработки технических решений, но и комплексного международного подхода. Разработка новых этических норм и правовых механизмов, подразумевающая строгий контроль, прозрачность и диалог между государствами, станет важным шагом для минимизации рисков и предотвращения негативных последствий использования новых технологий.

2. Международные нормы и стандарты

2.1. Международное гуманитарное право

Международное гуманитарное право (далее – МГП) представляет собой совокупность норм, регулирующих поведение сторон во время войны с целью защиты лиц, не принимающих участия в боевых действиях, и ограничения методов и средств ведения войны. С развитием военной робототехники возникает необходимость адаптации этих норм к новым технологиям, которые могут изменять характер современных конфликтов.

Одним из основополагающих принципов МГП является принцип разграничения (*distinction*) между комбатантами и некомбатантами. Женевские конвенции требуют, чтобы атаки были направлены исключительно на военные цели, а не на гражданское население или объекты. Однако автономные системы, управляющиеся алгоритмами машинного обучения, сталкиваются с трудностями в идентификации целей, особенно при ведении боевых действий в условиях городской застройки, где границы между военными и гражданскими объектами размыты. Приходится констатировать, что современный уровень технологий ИИ недостаточен для гарантии соблюдения упомянутого принципа и что внедрение новых технологий без проведения тщательных испытаний может подвергнуть неоправданному риску жизнь и здоровье как военных, так и гражданских лиц [13, p. 17].

Не менее важным является принцип соразмерности (*proportionality*), в соответствии с которым ущерб для гражданского населения и объектов должен быть минимальным и соразмерным военной выгоде от атаки. Однако автономные системы, принимая решения на основе

алгоритмов, не способны учитывать весь контекст ситуации, включая эмоциональные и моральные аспекты. В этой связи необходимо отметить, что машины, действующие без надлежащего контроля со стороны человека, могут применять силу, не являющуюся необходимой для достижения поставленных целей, что противоречит нормам МГП [14, p. 258–259].

Еще одним важным аспектом международного гуманитарного права является запрет на использование средств, причиняющих излишние страдания. Имеется в виду оружие, действие которого не поддается контролю, такое как автономные боевые системы с потенциальной возможностью применения силы без должного контроля со стороны человека. Так, поскольку роботизированные системы лишены чувств, морали и этики, присущих человеку [15, с. 30], это делает их применение особенно сложным с точки зрения соблюдения гуманитарных норм.

Принцип гуманного обращения, закрепленный в Женевских конвенциях, подразумевает не только запрет на причинение излишних страданий, но и наложение на участников конфликта обязанности минимизировать негативное воздействие на гражданское население. Автономные системы, лишенные эмпатии, могут не учитывать косвенных последствий своих действий. Примером такого случая стал инцидент в Ливии, произошедший в 2020 г. и описанный в докладе Группы экспертов ООН. Турецкий автономный дрон Kargu-2, оснащенный системой распознавания целей на основе искусственного интеллекта, атаковал отступающие силы Х. Хафтара [16]. Эта модель боевого дрона обладает уникальной способностью к автономному обнаружению целей и нанесению по ним ударов. От оператора требуется лишь задать направление его полета. После описанного случая организация Human Rights Watch, выступающая за защиту прав человека, призвала отказаться от использования «роботов-убийц» и ввести запрет на разработку, производство и применение полностью автономных систем вооружения [17].

Важным дополнением к принципам разграничения, соразмерности и гуманного обращения является принцип военной необходимости, который требует, чтобы применение силы было оправдано конкретными военными целями и не приводило к необоснованным разрушениям. Однако автономные системы, запрограммированные на оптимизацию эффективности, могут игнорировать контекстуальные ограничения. Например, алгоритм, запрограммированный на уничтожение штаба противника, может выбрать метод атаки, который приведет к массовым жертвам среди гражданских лиц, что противоречит принципу военной необходимости, который был включен в раздел «Руководства по толкованию понятия “непосредственное участие в военных действиях” в соответствии с международным гуманитарным правом» [18] и впоследствии стал признаваться специалистами в качестве составной части МГП [19, p. 258–269].

Для обеспечения соблюдения норм МГП использование военной робототехники должно сопровождаться строгими ограничениями и мерами контроля. Международное сообщество, в том числе ООН и Международный комитет Красного Креста, активно исследует эту проблему. Ожидается, что международные соглашения помогут адаптировать нормы МГП к вызовам XXI в. и предотвратить эскалацию угроз, связанных с применением автономных систем в вооруженных конфликтах.

2.2. Конвенции и соглашения

Международные конвенции и соглашения играют ключевую роль в регулировании разработки и применения военных технологий, включая автономные системы вооружения. Хотя действующее международное право в значительной степени ориентировано на tradi-

ционные формы ведения войны, уже существуют нормативные акты, частично затрагивающие использование автономных систем вооружений. Однако их недостаточно для полного регулирования в сфере новых технологий, что подчеркивает необходимость разработки дополнительных соглашений.

Одной из важнейших конвенций в обозначенной области является Конвенция о «негуманном» оружии (далее – КНО), подписанная в 1981 г. Ее цель – ограничение или запрещение использования оружия, которое причиняет излишние страдания или наносит неизбирательный ущерб. В рамках пятого протокола к Конвенции рассматривается проблема самоуничтожающихся мин, что создает прецедент для обсуждения автономных систем в рамках международных нормативно-правовых актов. Однако регулирование в сфере автономных вооружений в Конвенции остается ограниченным.

На международном уровне все чаще ведутся дискуссии о необходимости уделения более пристального внимания развитию автономных систем вооружений. Например, в рамках Конференции Сторон Конвенции ООН о «негуманном» оружии с 2014 г. стала обсуждаться проблематика смертоносных автономных систем вооружений (далее – САС), что стало результатом стремительного развития последних и продемонстрировало приверженность мирового сообщества защите норм международного гуманитарного права. Однако необходимо подчеркнуть, что, хотя такие инициативы, безусловно, важны, они зачастую сталкиваются с трудностями в достижении консенсуса между государствами, активно инвестирующими в разработку ИИ и автономных технологий и нацеленными на достижение превосходства над конкурентами [20, p. 8].

Другим важным документом является Международный договор о торговле оружием, вступивший в силу в 2014 г. Хотя автономные системы в этом договоре напрямую не упоминаются, соглашение требует, чтобы государства учитывали гуманитарные риски и последствия при продаже различных видов вооружений. Представляется важным сделать замечание о том, что подобные положения, касающиеся именно автономных технологий, также должны быть адаптированы к международным нормативно-правовым актам. Кроме того, необходимо выработать структуру и критерии оценивания их потенциального воздействия на гражданских лиц.

Исследования в области автономной робототехники проводятся во многих университетских лабораториях, а также в крупных и малых компаниях, что объясняется большим коммерческим интересом к этой сфере. Интерес со стороны коммерческих структур стал мощной движущей силой развития военных технологий, а ИИ и робототехника были официально объявлены ключевыми элементами так называемой Третьей Компенсационной стратегии вооруженных сил США по противодействию растущим державам [21].

Важным шагом в развитии системы международных соглашений в рамках рассматриваемой проблематики стало принятие комитетом Генеральной Ассамблеи ООН в 2024 г. проекта резолюции по смертоносным автономным системам вооружений, в котором стороны призывают международное сообщество заняться решением проблем и вызывающих беспокойство вопросов, возникающих в результате создания и разработки подобных вооружений, а также указывают на влияние автономных роботизированных систем на мировую и региональную стабильность и безопасность. Однако, во-первых, делегации пяти государств, в том числе России, выступили против принятия данной резолюции ввиду отсутствия в ней упоминания 11 руководящих принципов в отношении таких систем вооружений, а во-вторых, даже в случае принятия резолюции она бы носила рекомендательный характер, что снижало бы ее практическую эффективность.

Таким образом, несмотря на существующие международные соглашения, регулирование в сфере автономных систем вооружения требует более детального подхода. Необходимы новые, специализированные протоколы, которые смогут учесть уникальные риски и вызовы, связанные с применением названных технологий. Международное сообщество должно активно работать над устранением правовых пробелов, чтобы предотвратить угрозы, связанные с неконтролируемым распространением и использованием автономных систем.

2.3. Роль ООН и других международных организаций

ООН также играет важную роль в координации усилий государств по обсуждению международных стандартов в рамках Генеральной Ассамблеи и других специализированных органов. В частности, Генеральная Ассамблея в своих ежегодных резолюциях по вопросам разоружения подчеркивает необходимость усиления контроля за военными технологиями, включая автономные системы, чтобы предотвратить их неконтролируемое распространение.

Одним из центральных форумов для подобных дискуссий является Группа правительственных экспертов, созданная в рамках Конвенции о «негуманном» оружии. С 2014 г. Группа активно обсуждает технические, правовые и этические аспекты автономных систем вооружения. Согласно отчету Группы за 2019 г., государства-участники путем консенсуса приняли 11 руководящих принципов в отношении САС [22].

Кроме того, значительный вклад в регулирование автономных систем вооружений вносит МККК. В своем докладе 2021 г. он выделяет важность разработки норм, которые обеспечат гуманное использование автономных систем. Организация подчеркивает, что автономное оружие должно быть подконтрольно человеку на всех этапах его применения, чтобы предотвратить нарушения гуманитарного права [23].

Европейский союз также принимает активное участие в обсуждении обозначенной проблемы. В резолюции Европейского парламента от 12 сентября 2018 г. ЕС призвал к введению международного запрета на системы вооружения, действующие без контроля человека [24]. Эта инициатива отражает растущую озабоченность стран Европы рисками эскалации конфликтов и их гуманитарными последствиями.

Ряд неправительственных организаций активно выступает за введение строгого запрета на использование автономных боевых систем. Одной из ведущих инициатив в этой области является кампания Stop Killer Robots, запущенная в 2012 г. В ее состав входят такие организации, как Human Rights Watch и Международный комитет по контролю за оружием роботов. Цель названной кампании – запретить разработку, производство и применение автономных систем вооружения. Это позволит сохранить человеческий контроль над жизненно важными решениями, которые могут приниматься в бою, при охране порядка и в других ситуациях. Необходимость подобных инициатив объясняется чрезвычайно высокой военной значимостью предполагаемых технических возможностей автономных систем вооружения [25, р. 11].

Особое место в регулировании киберопераций занимает «Таллинское руководство 2.0» – неофициальный научный документ, разработанный экспертами НАТО в 2017 г. Несмотря на рекомендательный характер, оно служит ориентиром для государств в интерпретации норм международного права применительно к киберпространству.

В контексте военной робототехники ключевыми являются следующие положения [26]:

- 1) Правило 31 требует, чтобы автономные системы, включая алгоритмы искусственного интеллекта, могли отличать военные объекты от гражданских (принцип разграничения);
- 2) согласно Правилу 51, кибератаки на системы управления автономным оружием должны соответствовать принципу пропорциональности, исключая чрезмерный ущерб;

3) Правило 6 возлагает на государства ответственность за кибератаки, совершаемые с их территории, даже если они осуществляются негосударственными акторами, такими как хакерские группы.

Хотя в руководстве четко не упоминаются автономные системы, его положения коррелируют с требованиями ст. 36 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям, обязывающей оценивать новые виды оружия на соответствие МПП. Это особенно актуально для ИИ-систем, способных к самообучению: как подчеркивают эксперты ООН, отсутствие «этических ограничителей» в их алгоритмах может привести к непредсказуемым нарушениям принципа гуманности [27].

Таким образом, ООН и другие международные организации, в том числе и неправительственные, играют ключевую роль в координации усилий по разработке этических стандартов для автономных систем вооружения. Однако отсутствие полного консенсуса между державами замедляет процесс разработки универсальных норм.

3. Этические дилеммы и проблемы

3.1. Ответственность за действия роботов

Вопрос ответственности за действия автономных систем вооружения занимает центральное место в дискуссиях о правовом и этическом регулировании в области военной робототехники. Проблема заключается в том, что автономные системы принимают решения без непосредственного участия человека, что усложняет определение субъекта ответственности за возможные правонарушения, а единые подходы к правовому регулированию систем ИИ на сегодняшний день отсутствуют, о чем упоминалось еще в Концепции регулирования технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2023 г. [28].

Обозначенный вопрос активно обсуждается как зарубежными, так и отечественными исследователями. Так, Е.Н. Агibalова говорит о том, что ученых, исследующих данную проблему, можно разделить на сторонников присвоения ИИ статуса объекта или статуса субъекта права. Говоря об ответственности, исследователь считает логичным применять смешанный режим, предполагающий разные режимы ответственности для разных роботов в зависимости от степени их опасности для общества [29, с. 21–22]. Однако сегодня традиционно принято рассматривать ИИ как инструмент в руках человека – реального нарушителя и исполнителя правонарушения, и, следовательно, человек несет ответственность за действия систем ИИ [30].

Н.Н. Апостолова также отмечает, что в современном мире ответственность за действия роботов, какими бы мощными ни были их алгоритмы и системы мышления, должен нести человек, поскольку именно он создает и программирует машину [31, с. 113]. По ее мнению, предложения наделить ИИ особой правоспособностью и признать его субъектом права, который несет ответственность за свои действия, могут быть применимы лишь по отношению к гражданско-правовой сфере, поскольку для рассмотрения данного вопроса в рамках административного и уголовного права робот должен осуществлять права и выполнять обязанности осознанно, то есть иметь равнозначную человеческой оценку себя, своих поступков и действий [31, с. 114].

О необходимости подконтрольности робота с ИИ человеку, ответственному за его действия, говорит и А.А. Карцхия, который считает: хотя робот и может действовать самостоятельно, необходимо исходить из того, что он должен действовать «под контролем» человека, и призывает к созданию правовых норм и правил для роботов с ИИ. Ученый также признает своевременность постановки вопроса о правовом статусе роботов с ИИ,

однако, как и Н.Н. Апостолова, рассматривает такую возможность только в рамках гражданского права [32, с. 30].

Особую проблему представляет распределение ответственности за нарушение норм МГП. Если автономная система нарушает закон, возникает вопрос, кто должен нести за это ответственность: программист, оператор, командир или государство, использующее технологию? Как уже отмечалось ранее, существующий правовой вакуум затрудняет привлечение кого-либо к ответственности в подобных ситуациях [11, р. 542–543]; данный факт указывает на необходимость комплексного подхода к решению вопроса об ответственности за ущерб, причиненный автономным роботом, что подразумевает выработку системы оценки его функционирования, составление специальных требований к разработке и эксплуатации [33, с. 56].

Однако следует отметить, что в международном праве существуют конкретные нормы, которые могут быть применены к вопросу об ответственности за действия автономных систем. Так, в соответствии со ст. 57 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям, участники вооруженного конфликта обязаны принимать все необходимые меры для предотвращения потерь среди мирного населения [34]. В случае нарушения указанной нормы автономной системой, ответственность может быть возложена на командира, санкционировавшего ее применение, в соответствии со ст. 28 Римского статута Международного уголовного суда («Ответственность командиров и других начальников») [35]. Ст. 23 Гаагской конвенция 1907 г. также запрещает использование оружия, которое причиняет «излишние страдания», что может быть применимо и к случаям некорректного функционирования искусственного интеллекта [36]. Таким образом, существующие нормы позволяют привлечь к ответственности операторов и разработчиков автономных систем, но требуют уточнения в контексте их автономности.

Кроме того, говоря о международном подходе к правовому регулированию отношений, связанных с робототехникой, В.В. Берггольц рассматривает примеры азиатских стран, ставших первопроходцами в разработке нормативно-правовых документов, регулирующих взаимоотношения между человеком и ИИ. Так, например, в Южной Корее путем закрепления доктринальных положений была зафиксирована необходимость регулирования деятельности создателей роботов, а также тех, кто их использует [37, с. 23].

Таким образом, исследователи предлагают широкий спектр подходов к решению проблемы ответственности за действия автономных систем вооружения, которые включают в себя как совершенствование международного законодательства, так и разработку свода правил, повышающих прозрачность и подотчетность таких систем.

3.2. Этические аспекты принятия решений

Одним из наиболее спорных вопросов, связанных с использованием автономных систем вооружения, является проблема принятия решений о применении силы. Эта дискуссия касается не только технологических возможностей, но и глубоких этических и правовых аспектов, связанных с моральной допустимостью делегирования таких решений машине.

Рассмотрим гипотетическую ситуацию, которая могла бы произойти в реальности. Автономная система ошибочно идентифицировала группу детей с игрушечными пистолетами в руках как вооруженных боевиков. Лишь благодаря экстренному вмешательству оператора удалось предотвратить возможную атаку. Эта гипотетическая ситуация демонстрирует необходимость внедрения многоуровневых протоколов проверки целей. Внедрение и развитие технологий ИИ с алгоритмами, оценивающими вероятность ошибки, могли бы снизить подобные риски, но перспектива их интеграции в военные системы остается спорной из-за возможного снижения скорости реакции.

Принятие решений в боевых условиях требует соблюдения норм международного гуманитарного права, таких как принципы разграничения и пропорциональности. Машинам (даже с продвинутыми алгоритмами ИИ) сложно интерпретировать контекст, который часто бывает неструктурированным и многозначным. Например, распознавание гражданских лиц в боевой зоне может зависеть от множества факторов, которые нельзя предугадать при составлении алгоритма.

Ученые выделяют пять шагов при принятии решения автономным роботом: получение информации, ее анализ, генерация нескольких вариантов действий и компьютерный расчет последствий, выбор определенного варианта и, наконец, действие, соответствующее выбранному решению. С точки зрения этических принципов ключевыми этапами для робота являются процессы генерации альтернатив и выбора решения. Рассматривая функционирование робота с позиции морали и этики, важно заметить, что его действия должны не только соответствовать этическим нормам, но и осуществляться в результате процесса, который морально обязывает его следовать этим нормам [38, p. 160].

Однако, поскольку, как уже говорилось ранее, моральными принципами робот не обладает, для обеспечения соблюдения этических принципов в процессе принятия решений необходимо участие человека, так как только он способен учитывать не только юридические, но и моральные последствия применения силы. Описанный выше подход основывается на введенном в юридические и политические дискуссии принципе «значимого человеческого контроля» (*meaningful human control*), который требует, чтобы решения о применении летальной силы оставались под контролем человека на всех этапах – от программирования до исполнения. Сторонники этого подхода убеждены, что подотчетность и подконтрольность робота человеку должны быть сохранены во всех сферах, где на карту поставлены основные права человека, такие как право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность [39, p. 11]. Учеными выделяются два условия сформулированного принципа. Во-первых, автономная система должна быть способна отслеживать соответствующие человеческие (моральные) принципы. Во-вторых, эффективный контроль со стороны человека требует, чтобы автономная система следовала принципам, которые отражают моральные убеждения людей, разрабатывающих и внедряющих ее [39, p. 11–12].

Этическая дилемма, таким образом, заключается в поиске баланса между эффективностью автономных систем и необходимостью сохранения человеческого контроля для обеспечения моральной и правовой подотчетности. Решение обозначенного вопроса требует не только технологических решений, но и четкой нормативно-правовой базы, которая бы регулировала допустимые границы автономности таких систем.

3.3. Проблемы безопасности и контроля

Развитие автономных систем вооружения порождает многочисленные риски для международной безопасности, требующие тщательного анализа и выработки эффективных методов контроля. Эти системы, благодаря высокой скорости принятия решений и способности действовать автономно, могут стать как инструментом повышения обороноспособности, так и источником угрозы для глобальной стабильности.

Одной из центральных проблем рассматриваемой сферы является распределение ответственности за использование летального автономного оружия. Большинство экспертов сходятся во мнении, что виновным в совершении роботом летальной ошибки должен быть назначен человек. По мнению Д. Макдермотта, виновным может быть программист, который ввел в программу код, приведший к нанесению автономным оружием ущерба [40, p. 111]. Р. Спарроу считает, что единственным способом решения данной про-

блемы является возложение ответственности на военного командира, который непосредственно отдает приказы об использовании летального автономного оружия, но в то же время, если робот принимает решения самостоятельно, возложение ответственности за причиненный им вред на человека уже не кажется таким однозначным решением [41, р. 64, 74]. Таким образом, как отмечает И.Р. Бегишев, возникает так называемый разрыв ответственности, когда ответственность не может быть возложена ни на одну из сторон [33, с. 78].

Не менее серьезной угрозой остается уязвимость систем автономного вооружения. Исследования в области кибербезопасности подчеркивают, что такие системы могут стать мишенью для хакерских атак, а это приведет к выходу автономного оружия из-под контроля человека. Взлом системы управления автономным оружием или самостоятельный его выход из-под человеческого контроля в результате действия алгоритмов машинного обучения может привести к его перенаправлению на цели, не предусмотренные операторами, включая союзные силы и гражданское население [10, р. 221].

Уязвимость автономных систем к кибератакам становится все более очевидной, и это подтверждается случаями взлома даже невоенных роботов. В 2017 г. специалисты компании IOActive продемонстрировали, как робот Alpha 2, предназначенный для помощи в быту, может быть использован в качестве опасного для человека устройства. Через USB-порт на корпусе исследователи внедрили вредоносный код, который заставил робота атаковать объекты с использованием отвертки. В тестовом режиме робот «изрешетил» помидор, имитируя применение силы [42]. Подобная уязвимость представляет серьезную опасность в случае военной робототехники. Например, дроны, использующие Android-платформы, теоретически могут быть перепрограммированы для атак на союзников или инфраструктуру. Как отмечает американский предприниматель и государственный деятель И. Маск, «ИИ представляет собой одну из самых серьезных угроз [для человечества]. Впервые мы сталкиваемся с ситуацией, когда у нас есть нечто, что будет намного умнее самого умного человека. Неясно, сможем ли мы контролировать это, но я думаю, что нужно стремиться направить [технологии] в выгодном для человечества направлении» [43].

Еще одним значительным риском является технологическая гонка вооружений и незаконный оборот летального автономного оружия. Неконтролируемое распространение автономного оружия может привести к его попаданию в руки недобросовестных акторов, включая террористические организации [33, с. 80].

Для минимизации рисков предлагаются подходы, перечисленные ниже.

1. Международное регулирование и стандарты. Введение единых норм, регулирующих разработку и применение автономного оружия, рассматривается в качестве основного способа контроля. Такие организации, как ООН, уже ведут дискуссии о создании глобального договора, аналогичного КНО.

2. Нормативное закрепление ответственности. Необходимо четкое определение ответственных за совершение автономными системами вооружений преступлений и причинение вреда. Важно на правовом уровне закрепить роль и уровень ответственности создателей, программистов и военных командиров, непосредственно участвующих в функционировании летальных автономных вооружений. Однако, как справедливо заметили Я.В. Гайворонская и О.И. Мирошниченко, опережающее правовое регулирование в этой области неуместно, и наиболее разумным будет постепенное внедрение в правовое регулирование концепций наделяния цифровых акторов тем или иным уровнем правосубъектности начиная от уровня исключительной правосубъектности до полной инклюзивности [44, с. 201–202].

3. Многоуровневый контроль. Эксперты предлагают внедрить механизмы комбинированного контроля, при которых автономные системы действуют в тесной связке с операторами-людьми. Подобные механизмы включают как предварительное программирование систем в соответствии с нормами права, так и возможность вмешательства человека на любом этапе выполнения задачи.

4. Обеспечение кибербезопасности, ключевым направлением которой остается защита систем управления автономными системами вооружения от кибератак. Необходимым видится создание закрытых каналов связи и использование методов ИИ для выявления и предотвращения вторжений.

5. Тестирование и сертификация. Любая автономная система перед своим внедрением должна проходить строгие тесты на соответствие нормам безопасности и гуманности. Представляется важным формирование независимой сертификации таких систем.

Таким образом, решение проблем безопасности и контроля автономных систем вооружения требует комплексного подхода, включающего как технические, так и нормативно-правовые меры. Внедрение подобных инициатив будет способствовать минимизации рисков и обеспечению их использования в соответствии с международными нормами.

Заключение

Исследование этических аспектов регулирования военной робототехники подтвердило, что развитие автономных систем вооружения влечет за собой как значительный потенциал для повышения эффективности военных операций, так и множество рисков. Эти риски касаются и юридической, и моральной ответственности за действия автономных систем, их соответствия нормам международного гуманитарного права и обеспечения контроля над их использованием.

Военная робототехника представляет собой новую технологическую область, которая требует переосмысления существующих подходов к регулированию. Основным вызовом остается необходимость адаптации международных норм и стандартов к быстро развивающимся технологиям. Современные конвенции, такие как Конвенция о «негуманном» оружии, дают основу для регулирования, однако они недостаточны для охвата всех аспектов применения и функционирования летального автономного оружия.

Международное сообщество, в том числе ООН, предпринимает активные меры для выработки глобального консенсуса. Введение концепции значимого человеческого контроля (meaningful human control) становится важным шагом для предотвращения передачи полного контроля в руки роботов. Это обеспечит соблюдение фундаментальных принципов разграничения, соразмерности, военной необходимости и др., что подчеркнуто в докладах рабочих групп и исследовательских центров.

Особое значение приобретают интеграция норм Таллинского руководства в правовую практику государств, а также разработка протоколов, учитывающих приведенные выше принципы при программировании и использовании автономных систем.

Перспективы развития этического регулирования связаны с несколькими направлениями. Во-первых, это дальнейшее расширение и унификация международных соглашений, которые будут включать не только запреты, но и обязательные требования к проектированию, тестированию и внедрению автономных систем вооружения; во-вторых, повышение прозрачности разработок и создание механизмов, обеспечивающих контроль над использованием таких технологий, включая независимую сертификацию и мониторинг. В-третьих,

необходимо продолжить исследования в области интеграции этики и технологий, чтобы на этапе проектирования учитывались моральные и правовые аспекты их применения.

Особое значение приобретает междисциплинарный подход, объединяющий юристов, инженеров, военных экспертов и философов. Этот подход способен предложить комплексные решения, минимизирующие возможные негативные последствия использования автономного оружия. Активная работа в этой области уже ведется в рамках академических исследований и инициатив гражданского общества, таких как кампания Stop Killer Robots.

В долгосрочной перспективе успех регулирования военной робототехники будет зависеть от готовности государств сотрудничать и принимать обязательства, направленные на защиту международной безопасности и соблюдение гуманитарных принципов. Это особенно важно в эпоху, когда технологические прорывы опережают развитие и адаптацию законодательства, а риски, связанные с автономными системами, становятся все более реальными. Обеспечение сбалансированного подхода, который одновременно поддерживает инновации и предотвращает возможные злоупотребления, остается ключевой задачей для всех участников этого процесса.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

Литература

1. Voiculescu A. Reflections on the EPSRC Principles of Robotics from the new far-side of the law // Connect. Sci. 2017. V. 29, No 2. P. 160–169. <https://doi.org/10.1080/09540091.2017.1313818>.
2. Бегушев И.П. Уголовно-правовая охрана общественных отношений, связанных с робототехникой: дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2022. 506 с.
3. Crootoof R. War, responsibility, and killer robots // N. C. J. Int. Law Commer. Regul. 2015. V. 40, No 4. P. 909–932.
4. Прокофьев А.В. Проблемы теории справедливой войны // Этическая мысль. 2019. Т. 19, № 2. С. 112–127.
5. Арбатов А.Г. Стратегическая стабильность – оружие и дипломатия. М.: Весь Мир, 2021. 432 с.
6. Krepon M., Caldwell D. The Politics of Arms Control Treaty Ratification / Ed. by M. Krepon, D. Caldwell. New York, NY: Palgrave Macmillan, 1991. viii, 486 p. <https://doi.org/10.1007/978-1-137-04534-8>.
7. Walzer M. Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations. New York, NY: Basic Books, 2015. 416 p.
8. Куманьков А.Д. Философия войны: краткий очерк истории // Логос. 2019. № 3. С. 99–116.
9. Horowitz M. The ethics & morality of robotic warfare: Assessing the debate over autonomous weapons // Daedalus. 2016. V. 145, No 4. P. 25–36. https://doi.org/10.1162/DAED_a_00409.
10. Sharre P. Army of None: Autonomous Weapons and the Future of War. New York, NY, London: W.W. Norton & Company, 2018. 448 p.
11. Calo R. Robotics and the lessons of cyberlaw // Calif. Law Rev. 2015. V. 103, No 3. P. 513–563. URL: <https://ssrn.com/abstract=2402972>, свободный. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2402972>.
12. Lin P., Abney K., Bekey G. Robot Ethics: The Ethical and Social Implications of Robotics. Ser.: Intelligent Robotics and Autonomous Agents. Cambridge, MA, London: MIT Press, 2014. 398 p.
13. Artificial Intelligence: Disruption Anticipated / J. Parakilas, H. Bryce, M. Suleyman, K. Cukier, H. Roff, M. Cummings / London: The Royal Institute of International Affairs, 2018. 60 p.
14. Van den Boogaard J. Proportionality and autonomous weapons systems // J. Int. Humanitarian Leg. Stud. 2015. V. 6, No 2. P. 247–283. <https://doi.org/10.1163/18781527-00602007>.

15. *Баррат Дж.* Последнее изобретение человечества: искусственный интеллект и конец эры Homo sapiens / Пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. 396 с.
16. UN Security Council. Final Report of the Panel of Experts on Libya Established Pursuant to Security Council resolution 1973 (2011). S/2021/229. March 8, 2021.
17. Автономный военный дрон впервые самостоятельно атаковал человека. URL: <https://habr.com/ru/news/560082/>, свободный.
18. *Melzer N.* Interpretive Guidance on the Notion of Direct Participation in Hostilities under International Humanitarian Law. Geneva: ICRC, 2009. 85 p.
19. *Solis G.D.* The Law of Armed Conflict: International Humanitarian Law in War. New York, NY: Cambridge Univ. Press. 659 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511757839>.
20. *Bächle T.C., Bareis J.* “Autonomous weapons” as a geopolitical signifier in a national power play: analysing AI imaginaries in Chinese and US military policies // Eur. J. Futures Res. 2022. V. 10, No 1. Art. 20. <https://doi.org/10.1186/s40309-022-00202-w>.
21. *Hillner E.P.* The Third Offset Strategy and the Army Modernization Priorities. Director’s Action Group Report. Center for Army Lessons Learned, 2019. 5 p.
22. United Nations. Report of the 2019 Session of the Group of Governmental Experts on Emerging Technologies in the Area of Lethal Autonomous Weapons Systems. CCW/GGE.1/2019/3. September 25, 2019.
23. International Committee of the Red Cross. ICRC Position on Autonomous Weapon Systems. 4550/1/002. May 12, 2021.
24. European Parliament. European Parliament Resolution of 12 September 2018 on Autonomous Weapon Systems (2018/2752 (RSP)). P8_TA(2018)0341. September 12, 2018.
25. *Sauer F.* Stopping ‘killer robots’: Why now is the time to ban autonomous weapons systems // Arms Control Today. 2016. URL: <https://www.armscontrol.org/act/2016-09/features/stopping-killer-robots-why-now-time-ban-autonomous-weapons-systems>, свободный.
26. Tallinn Manual on the International Law Applicable to Cyber Warfare: Prepared by the International Group of Experts at the Invitation of the NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence / Ed. by M. Schmitt. New York, NY: Cambridge Univ. Press, 2013. 215 p.
27. Security and Technology Programme. The Weaponization of Increasingly Autonomous Technologies: Artificial Intelligence. UNDIR Resources. No 8. Geneva: UNIDIR, 2018. ii, 10 p.
28. Концепция регулирования технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2023 года от 29 декабря 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: https://sk.ru/documents/228/Концепция_ИИ_29.12.2019.pdf, свободный.
29. *Агибалова Е.Н.* Юридическая ответственность при применении систем искусственного интеллекта // Государство, право и общество: вопросы теории и практики. Материалы второй Всерос. науч.-практ. конф. (г. Сочи, 7–8 февраля 2020 г.): сб. статей / Отв. ред. В.И. Скрябин. Ростов н/Д: Изд-во проф. прессы и лит-ры, 2020. С. 15–24.
30. Резолюция Европарламента от 16 февраля 2017 года с рекомендациями Комиссии по гражданско-правовым нормам по робототехнике (2015/2103 (INL)) [Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html, свободный.
31. *Апостолова Н.Н.* Ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом // Северо-Кавказ. юрид. вестн. 2021. № 1. С. 112–119. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-1-112-119>.
32. *Карцхия А.А.* Искусственный интеллект: «ларец Пандоры» или новая надежда? // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 4. С. 23–30.
33. *Бегишев И.Р.* Автономная робототехника в системе уголовно-правовых отношений. М.: Блок-Принт, 2022. 160 с.
34. Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 12 авг. 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 8 июня 1977 г. // Электронный фонд пра-

- вовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901755843>, свободный.
35. United Nations. Rome Statute of the International Criminal Court. July 17, 1998. URL: https://legal.un.org/icc/statute/99_corr/cstatute.htm, свободный.
36. IV Гагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны 1907 года с приложением: «Положение о законах и обычаях сухопутной войны» // Министерство обороны Российской Федерации. URL: https://doc.mil.ru/documents/quick_search/more.htm?id=11967448%40egNPA, свободный.
37. Берггольц В.В. Правовой статус и разграничение ответственности при разработке и использовании инструментов искусственного интеллекта // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 6-3 (45). С. 23–27. <https://doi.org/10.24411/2500-1000-2020-10742>.
38. Alaiieri F., Vellino A. Ethical decision making in robots: Autonomy, trust and responsibility // Social Robotics. ICSR 2016 / Ed. by A. Agah, J.J. Cabibihan, A. Howard, M. Salichs, H. He. Ser.: Lecture Notes in Computer Science. V. 9979. Cham: Springer, 2016. P. 159–168. https://doi.org/10.1007/978-3-319-47437-3_16.
39. Santoni de Sio F., Van den Hoven J. Meaningful human control over autonomous systems: A philosophical account // Front. Rob. AI. 2018. V. 5. Art. 15. <https://doi.org/10.3389/frobt.2018.00015>.
40. McDermott D. What matters to a machine? // Machine Ethics / Ed. by M. Anderson, S.L. Anderson. New York, NY: Cambridge Univ. Press, 2011. P. 88–114.
41. Sparrow R. Killer robots // J. Appl. Philos. 2007. V. 24, No 1. P. 62–77. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5930.2007.00346.x>.
42. Prepare to be terrified – watch a hacked robot stab a tomato with a screwdriver // Forbes. 2017. Aug. 22 URL: <https://www.forbes.com/sites/thomasbrewster/2017/08/22/hacked-home-robot-gets-stabby-with-screwdriver/>, свободный.
43. Маск оценил риски, что искусственный интеллект убьет человечество // РБК. 2023. 2 нояб. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6542c4769a79478f1d339afb>, свободный.
44. Гайворонская Я.В., Мирошниченко О.И. Гордиев узел противоречий: технология, этика и право в вопросе о правосубъектности искусственного интеллекта // Образование и право. 2020. № 9. С. 196–203. <https://doi.org/10.24411/2076-1503-2020-10931>.

References

1. Voiculescu A. Reflections on the EPSRC Principles of Robotics from the new far-side of the law. *Connection Science*, 2017, vol. 29, no. 2, pp. 160–169. <https://doi.org/10.1080/09540091.2017.1313818>.
2. Begishev I.R. Protection of public relations related to robotics through criminal law. *Dr. Sci. (Law) Diss.* Kazan, 2022. 506 p. (In Russian)
3. Crotoft R. War, responsibility, and killer robots. *North Carolina Journal of International Law and Commercial Regulation*, 2015, vol. 40, no. 4, pp. 909–932.
4. Prokof'ev A.V. Problems of the just war theory. *Eticheskaya Mysl'*, 2019, vol. 19, no. 2, pp. 112–127. (In Russian)
5. Arbatov A.G. *Strategicheskaya stabil'nost' – oruzhie i diplomatiya* [Strategic Stability – Weapons and Diplomacy]. Moscow, Ves' Mir, 2021. 432 p. (In Russian)
6. Krepon M., Caldwell D. (Eds.) *The Politics of Arms Control Treaty Ratification*. New York, NY, Palgrave Macmillan, 1991. viii, 486 p. <https://doi.org/10.1007/978-1-137-04534-8>.
7. Walzer M. *Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations*. New York, NY, Basic Books, 2015. 416 p.
8. Kuman'kov A.D. The philosophy of war: A brief outline of history. *Logos*, 2019, no. 3, pp. 99–116. (In Russian)
9. Horowitz M.C. The ethics & morality of robotic warfare: Assessing the debate over autonomous weapons. *Daedalus*, 2016, vol. 145, no. 4, pp. 25–36. https://doi.org/10.1162/DAED_a_00409.

10. Sharre P. *Army of None: Autonomous Weapons and the Future of War*. New York, NY, London, W.W. Norton & Company, 2018. 448 p.
11. Calo R. Robotics and the lessons of cyberlaw. *California Law Review*, 2015, vol. 103, no. 3, pp. 513–563. URL: <https://ssrn.com/abstract=2402972>. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2402972>.
12. Lin P., Abney K., Bekey G.A. *Robot Ethics: The Ethical and Social Implications of Robotics*. Ser.: Intelligent Robotics and Autonomous Agents. Cambridge, MA, London, MIT Press, 2014. 398 p.
13. Cummings M.L., Roff H.M., Cukier K., Parakilas J., Bryce H. *Artificial Intelligence and International Affairs: Disruption Anticipated*. Chatham House Report. London, Chatham House, R. Inst. Int. Aff., 2018. vi, 50 p.
14. Van den Boogaard J. Proportionality and autonomous weapons systems. *Journal of International Humanitarian Legal Studies*, 2015, vol. 6, no. 2, pp. 247–283. <https://doi.org/10.1163/18781527-00602007>.
15. Barratt J. *Poslednee izobretenie chelovechestva: iskusstvennyi intellekt i konets ery Homo sapiens* [Our Final Invention: Artificial Intelligence and the End of the Human Era]. Moscow, Alpina Non-Fiction, 2019. 396 p. (In Russian)
16. UN Security Council. Final Report of the Panel of Experts on Libya Established Pursuant to Security Council resolution 1973 (2011). S/2021/229. March 8, 2021.
17. First-ever fully uncontrolled autonomous military drone attack on a human target. URL: <https://habr.com/ru/news/560082/>. (In Russian)
18. Melzer N. *Interpretive Guidance on the Notion of Direct Participation in Hostilities under International Humanitarian Law*. Geneva, ICRC, 2009. 85 p.
19. Solis G.D. *The Law of Armed Conflict: International Humanitarian Law in War*. New York, NY, Cambridge Univ. Press, 2010. 659 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511757839>.
20. Bächle T.C., Bareis J. “Autonomous weapons” as a geopolitical signifier in a national power play: Analysing AI imaginaries in Chinese and US military policies. *European Journal of Futures Research*, 2022, vol. 10, no. 1, art. 20. <https://doi.org/10.1186/s40309-022-00202-w>.
21. Hillner E.P. The Third Offset Strategy and the Army Modernization Priorities. Director’s Action Group Report. Center for Army Lessons Learned, 2019. 5 p.
22. United Nations. Report of the 2019 Session of the Group of Governmental Experts on Emerging Technologies in the Area of Lethal Autonomous Weapons Systems. CCW/GGE.1/2019/3. September 25, 2019.
23. International Committee of the Red Cross. ICRC Position on Autonomous Weapon Systems. 4550/1/002. May 12, 2021.
24. European Parliament. European Parliament Resolution of 12 September 2018 on Autonomous Weapon System (2018/2752 (RSP)). P8_TA(2018)0341. September 12, 2018.
25. Sauer F. Stopping ‘killer robots’: Why now is the time to ban autonomous weapons systems. *Arms Control Today*. 2016. URL: <https://www.armscontrol.org/act/2016-09/features/stopping-killer-robots-why-now-time-ban-autonomous-weapons-systems>.
26. Schmitt M. (Ed.) *Tallinn Manual on the International Law Applicable to Cyber Warfare: Prepared by the International Group of Experts at the Invitation of the NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence*. New York, NY, Cambridge Univ. Press, 2013. 215 p.
27. Security and Technology Programme. The Weaponization of Increasingly Autonomous Technologies: Artificial Intelligence. UNIDIR Resources. No. 8. Geneva, UNIDIR. ii, 10 p.
28. The Concept for the Regulation of Artificial Intelligence and Robotics until 2024, Approved on December 29, 2019. URL: https://sk.ru/documents/228/Концепция_ИИ_29.12.2019.pdf. (In Russian)
29. Agibalova E.N. Legal liability in the use of artificial intelligence systems. *Gosudarstvo, pravo i obshchestvo: voprosy teorii i praktiki. Materialy vtoroi Vseros. nauch.-prakt. konf. (g. Sochi, 7–8 fevralya 2020 g.)* [State, Law, and Society: Problems of Theory and Practice. Proc. 2nd All-Russ. Sci.-Pract. Conf. (Sochi, February 7–8, 2020)]. Skryabin (Ed.). Rostov-on-Don, Izd. Prof. Pressy Lit., 2020, pp. 15–24. (In Russian)
30. European Parliament. European Parliament Resolution of 16 February 2017 with Recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103 (INL)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html.

31. Apostolova N.N. Liability for the harm caused by artificial intelligence. *Severo-Kavkazskii Yuridicheskii Vestnik*, 2021, no. 1, pp. 112–119. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-1-112-119>. (In Russian)
32. Kartskhiya A.A. Artificial intelligence: “Pandora’s box” or a new hope? *Intellektual'naya Sobstvennost'. Avtorskoe Pravo i Smezhnye Prava*, 2017, no. 4, pp. 23–30. (In Russian)
33. Begishev I.R. *Avtonomnaya robototekhnika v sisteme ugolovno-pravovykh otnoshenii* [Autonomous Robotics in the Framework of Criminal Law]. Moscow, Blok-Print, 2022. 160 p. (In Russian)
34. Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and Relating to the Protection of Victims of International Armed Conflicts (Protocol 1). URL: <https://docs.cntd.ru/document/901755843>. (In Russian)
35. United Nations. Rome Statute of the International Criminal Court. July 17, 1998. URL: https://legal.un.org/icc/statute/99_corr/cstatute.htm.
36. The Hague Convention IV of 1907 Respecting the Laws and Customs of War on Land and Its Annex: Regulations Concerning the Laws and Customs of War on Land. The Ministry of Defence of the Russian Federation. URL: https://doc.mil.ru/documents/quick_search/more.htm?id=11967448%40egNPA. (In Russian)
37. Berggoltz V.V. Legal status and allocation of liability in the development and use of artificial intelligence tools. *Mezhdunarodnyi Zhurnal Gumanitarnykh i Estestvennykh Nauk*, 2020, no. 6-3 (45), pp. 23–27. <https://doi.org/10.24411/2500-1000-2020-10742>. (In Russian)
38. Alaieri F., Vellino A. Ethical decision making in robots: Autonomy, trust and responsibility. *Social Robotics. ICSR 2016*. Agah A., Cabibihan J.J., Howard A., Salichs M., He H. (Eds.). Ser.: Lecture Notes in Computer Science. Vol. 9979. Cham, Springer, 2016, pp. 159–168. https://doi.org/10.1007/978-3-319-47437-3_16.
39. Santoni de Sio F., Van den Hoven J. Meaningful human control over autonomous systems: A philosophical account. *Frontiers in Robotics and AI*, 2018, vol. 5, art. 15. <https://doi.org/10.3389/frobt.2018.00015>.
40. McDermott D. What matters to a machine? In: Anderson M., Anderson S.L. (Eds.) *Machine Ethics*. New York, NY, Cambridge Univ. Press, 2011, pp. 88–114.
41. Sparrow R. Killer robots. *Journal of Applied Philosophy*, 2007, vol. 24, no. 1, pp. 62–77. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5930.2007.00346.x>.
42. Prepare to be terrified – watch a hacked robot stab a tomato with a screwdriver. *Forbes*, 2017. URL: <https://www.forbes.com/sites/thomasbrewster/2017/08/22/hacked-home-robot-gets-stabby-with-screwdriver/>.
43. Elon Musk assessed the risks that artificial intelligence will destroy humanity. *RBK Daily*, 2023. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6542c4769a79478fd339afb>. (In Russian)
44. Gaivoronskaya Ya.V., Miroshnichenko O.I. The Gordian knot of tensions: Navigating technology, ethics, and law to solve the problem of AI’s legal personality. *Obrazovanie i Pravo*, 2020, no. 9, pp. 196–203. <https://doi.org/10.24411/2076-1503-2020-10931>. (In Russian)

Информация об авторах

Кийко Денис Сергеевич, аспирант кафедры уголовного права и процесса, Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова
E-mail: deniskiiko@yandex.ru

Author Information

Denis S. Kiiko, Postgraduate Student, Department of Criminal Law and Procedure, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov
E-mail: deniskiiko@yandex.ru

Поступила в редакцию 20.12.2024
Принята к публикации 19.02.2025

Received December 20, 2024
Accepted February 19, 2025

Оригинальная статья

УДК 342

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.158-168>**Мотивирование в системе регулирующего влияния права
на общественные отношения****А.Ф. Малый, А.А. Нигметзянов** ✉*Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия*✉ diamondnig@mail.ru**Аннотация**

В настоящей статье исследованы побудительные мотивы действия/бездействия личности, содержащиеся в нормах публичного права. С помощью формально-логического метода рассмотрены подходы законодателя к формированию норм, побуждающих личность к правомерному поведению, совершению нужных обществу и государству действий, достижению сверхнормативных показателей в своей деятельности. Благодаря применению сравнительно-правового метода уточнено значение использованных понятий. В содержательном плане предпринята попытка выделить мотивирующую составляющую в системе правового регулирования общественных отношений. Мотивация играет решающую роль в процессе формирования поведенческих установок не только физического лица, но и лица, имеющего особый статус (государственного, муниципального служащего). Отмечается, что законодатель не всегда просчитывает мотивирующую составляющую правовой нормы, хотя этот ее компонент порой имеет определяющее значение для реализации правового предписания. Сделан вывод о том, что мотивирующее влияние норм на процесс правового регулирования осуществляется через носителей правовой идеологии, поэтому важны сбалансированность и непротиворечивость не только регулирующих норм, но и норм, определяющих правовую идеологию. При внимательном рассмотрении процесса принятия нормативных правовых актов мотивация оказывается особо значимым элементом в вынесении решений уполномоченными органами.

Ключевые слова. Конституция РФ, правовая норма, регулирование, правовое воздействие, мотивация, стимулирование, вознаграждение

Для цитирования: Малый А.Ф., Нигметзянов А.А. Мотивирование в системе регулирующего влияния права на общественные отношения // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2025. Т. 167, кн. 1. С. 158–168. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.158-168>.

Original article

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.158-168>

Motivation in the system of legal regulation of public relations

A.F. Malyj, A.A. Nigmatzyanov ✉

Kazan Federal University, Kazan, Russia

✉ diamondnig@mail.ru

Abstract

The motivational effect of legal norms, which is an important part of their formation and implementation, has been out of the research focus until recently. This article examines the motives for an individual's actions or inactions embedded in the norms of public law. Using the method of formal logic, the legislative approaches to the development of norms that encourage an individual's lawful behavior, actions beneficial to both the society and state, and proactive performance were discussed. The concepts under study were analyzed by the comparative legal method. The dimensions of motivation in the system of legal regulation of public relations were identified. The results obtained show that motivation not only shapes the behavioral attitudes of a private individual but also influences decision-making in persons with special legal status, such as government or municipal employees. The legislator does not always account for the motivational component of legal norms, even though it plays a crucial role in legal regulation. The conclusion was made that the motivational impact of legal norms on the process of legal regulation is exerted through the proponents of legal ideology, thus making it critical to maintain the balance and consistency of both regulatory norms and norms defining legal ideology. A careful consideration of the process of adopting regulatory legal acts reveals that motivation is a fundamental element of decision-making by authorized bodies.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, legal norm, regulation, legal impact, motivation, incentive, remuneration

For citation: Malyj A.F., Nigmatzyanov A.A. Motivation in the system of legal regulation of public relations. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2025, vol. 167, no. 1, pp. 158–168. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.158-168>. (In Russian)

Введение

Мотивация в системе регулирования общественных отношений не является предметом пристального внимания ученых-конституционалистов. Лишь в отдельных публикациях анализируются побудительные мотивы участия граждан в реализации норм публично-правового характера [1]. Вместе с тем нормы, предполагающие их добровольное исполнение (например, участие в выборах), не содержат иного побуждения к действию, кроме соответствующей мотивации. Последняя лежит в основе принятия депутатом решения при голосовании за то или иное предложение представительного органа. Выбор гражданином или лицом с особым статусом действия/бездействия мотивирован нормой права, которая предполагает либо добровольное исполнение ее предписания, либо (при закреплении обязанно-

сти) влечет за собой негативные последствия при ее неисполнении. Изучение мотивирующего влияния норм права на поведение личности позволяет расширить представление о способах упорядочивания общественных отношений.

Уважение к праву, закону является составной частью правовой культуры, которая должна быть присуща любому члену человеческого сообщества. Уровень погружения в правовую материю у каждого различен, но подавляющее большинство членов социума объединяет одно – стремление к законопослушному поведению. Такое поведение формируется в том числе и самой нормой закона, мотивирующей личность выбирать тот или иной его вариант. Мотивация является важной составляющей в соблюдении правового предписания. Она может как усилить эффект применения нормы, так и вызвать негативное отношение к возможности ее реализации у субъекта, которому она адресована.

Человек является главным звеном в реализации права. В.С. Нерсисянц отмечал: «Право, как известно, само не действует, действуют люди, и именно свободные люди, люди со свободой воли, которые в своих взаимоотношениях выступают как субъекты права» [2, с. 43]. Каким бы свободным в выборе вариантов своего поведения человек себя ни считал, он, как член человеческого сообщества, вынужден подчиняться правилам, установленным этим сообществом. Общественная сущность человека проявляется в его подчинении нормативным предписаниям, стремлении создать механизм защиты общеобязательных правил от их нарушения отдельными членами социума. Демократически установленные нормы поведения предусматривают возможность каждого реализовать свои интересы в соответствии со своими способностями и устремлениями. Разнонаправленность интересов, обусловленная множеством факторов влияния на личность, не только порождает правомерное поведение, но и не исключает противоправных деяний. Поэтому нормы ограничивают индивидуальное стремление выделиться из общей массы, получить больше благ и преференций как за счет поиска «лазеек» в правовом регулировании, так и путем прямого нарушения установленных правил. Во всех приведенных случаях право оказывает влияние на личность, формирует отношение к его нормам.

Материалы и методы

Главное предназначение права – «упорядочение общественной жизни, установление стабильности государственного строя, преодоление неопределенности и изменчивости» [3, с. 14]. Реализацию этой задачи обеспечивает государство, у которого есть все необходимые инструменты; право занимает среди них особое место в силу своей возможности формировать у человека мотивацию к позитивному действию.

При характеристике способов влияния норм права на поведение личности используется термин «правовое воздействие». Его составляющая «воздействие» в общеупотребительном смысле означает ‘действие, направленное на кого-что-н. с целью добиться чего-н., внушить что-н.’ (СО). Воздействовать значит производить действие, понуждающее к чему-либо. Однако не все нормы при их реализации предполагают совершение каких-либо поступков. Конституционные нормы-принципы оказывают влияние на широкий круг субъектов права без какого-либо принуждения, а только в силу убедительности тех идей, которые в них заложены.

Большинство норм права усиливают мотивирующее влияние закреплением правового обязывания, правового запрета. И обязывающие, и запрещающие нормы допускают использование принуждения, что свидетельствует о совершении действия (воздействия) уполномоченным органом в отношении участников правоотношения. В любом случае правовое воздействие, реализуемое уполномоченным лицом посредством принятия правопримени-

тельного акта, направлено на формирование поведенческих установок личности. Верно отмечено, что в системе публичного властвования «основным элементом управляющей и управляемой систем выступают люди, а управление сводится к тому, что одни из них воздействуют на сознание и поведение других» [4, с. 435]. Именно люди осуществляют воздействие на общественные отношения с использованием различных правовых и организационных инструментов. С целью его оказания формируются представительные органы, органы исполнительной власти [5, с. 20].

Государство создает правовой механизм, позволяющий в том числе формировать отношение человека к закону с использованием таких средств, как общие дозволения, общие запреты, позитивное обязывание [6, с. 47]. Наиболее сильное влияние на формирование отношения лица к правовым нормам оказывает включение его в процесс реализации права. Будучи участником конкретного правоотношения, человек не только познает содержание самих норм, но и получает возможность сформировать свое представление о правоприменительной системе государства. Поскольку при разрешении юридических коллизий уполномоченными органами одна из сторон часто остается неудовлетворенной принятым решением, то данный факт тоже оказывает влияние на восприятие права в целом.

Процесс реализации зависит от того, нормы какой отрасли права применяются в конкретном правоотношении, какие субъекты участвуют в этом процессе. Для публичных отраслей права одним из участников процесса применения права является уполномоченный орган государства, который должен быть заинтересован в формировании у лица уважения к закону, убежденности в справедливости принятого решения. Поэтому важным аспектом названного процесса является субъективный фактор – восприятие норм участниками правоотношений. Р.З. Лившиц справедливо отмечал: «...важнейшая ключевая проблема реализации норм – отношение людей к нормам» [7, с. 130]. Можно добавить, что человек оценивает не только норму, но и то, как она реализуется в конкретных правоотношениях.

Результаты и обсуждение

Исследование обозначенной проблемы не может ограничиваться констатацией поведения субъекта права в конкретном правоотношении, она имеет более широкий диапазон своего проявления. В частности, лицо, выбирая тот или иной вариант поведения, уже имеет убеждение относительно правомерности или неправомерности предпринимаемых действий (бездействия). У него присутствует мотив поступать так или иначе в силу имеющихся убеждений. И в данном контексте мы имеем дело с психологической составляющей поведения [8].

Право оказывает влияние на личность, формирует в ней психологические установки относительно необходимости действовать тем или иным образом. У человека всегда есть свобода выбора между тем или иным способом поведения (правомерного или противоправного), он может выйти за рамки правомерного поведения, но должен осознавать неотвратимость негативных для него последствий.

Как уже было отмечено, мотивирующее значение норм права проявляется в процессе их реализации. В юридической литературе «реализация права рассматривается как воплощение в поступках людей тех требований, которые в общей форме выражены в нормах права» [9, с. 282]. Поведение определяется сформировавшимися у человека установками на возможность действовать определенным образом и влиянием социальных (в том числе правовых) норм. Любой поступок, обусловленный применением нормы, содержит элемент мотивации как побуждения к принятию решения, действию (СО).

Мотивация в качестве параметра поведения формируется не только у рядового гражданина, но также у государственных и муниципальных служащих, лиц, занимающих государственные должности. Она определяется комплексом факторов (нравственных, политических), но решающим выступает необходимость выполнения обязанностей, имеющих правовую природу.

Говоря о мотивирующем характере норм права, следует иметь в виду, что под влиянием правовой нормы у человека складывается линия поведения, возникает желание осуществить определенные действия или следовать осознанному бездействию. Формирование мотива является результатом мыслительной деятельности человека, и изучение подобных процессов вызывает все больший интерес у ученых-правоведов. В отраслевых юридических науках помимо выявления особенностей регулятивного характера отраслевых норм исследуется духовная составляющая их влияния на поведение личности [10]. Социально-психологическая характеристика последней воздействует на восприятие правовой нормы индивидом, но объектом правового регулирования являются общественные отношения, охватывающие неограниченный круг субъектов права. При установлении правовых связей важно сформулировать общие запреты или дозволения, а восприятие правовой нормы и реакции личности на возможность следовать ее установлениям оцениваются в каждом конкретном случае индивидуально.

На поведение личности влияет много факторов: возраст, экономическое положение, наличие образования, социальный статус, занимаемая должность. Индивид как член социума оказывается в центре общественного влияния, получая информацию из обширного круга источников. Современные средства цифровой коммуникации способны привлечь внимание человека (или кардинально изменить взгляды) и внушить ему ценности, отражающие воззрения определенной группы, части социума на окружающую действительность. Эти ценности не обязательно будут благом для большинства, они могут формировать отрицательное отношение к действующему праву.

Задача нормоустанавливающего органа заключается в выработке наиболее приемлемого варианта общеобязательного правила. При этом должен учитываться эффект влияния нормы на поведение людей – в первую очередь при ее реализации, когда «обостряется» восприятие нормы субъектами права с позиций воплощения в ней принципа справедливости. Уважение к содержательной части нормы закладывается уже самим процессом ее принятия. Этому способствует демократический механизм учреждения общеобязательных актов, который допускает различные варианты утверждения решений коллегиальным органом: единогласие, абсолютное большинство, квалифицированное большинство [11]. Важно, что обязывающая норма принимается большинством членов легитимного органа. Личность, которой и адресована норма, должна изначально доверять законодателю, верить в необходимость установленных правил безотносительно к тому, запрещающую или обязывающую норму принимает уполномоченный орган. Это значимо для формирования правовой мотивации у соответствующего лица, участвующего в реализации нормы.

Мотивирующее значение норм права проявляется не только при их реализации. Нормы-принципы, нормы-дефиниции также содержат поведенческие установки, влияют на оценку регулирующих норм. В особенности упомянутый факт касается конституционных положений, значительная часть которых не может быть реализована в конкретном правоотношении.

Издание правового предписания единоличным органом тоже должно учитывать мотивирующую составляющую вводимых норм. Формирование мотивированного нормой права поведения не зависит от уровня принимающего акт органа, его правового статуса, но опре-

деляется многими личностными факторами, а также нацеленностью на установление справедливых (с точки зрения правоприменителя) правил.

Мотивирующая составляющая в реализации правовых норм имеет общий характер. Однако в рамках общей мотивации можно выделить нормы, целеполагание которых имеет свои особенности. Например, нормы-стимулы изначально содержат обещание преференций, льгот и преимуществ для лиц, реализующих подобные нормы. Общеупотребительное значение слова «стимул» ('побуждение к действию, заинтересованность в совершении чего-нибудь' (СО)) совпадает с его правовым пониманием. Н.И. Матузов и А.В. Малько отмечают, что правовое стимулирование – это «правовое побуждение к законопослушному поведению, создающее для удовлетворения собственных интересов субъекта режим благоприятствования» [12, с. 19].

Безусловно, стимулирующая норма формирует у личности мотив совершить действия, направленные на реализацию целей, которые заложены в норме законодателем. Правовое мотивирование всегда позитивно, поскольку нормоустанавливающий орган не может вводить норму, мотивирующую на противоправное поведение. Однако это не исключает самого противоправного поведения, но формируется оно не под воздействием нормы, а под воздействием иных факторов: влияния окружения, СМИ, личностных особенностей.

Государство активно использует правовое стимулирование для решения общественно важных задач. Например, в советский период вводились льготы для лиц, выезжающих для осуществления трудовой деятельности в районы Крайнего Севера, Дальнего Востока. В настоящее время существуют программы переселения граждан в Дальневосточный федеральный округ, предполагающие бесплатное получение «дальневосточного гектара».

Нормы, предусматривающие наказание за совершение противоправных действий, также можно отнести к стимулирующим правомерное поведение. В них отсутствует прямое указание на «режим благоприятствования», но наличие угрозы неблагоприятных последствий в случае противоправных действий является побуждающим фактором позитивного поведения.

Мотивирующее целеполагание содержат нормы, допускающие поощрение за совершение деяний, имеющих по своей природе сверхнормативные показатели. Правовые акты, устанавливающие государственные награды и почетные звания, в своем подавляющем большинстве закрепляют лишь условия награждения, но не содержат обещания наградить за выдающиеся достижения [13]. Обозначенной характеристикой награда отличается от стимулирующего вознаграждения, которое прямо предусмотрено нормой права. Для того чтобы получать надбавку к заработной плате, необходимо переехать в район, где эта надбавка предусмотрена законом; чтобы получить бесплатно значительный по размеру земельный участок, необходимо переехать на постоянное место жительства в районы Севера, Сибири или Дальнего Востока (ФЗ 119).

Стимулирующую норму отличают конкретность и определенность условий, выполнение которых влечет за собой последствия в виде обещанного блага (либо наказания за противоправное поведение). Государственная же награда не является обязательным следствием сверхнормативного поведения в виде награждения специальным знаком (с возможным материальным поощрением), и лицо может не получить ее. Но само существование государственных наград также имеет мотивирующее значение, поскольку в случае награждения дает награжденному ощущение важности содеянного, повышает общественную значимость лица, приносит ему моральное удовлетворение.

Создание позитивных стимулов формирует предпосылки сознательной правовой активности: «Субъект – единственный компонент, который способен активно реагировать на правовое воздействие. Активная реакция выражается в участии в правовом воздействии, получении и переработке правовой информации, моделировании собственного поведения в соответствии с полученной информацией» [14, с. 89]. Способы и средства доведения правовой информации до адресата различаются и разнообразны по своей активности (иногда агрессивности), доступности, а содержание информации может характеризоваться убедительностью или быть нейтральной по своему воздействию на адресата. Наиболее сильное мотивирующее влияние на поведение оказывают такие правовые средства, как стимулирование и поощрение, поскольку они побуждают к активному поведению, принятию нужных государству решений (изменение места жительства, участие в боевых действиях и др.). Иные правовые средства (например, предоставление прав) [4, с. 437] тоже оказывают мотивирующее влияние на поведение, но они не всегда побуждают к активным действиям, способным кардинально изменить специальное правовое положение человека, его социальное положение, коммуникацию.

В любой правовой норме содержится мотивирующий компонент, но сила его влияния на субъект права обуславливается степенью влияния нормы на общественные отношения, глубиной их трансформации. Законодатель не всегда с должным вниманием относится к последствиям принятия того или иного решения по изменению содержания правоотношений, не всегда учитывает мотивирующее значение вводимых в правовой оборот норм или их изменений. Подобный учет необходим в том случае, если норма не содержит обязывающего предписания, а предполагает добровольное следование ей. Например, государство и общество в целом заинтересованы в активном участии граждан в избирательном процессе. Но принцип добровольности участия не позволяет использовать элемент принуждения. Реализация норм избирательного законодательства базируется на осознании каждым важности участия в голосовании. Мотивация в этом случае очень значима, и законодатель должен формировать ее, не допуская просчетов в правовом регулировании.

В процессе размышления человек определяет свое отношение к содержанию правовых норм, их реализации, действиям органов публичной власти, поскольку именно от них исходят те правила, которым он должен следовать. Соответствующие оценки порождают и такое явление, как, например, «правовой нигилизм». Можно говорить о причинах и следствиях правового нигилизма, но в конечном итоге негативное отношение к праву, неверие в возможность права способствовать решению социальных и экономических проблем складываются именно в сознании человека.

Н.И. Матузов совершенно справедливо выделяет психологический фактор в формировании поведения человека. По его мнению, «правовой нигилизм – это психологически отрицательное (негативное) отношение к праву со стороны граждан, должностных лиц, государственных структур, а также фактически правонарушающие действия указанных субъектов; данный феномен выступает как элемент сознания (индивидуального и общественного), так и способ, линия поведения индивида либо коллектива» [15, с. 182].

Правовой нигилизм является довольно распространенным явлением и формируется в том числе под воздействием окружения человека. Можно предположить, что это стереотип мышления, психологический феномен, мотивационная составляющая поведения человека. Стереотипы бывают истинными и ложными, они складываются под влиянием условий труда, быта человека, на них влияют средства массовой информации.

Рассуждая о правовом нигилизме, А.Н. Зрячкин включает в число возможных путей его преодоления «меры культурного, духовного, морального содержания» [16, с. 110]. Все эти меры призваны влиять на духовный мир человека, побуждать его к позитивному восприятию права. Безусловно, это и есть формирование соответствующей мотивации, направленной на совершение тех или иных деяний, на воздержание от противоправных поступков, на генерацию соответствующих идей и установок в той среде, где проходит жизнь человека.

Для преодоления правового нигилизма важно, по мнению В.И. Гоймана, «утвердить у людей веру в право» [17, с. 5]. Вера или неверие, восприятие окружающего мира в позитивном или негативном ключе – все это определяется психологическими факторами, лежащими в основе формирования мотивации поведения личности. Законодатель оценивает факторы, влияющие на поведение человека, и стремится учитывать их при принятии нормативных правовых актов.

Одним из проявлений правового нигилизма является абсентеизм, понимаемый как сознательное уклонение от участия в выборах. Особенно распространен он в молодежной среде. Можно говорить о разных причинах такого отношения к выборам, но главная заключается в неверии избирателя в то, что его голос будет учтен, что его участие в выборах как-то повлияет на результаты голосования [18, с. 471]. Преодолению негативного отношения молодежи к участию в выборах может способствовать повышенное внимание к ее проблемам со стороны общества и государства. На решение этой задачи направлен Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» (489-ФЗ), одна из целей которого обозначена как «создание условий для участия молодежи в политической, социально-экономической и культурной жизни общества». Закон предусматривает привлечение молодых граждан к участию в работе консультативных, совещательных и иных органов, создаваемых при органах публичной власти. Акцент законодателя на такой форме вовлечения молодежи в процесс обсуждения важных вопросов жизни общества побуждает органы власти создавать соответствующую дискуссионную площадку, что позволяет формировать позитивное отношение к праву, выработке активной реакции на политические процессы, в том числе выборы представительных органов власти.

Вектор формирования законодательства с позитивным мотивирующим компонентом определили поправки к Конституции Российской Федерации, принятые в 2020 г. (КРФ). Их реализация осуществляется в отраслевом законодательстве, актах субъектов РФ, документах, определяющих правовую политику государства.

Выводы

Подводя итог, можно констатировать, что мотивация является важной составляющей любой правовой нормы. Законодатель использует различные средства повышения мотивирующего начала нормы в тех случаях, когда необходимо заинтересовать лицо в совершении сверхнормативных деяний в интересах государства и общества, побудить к принятию решений, меняющих уклад жизни человека, предостеречь от действий, увеличивающих риск неблагоприятных для него последствий. Законодатель не всегда просчитывает мотивирующую составляющую правовой нормы, хотя этот ее компонент играет порой решающую роль в соблюдении правового предписания.

Реализация идеологического по своей сути содержания конституционных норм-принципов, регулирующих норм базируется не только на позитивном восприятии обществом

заложенных в них идей, но и на воплощении последних в отраслевом законодательстве, правильном (не искаженном) правоприменении. Мотивирующее влияние конституционных норм на процесс правотворчества осуществляется через носителей правовой идеологии, поэтому важна сбалансированность и непротиворечивость не только регулирующих норм, но и норм, определяющих правовую идеологию. При внимательном рассмотрении процесса принятия нормативных правовых актов мотивация оказывается определяющим элементом в вынесении решений уполномоченными органами.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The authors declare no conflicts of interest.

Источники

- СО – *Ожегов И.С.* Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. 17-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1985.
- КРФ – Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, свободный.
- ФЗ 119 – Федеральный закон от 1 мая 2016 г. № 119-ФЗ (ред. от 13 дек. 2024 г.) «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных в Арктической зоне Российской Федерации и на других территориях Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собр. законодательства РФ. 2016. № 18. Ст. 2495.
- ФЗ 489 – Федеральный закон от 30 дек. 2020 г. № 489-ФЗ (ред. от 28 дек. 2024 г.) «О молодежной политике в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 1 (ч. 1). Ст. 28.

Литература

1. *Нигметзянов А.А.* Правовое мотивирование как способ воздействия на участников избирательного процесса // Гражданин. Выборы. Власть. 2023. № 4 (30). С. 57–65.
2. *Нерсисянц В.С.* Философия права. М.: ИНФРА-М: Норма, 1997. 647 с.
3. *Пряхина Т.М.* Конституционная доктрина Российской Федерации. М.: ЮНИТИ: Закон и право, 2006. 323 с.
4. Общая теория государства и права: в 2 т. / Отв. ред. М.Н. Марченко. М.: Зерцало, 1998. Т. 2. Теория права. 640 с.
5. *Малый А.Ф.* Организация органов государственной власти области как субъекта Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. 46 с.
6. *Алексеев С.С.* Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М.: Юрид. лит., 1989. 286 с.
7. *Лившиц Р.З.* Теория права. М.: Бек, 1994. 208 с.
8. *Нигметзянов А.А.* О мотивирующем влиянии права на личность // Юрид. психология. 2024. № 3. С. 10–13. <https://doi.org/10.18572/2071-1204-2024-3-10-13>.
9. Общая теория права / Ю.А. Дмитриев, И.Ф. Казьмин, В.В. Лазарев [и др.]; под общ. ред. А.С. Пиголкина. М.: Изд-во МГТУ, 1996. 316 с.
10. *Берг Л.Н.* Социально-психологическая система правового воздействия: общетеоретический анализ // Общество и право. 2016. № 2 (56). С. 25–29.
11. *Малый А.Ф.* Квалифицированное большинство: интерпретация содержания // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 12. С. 30–32. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2023-12-30-32>.

12. Матузов Н.И., Малько А.В. Правовое стимулирование в условиях становления рыночных отношений // Государство и право. 1995. № 4. С. 11–19.
13. Нигметзянов А.А. К вопросу о содержании конституционно-правовых отношений в сфере поощрения граждан // Вестн. Евразийской академии административных наук. 2018. № 3 (44). С. 133–139.
14. Берг Л.Н. Психологический аспект правового воздействия // Lex Russica. 2023. Т. 76, № 8. С. 88–98. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2023.201.8.088-098>.
15. Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права. 2004. 512 с.
16. Зрячкин А.Н. Правовой нигилизм: причины и пути их преодоления. Саратов: Саратовская гос. акад. права. 2009. 127 с.
17. Гойман В.И. Правовой нигилизм: пути преодоления // Советская юстиция. 1990. № 9. С. 3–7.
18. Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России: в 12 т. / Р.Л. Хачатуров, Л.И. Глухарева, А.А. Головина [и др.]; под ред. Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2021. Т. VI. Конституционное право России. 560 с.

References

1. Nigmatzyanov A.A. Legal motivation as a way of influencing the participants of the electoral process. *Grazhdanin. Vybory. Vlast*, 2023, no. 4 (30), pp. 57–65. (In Russian)
2. Nersesyants V.S. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Moscow, INFRA-M, Norma, 1997. 647 p. (In Russian)
3. Pryakhina T.M. *Konstitutsionnaya doktrina Rossiiskoi Federatsii* [Constitutional Doctrine of the Russian Federation]. Moscow, YuNITI, Zakon i Pravo, 2006. 323 p. (In Russian)
4. Marchenko M.N. (Ed.) *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava* [General Theory of State and Law]. Vol. 2: Theory of law. Moscow, Zertsalo, 1998. 640 p. (In Russian)
5. Malyj A.F. The structure of government bodies in a region taken as a constituent entity of the Russian Federation. *Extended Abstract of Dr. Sci. (Law) Diss.* Moskva, 2000. 46 p. (In Russian)
6. Alekseev S.S. *Obshchie dozvoleniya i obshchie zaprety v sovetskom prave* [General Permissions and Prohibitions in Soviet Law]. Moscow, Yurid. Lit., 1989. 286 p. (In Russian)
7. Livshits R.Z. *Teoriya prava* [Theory of Law]. Moscow, Bek, 1994. 208 p. (In Russian)
8. Nigmatzyanov A.A. The motivational impact of law on the individual. *Yuridicheskaya Psikhologiya*, 2024, no. 3, pp. 10–13. <https://doi.org/10.18572/2071-1204-2024-3-10-13>. (In Russian)
9. Dmitriev Yu.A., Kaz'min I.F., Lazarev V.V., et al. *Obshchaya teoriya prava* [General Theory of Law]. Pigolkin A.S. (Ed.). Moscow, Izd. MGTU, 1996. 316 p. (In Russian)
10. Berg L.N. The social and psychological system of legal impact: A general theoretical analysis. *Obshchestvo i Pravo*, 2016, no. 2 (56), pp. 25–29. (In Russian)
11. Malyj A.F. Supermajority: An analysis of its meaning. *Konstitutsionnoe i Munitsipal'noe Pravo*, 2023, no. 12, pp. 30–32. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2023-12-30-32>. (In Russian)
12. Matuzov N.I., Mal'ko A.V. Legal incentive in the developing market relations. *Gosudarstvo i Pravo*, 1995, no. 4, pp. 11–19. (In Russian)
13. Nigmatzyanov A.A. Constitutional aspects of providing legal incentives for citizens. *Vestnik Evraziiskoi Akademii Administrativnykh Nauk*, 2018, no. 3 (44), pp. 133–139. (In Russian)
14. Berg L.N. The psychology of legal impact. *Lex Russica*, 2023, vol. 76, no. 8, pp. 88–98. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2023.201.8.088-098>. (In Russian)
15. Matuzov N.I. *Aktual'nye problemy teorii prava* [Current Issues in Legal Theory]. Saratov, Izd. Sarat. Gos. Akad. Prava, 2004. 512 p. (In Russian)

16. Zryachkin A.N. *Pravovoi nигilizm: prichiny i puti ikh preodoleniya* [Legal Nihilism: Causes and Solutions]. Saratov, Sarat. Gos. Akad. Prava, 2009. 127 p. (In Russian)
17. Goiman V.I. Legal nihilism: Possible solutions. *Sovetskaya Yustitsiya*, 1990, no. 9, pp. 3–7. (In Russian)
18. Khachaturov R.L., Glukhareva L.I., Golovina A.A., et al. *Formirovanie i razvitie otraslei prava v istoricheskoi i sovremennoi pravovoi real'nosti Rossii* [The Evolution and Development of Legal Branches in the Historical and Contemporary Legal Reality of Russia]. Khachaturov R.L. (Ed.). Vol. VI: Constitutional law of Russia. Moscow, Yurlitinform, 2021. 560 p. (In Russian)

Информация об авторах

Малый Александр Федорович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры конституционного и административного права, Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: Aleksandr.Malyj@kpfu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9983-4894>

Нигметзянов Алмаз Альбертович, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права, Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: diamondnig@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7222-1986>

Author Information

Aleksandr F. Malyj, Dr. Sci. (Law), Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Department of Constitutional and Administrative Law, Kazan Federal University

E-mail: Aleksandr.Malyj@kpfu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9983-4894>

Almaz A. Nigmatzyanov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Kazan Federal University

E-mail: diamondnig@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7222-1986>

Поступила в редакцию 20.01.2025

Принята к публикации 14.03.2025

Received January 20, 2025

Accepted March 14, 2025

Оригинальная статья

УДК 341

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.169-183>**Правовое регулирование эмиссии метана:
реализация глобального обязательства по метану в национальном
законодательстве основных государств-эмитентов****М.Е. Пекарникова^{1,2}✉, К.Б. Валиуллина²**¹*Институт природно-технических систем РАН, г. Севастополь, 299011, Россия*²*Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия*✉ pekarnikowa@mail.ru**Аннотация**

В статье анализируется текущая деятельность по правовому регулированию контроля за эмиссией метана (CH₄) в странах, отвечающих за основную долю его суммарных выбросов, в контексте Парижского соглашения по климату 2015 г. и Глобального обязательства по метану (Global Methane Pledge, GMP) 2021 г. Основное внимание уделено рассмотрению вопросов правового регулирования выбросов CH₄ в национальном законодательстве десяти основных государств-эмитентов. При этом страны Европейского союза (ЕС) рассматриваются в качестве единого эмитента, и их климатическая политика анализируется в контексте участия ЕС в GMP в качестве самостоятельного субъекта международного права. Сделан вывод о том, что Парижское соглашение, которое является главным нормативным правовым актом, призванным ограничивать рост глобальной температуры полутора-двумя градусами по сравнению с доиндустриальным периодом, нуждается в совершенствовании законодательного сопровождения ограничения эмиссии метана в основных государствах-эмитентах этого парникового газа. Важнейшим документом в обозначенном контексте является Глобальное обязательство по метану 2021 г., принятое на 26-й Конференции Сторон по климату. Наиболее эффективная стратегия для достижения основной цели Парижского соглашения состоит в разработке и имплементации юридически обязывающих как международных, так и национальных нормативных правовых актов основных государств-эмитентов в сфере ограничения выбросов метана.

Ключевые слова: Глобальное обязательство по метану (Global Methane Pledge, GMP), Рамочная конвенция ООН об изменении климата (РКИК ООН), Парижское соглашение по климату, 26-я Конференция Сторон по климату, правовое регулирование эмиссии метана, национальное законодательство основных государств-эмитентов метана

Благодарности. Работа выполнена в рамках темы госзадания Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Институт природно-технических систем» РАН: «Фундаментальные исследования процессов в климатической системе, определяющих пространственно-временную изменчивость морской среды и прилегающих территорий в широком диапазоне масштабов» (№ госрегистрации 124020100120-9).

Авторы выражают глубокую признательность редакции журнала за конструктивные замечания и полезные рекомендации по доработке рукописи.

Для цитирования: Пекарникова М.Е., Валиуллина К.Б. Правовое регулирование эмиссии метана: реализация глобального обязательства по метану в национальном законодательстве основных государств-эмитентов // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2025. Т. 167, кн. 1. С. 169–183. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.169-183>.

Original article

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.169-183>

Legal regulation of methane emissions: The Global Methane Pledge in the national legislation of the major emitting countries

M.E. Pekarnikova^{1,2} ✉, K.B. Valiullina²

¹*Institute of Natural and Technical Systems, Russian Academy of Sciences, Sevastopol, Russia*

²*Kazan Federal University, Kazan, Russia*

✉ pekarnikowa@mail.ru

Abstract

This article examines the measures that align with the 2015 Paris Agreement and the 2021 Global Methane Pledge (GMP) and restrict methane (CH₄) emissions in the world's largest methane hotspots. The primary focus is on the legal regulation of methane contents in the national legislation of the top ten emitting countries, with the European Union (EU) considered as a single emitter. The EU policy was analyzed in the context of the EU's participation in the GMP as a sovereign entity under international law. The results obtained reveal that the Paris Agreement, which serves as the main regulatory legal instrument aimed at limiting global temperature rise to 1.5–2 °C above pre-industrial levels, requires stronger legislative support to manage and reduce methane emissions in these countries. The most important document is the 2021 Global Methane Pledge adopted at the 26th UN Climate Change Conference (COP26). The most effective strategy for achieving the goals of the Paris Agreement and strengthening global action on methane is the development and implementation of legally binding international and national regulatory frameworks in the major methane-emitting countries.

Keywords: Global Methane Pledge (GMP), United Nations Framework Convention on Climate Change (UNFCCC), Paris Climate Agreement, 26th UN Climate Change Conference of the Parties, legal regulation of methane emissions, national legislation of major methane-emitting countries

Acknowledgments. This study was carried out as part of state assignment no. 124020100120-9 “Fundamental studies of processes in the climate system that determine the spatiotemporal variability of the marine environment and adjacent territories over a wide range of scales” to the Institute of Natural and Technical Systems, Russian Academy of Sciences.

For citation: Pekarnikova M.E., Valiullina K.B. Legal regulation of methane emissions: The Global Methane Pledge in the national legislation of the major emitting countries. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2025, vol. 167, no. 1, pp. 169–183. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.169-183>. (In Russian)

Введение

В последние десятилетия вопросы глобальных климатических изменений, проблемы поиска путей эффективной реализации климатических инициатив, охраны климата, обеспечения оптимальных условий для имплементации международных климатических соглашений в национальное законодательство основных государств-эмитентов парниковых газов

(ПГ), в том числе короткоживущего ПГ метана, пользуются повышенным вниманием мировой общественности, финансово-промышленных групп, политиков, климатологов, экономистов, правоведов.

Как известно, право на устойчивое и экологически безопасное развитие в качестве важнейшего принципа было закреплено в Повестке дня на XXI в., принятой на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г. [1]. С тех пор прошло более 30 лет, однако изменение окружающей среды в результате антропогенной деятельности человека продолжается ускоренными темпами вследствие выбросов ПГ, в том числе метана.

В работе авторов «Правовое регулирование эмиссии метана и его роль в достижении основной цели Парижского соглашения. Общий анализ проблемы» [2] проанализирована проблема ограничения выбросов основных ПГ, определяющих скорость глобального потепления антропогенного характера, включая метан, и отмечено, что Глобальное обязательство по метану / Global Methane Pledge (GMP) представляет собой важный инструмент борьбы с глобальным потеплением. Показано, что особая роль первоочередного сокращения эмиссии одного из основных парниковых газов, CH_4 , является прямым следствием интенсификации глобального потепления антропогенного происхождения при введении в действие более чистых технологий, уменьшающих выбросы аэрозолей (так называемого эколого-климатического парадокса). Наличие последнего свидетельствует о необходимости комплексного решения климатических и экологических проблем, начиная с соответствующего законодательного регулирования и принятия юридически обязывающих нормативно-правовых актов по ограничению выбросов аэрозолей и короткоживущих парниковых газов (в первую очередь метана). Сделан вывод о том, что GMP более эффективно способствовало бы достижению основной цели Парижского соглашения (ПС) 2015 г. и задачам устойчивого развития современной цивилизации, сформулированным в Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН), если бы к нему присоединились все основные государства – эмитенты метана и в нем предусматривались бы юридически обязывающие нормы либо меры воздействия по отношению к участникам GMP в случае невыполнения ими принятых на себя обязательств. Упомянутые условия служили бы определенной гарантией того, что все основные эмитенты CH_4 были бы вынуждены следовать таким обязательствам, поскольку опыт имплементации Парижского соглашения показывает, что далеко не все государства-эмитенты, присоединившиеся к Соглашению, склонны придерживаться его основных принципов.

В настоящей работе представлено исследование проблемы ограничения эмиссии метана на уровне внутреннего законодательства девяти основных эмитентов, расположенных в порядке убывания объемов выбросов метана, и права ЕС, ответственных за основную долю эмиссии CH_4 . На них в настоящее время приходится около 62 % общей эмиссии CH_4 . При этом Европейский союз (ЕС) рассматривается в качестве единого эмитента. Более подробный анализ национальных законодательств конкретных государств ЕС, в которых регулируется эмиссия метана, будет представлен в отдельной работе.

Как известно, Рамочная конвенция ООН об изменении климата и Парижское соглашение на сегодняшний день представляют собой базовые нормативные правовые документы, лежащие в основе комплексных мероприятий, направленных на ограничение роста глобальной приземной температуры. Эти документы подписаны более чем 195 государствами и являются главными правовыми документами в области международного правового регулирования антропогенных выбросов ПГ, распространяющими свое действие практически на все мировое сообщество. Основные цели, лежавшие в основе разработки указанных документов – сокра-

шение выбросов ПГ, необходимое для предотвращения опасного для устойчивого развития современной цивилизации изменения климата вследствие антропогенной деятельности человека, и ограничение роста средней глобальной приземной температуры в пределах 1.5–2 °C до конца XXI в. по сравнению с доиндустриальным периодом. Однако в названных правовых документах отсутствуют конкретные обязывающие нормы, направленные на реализацию поставленных в них целей. Государства, присоединившиеся к РКИК ООН и ПС, должны учитывать рекомендации этих международных соглашений при реализации национального климатического законодательства. Предполагается, что все государства, подписавшие указанные соглашения, будут делать это добровольно в силу факта их участия в договорной деятельности по ограничению выбросов ПГ, но это не всегда реализуется на практике [3].

Необходимо отметить, что ПС – не первое международное соглашение, регламентирующее сокращение эмиссии ПГ. Однако Парижское соглашение формулирует значительно более амбициозные цели, чем, например, Киотский протокол к РКИК ООН, регулирующий ограничение эмиссии ПГ лишь до 2012 г. Обозначенные цели требуют радикального снижения эмиссии ПГ, в том числе короткоживущего парникового газа метана.

Глобальное обязательство по метану. В свете рассмотрения в настоящей статье проблемных вопросов законодательного регулирования эмиссии метана важным документом на пути реализации Парижского соглашения является Глобальное обязательство по метану, принятое в 2021 г. на 26-й Конференции Сторон по климату (КС 26). Необходимость принятия отдельного международного соглашения по метану вызвано особой ролью этого короткоживущего ПГ в предотвращении негативных последствий эколого-климатического парадокса. Действительно, при введении жесткого ограничения на эмиссию аэрозоль искусственного происхождения их охлаждающий эффект станет ничтожно мал уже через 2–3 года, что приведет к дополнительному потеплению приземного слоя тропосферы. Поэтому сокращение эмиссии короткоживущего газа CH_4 представляет собой важный шаг, который позволит достичь значимых результатов в ограничении роста приземной температуры уже в краткосрочной перспективе (то есть в ближайшие 10 лет). Проанализируем в этой связи правовое регулирование эмиссии метана в законодательстве основных эмитентов – как присоединившихся к Глобальному обязательству по метану, так и не подписавших этот документ, но ответственных за существенную долю глобальных выбросов CH_4 (в том числе в законодательстве ЕС как самостоятельного субъекта международного права). Понятно, что регулирование выбросов метана в указанных государствах является первоочередной задачей для достижения одной из главных целей Парижского соглашения по ограничению роста приземной температуры антропогенного характера.

Вклад различных эмитентов в общие выбросы метана свидетельствует о том, что основным источником этого ПГ являются первые десять наиболее крупных эмитентов. Они обеспечивают около 62 % от общих выбросов метана. Как отмечено выше, ЕС рассматривается как единый эмитент, являясь самостоятельным субъектом международного права. Из данных, представленных в табл. 1, следует, что к указанным эмитентам относятся КНР, США, Индия, Россия, Бразилия, государства ЕС, Индонезия, Иран, Мексика, Австралия. При этом на долю КНР, США, Индии, России и Бразилии приходится более 44 % общей эмиссии метана. Таким образом, достаточно проанализировать правовые аспекты ограничения эмиссии метана в законодательстве основных десяти эмитентов, расположенных в порядке убывания их вклада в его эмиссию после принятия GMP, для того чтобы прийти к определенным выводам о достижимости главной цели Парижского соглашения.

При анализе будем учитывать два приведенных далее факта.

1. КНР, Индия, Россия, Иран, Австралия, ответственные примерно за 34 % от общих выбросов метана, пока не присоединились к Глобальному обязательству по метану.

2. Из анализа опубликованных работ по эмиссии ПГ [3] следует, что краткосрочные уменьшения выбросов метана отмечались в последние 50 лет несколько раз. В качестве примера можно привести следующие периоды: 1973–1974 гг. (глобальный энергетический кризис), 1997–1998 гг. (мировой экономический кризис), 2007–2008 гг. (финансово-экономический кризис, затронувший подавляющее большинство стран мира). Однако краткосрочное падение эмиссии метана в кризисные годы практически не повлияло на общий долгосрочный положительный тренд выбросов этого парникового газа. Данные последних лет полностью подтверждают сформулированный вывод. Информация, приведенная в табл. 1, свидетельствует о том, что в 2020 г. по сравнению с 2019 г. не произошло ограничения суммарных общемировых выбросов метана. Наоборот, отмечается прирост эмиссии во всех странах, кроме России и Ирана, несмотря на начавшуюся пандемию COVID-19 и замедление темпов экономического роста в этот период. Очевидно, что для уменьшения общемировой эмиссии метана в долгосрочной перспективе необходимы целенаправленные юридически обязывающие, экономически обоснованные и политически взвешенные действия основных государств – эмитентов метана.

Табл. 1. Выбросы метана в CO₂-эквиваленте (мегатонны – Mt) основными эмитентами и общемировая эмиссия в 2019 и 2020 гг.¹

Table 1. CO₂-equivalent methane emissions (megatons, Mt) from the major emitters and the global totals for 2019 and 2020

Эмитенты	Выбросы метана в CO ₂ эквиваленте (Mt), 2019 г.	Выбросы метана в CO ₂ эквиваленте (Mt), 2020 г.	Прирост или убыль годовой эмиссии метана между 2019 и 2020 гг.
КНР	1 176.139	1 186.285	прирост
США	744.509	748.241	прирост
Россия	684.296	617.227	убыль
Индия	656.655	697.655	прирост
Бразилия	431.067	449.214	прирост
ЕС	361.202	363.85	прирост
Индонезия	280.954	333.995	прирост
Иран	213.683	174.642	убыль
Мексика	138.801	143.481	прирост
Австралия	126.073	131.485	прирост
Все вышеперечисленные эмитенты	4 813.379	5 296.598	прирост
Все эмитенты мира	8 238.215	8 252.308	прирост

Рассмотрим в обозначенной связи положение дел с действующими в настоящее время правовыми основами климатической политики по эмиссии метана в мире и в основных государствах-эмитентах. Начнем с основного документа, регулирующего эмиссию метана.

¹ См. URL: https://edgar.jrc.ec.europa.eu/report_2023#emissions_table, свободный.

Как известно, Глобальное обязательство по метану, разработанное на 26-й Конференции Сторон по климату, было подписано представителями 103 стран непосредственно в 2021 г. (включая некоторых из крупнейших государств – эмитентов этого парникового газа) [4]. По этому соглашению присоединяющиеся к нему Стороны обязуются предпринимать следующие добровольные действия:

- переходить к использованию методологии Международной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК) по инвентаризации парниковых газов;
- работать над постоянным повышением точности, согласованности, сопоставимости и полноты национальной отчетности по инвентаризации парниковых газов в рамках РКИК ООН и ПС;
- обеспечивать большую прозрачность данных по выбросам в ключевых секторах экономики.

Глобальное обязательство по метану было впервые представлено на КС 26 в Глазго в 2021 г. Первоначально его поддержало незначительное число государств – участников Конференции.

В настоящее время около 160 стран взяли на себя обязательство сократить свои метановые выбросы в различных секторах (энергетике, сельском хозяйстве, управлению отходами и пр.) в качестве одного из важнейших шагов, призванных замедлить глобальное потепление и способствовать реализации целей Парижского соглашения. Основная цель GMP – сокращение выбросов CH_4 к 2030 г. по крайней мере на 30 % по сравнению с уровнем 2020 г., что по прогнозам позволит сдержать скорость глобального потепления как минимум на 0.2 °C уже к 2050 г. Такие действия по уменьшению выбросов CH_4 могут дать намного более быстрые результаты по сравнению с сокращением выбросов двуокиси углерода, так как CO_2 – это долгоживущий парниковый газ, время жизни которого в атмосфере превышает 100 лет [5].

Прежде всего рассмотрим национальные правовые акты и климатическую политику регулирования эмиссии метана в основных государствах-эмитентах, присоединившихся к Глобальному обязательству по метану 2021 г.

Климатическая политика США в области правового регулирования эмиссии метана после присоединения к GMP

Правовое регулирование эмиссии метана в законодательстве США характеризуется неоднозначностью подходов на федеральном и региональном уровнях. Соединенные Штаты – одно из первых государств, направивших свои усилия на сокращение выбросов метана и ставших одним из разработчиков Глобального обязательства по метану.

Основные направления в правовом регулировании выбросов метана в США можно характеризовать несколькими ключевыми правовыми актами, принятыми по инициативе Агентства по охране окружающей среды (ЕРА) – одного из главных государственных институтов, отвечающих за регулирование выбросов метана в США на федеральном уровне. В 2021 г. ЕРА обновила правила, касающиеся выбросов метана из крупных источников, таких как нефтегазовая промышленность, отходы на мусорных полигонах, выбросы в результате деятельности животноводческих комплексов (Документ ЕРА 2021). Агентство по охране окружающей среды декларирует, что к 2050 г. в США будут действовать новые более жесткие правила, существенно ограничивающие эмиссию метана. В частности, к 2025 г. эти стандарты позволят предотвратить выброс 510 тыс. тонн метана. Экономический эффект от такого снижения ЕРА оценивает в 690 млн долларов при расходах компаний на соблюдение

новых норм в 530 млн долларов. Предыдущая (демократическая) администрация Белого дома начала реализацию программы по сокращению выбросов метана к 2025 г. на 40–45 % по сравнению с уровнем 2012 г., что является частью обязательств США, принятых ими на себя в рамках ПС. ЕРА инициировала также программы по мониторингу выбросов метана и разработала планы по отчетности для предприятий, что позволяет более точно отслеживать и контролировать уровень выбросов.

Введение новых стандартов и практик в области правового регулирования после присоединения США к GMP затронуло также и сельскохозяйственный сектор. Агентство по охране окружающей среды тесно сотрудничает с фермерами для повышения эффективности управления животноводством и снижения выбросов метана (Документ USDA 2022).

В рамках американской Программы отчетности по парниковым газам (GHGRP) существуют определенные регуляторы методики и общедоступные формы отчетности для расчета эмиссии метана и углекислого газа для нефтегазовых объектов [6] (Агентство США по охране окружающей среды 2023). Деятельность GHGRP включает также разработку специальных методик и подходов к расчетам для наземных, морских источников на различных этапах выбросов метана. Агентство по охране окружающей среды США периодически обновляет методологию для данного сектора. Отметим, что для некоторых стран подобные обновления могут быть как преимуществом, позволяющим следить за новейшими коэффициентами и методами учета выбросов, так и проблемой, если страны привязывают свои нормативы к меняющейся методике, которую они не могут контролировать [7].

Нормативы, основанные на результатах и экономических показателях, как правило, требуют достоверности подсчета величины эмиссии и отчетности, основанной на активном мониторинге и измерениях. Хотя экономические показатели широко используются в природоохранной сфере в целом, лишь немногие из них распространяются на метан. Закон США о сокращении выбросов метана от 2022 г. устанавливает плату за выбросы метана, превышающие пороговое значение интенсивности выбросов, для определенных сегментов нефтегазового сектора.

План действий по сокращению выбросов метана в США 2021 г. содержит подробное описание ряда нормативных и ненормативных мер, принимаемых правительством с целью сокращения выбросов метана в нефтегазовой отрасли, на полигонах ТБО, в угольных шахтах, сельском хозяйстве, других отраслях промышленности и в зданиях.

Несмотря на уже предпринятые эффективные шаги в сфере правового регулирования эмиссии метана в США, крупные компании препятствуют реализации этих инициатив. Так, интересы нефтедобывающих компаний и бизнеса в целом и их лоббирование различными общественно-политическими структурами приводят к противодействию имплементации принятых законодательных актов. В настоящее время новая (республиканская) администрация Белого дома также негативно относится к ограничению выбросов парниковых газов.

Важно отметить пространственную неравномерность выбросов CH_4 : в разных географических регионах США наблюдаются различные уровни эмиссии метана и многообразие источников, что затрудняет единообразное применение мер правового регулирования в этой сфере. В этой связи контроль за выбросами метана на уровне штатов отличается более углубленной проработкой нормативной базы и состоит в следующем. Многие штаты приняли собственные законы и инициативы по снижению выбросов метана, соответствующие целям GMP. Например, Калифорния как один из лидеров в области охраны окружающей среды в США разработала Закон о защите окружающей среды (California Global Warming Solutions Act), который включает меры и по сокращению выбросов метана.

Необходимо подчеркнуть, что начиная с 2021 г. США предприняли важные шаги по правовому регулированию выбросов метана, в том числе на федеральном уровне приняли новые стандарты и программы, которые обещают сокращение уровня эмиссии. Правовое регулирование выбросов метана в США после принятия Глобального обязательства по метану демонстрирует приверженность к выполнению международных обязательств и стремление к устойчивому развитию. При этом важным аспектом остается обеспечение эффективного взаимодействия между государственными и частными секторами, научным сообществом и управленческими структурами для улучшения управления выбросами метана на федеральном уровне и на уровне штатов. Несомненно, важна преемственность в проведении климатической политики на федеральном уровне. Другими словами, для достижения поставленных целей необходимы постоянная работа, координация действий различных уровней законодательной и исполнительной власти, заинтересованных сторон.

Европейский опыт в области климатической политики и правового регулирования эмиссии метана для достижения основной цели Парижского соглашения по климату в контексте GMP

В Европе первые попытки по смягчению воздействий на изменение климата относятся к 1990 г., когда Европейский совет впервые принял обязательство стабилизировать выбросы парниковых газов (включая метан) к 2000 г. на уровне 1990 г. Это было важное решение Совета, но не имеющее обязательной юридической силы [8].

Задолго до присоединения к GMP государства, входящие в ЕС, приняли две главные директивы (Директиву о сельскохозяйственных выбросах (Directive 2009) и Директиву о промышленных выбросах (Directive 2010)), первая из которых регулирует снижение выбросов аммиака и метана в сельском хозяйстве, а вторая контролирует эмиссию загрязняющих веществ, включая метан, от крупных промышленных источников. Как следует из текста второго документа, от операторов требуется использование лучших из доступных технологий для снижения выбросов метана, тогда как первая включает комплекс мер, направленных на производство и применение удобрений с минимизацией экологических ущербов.

Относительно правового регулирования эмиссии метана в ЕС необходимо подчеркнуть, что в октябре 2020 г., еще до подписания GMP, была опубликована Стратегия ЕС по сокращению выбросов метана, которая ставила своей целью уменьшение его эмиссии к 2030 г. на 35–37 % по сравнению с уровнем 2005 г. Данная Стратегия охватывает ключевые сектора: сельское хозяйство, энергетику и управление отходами, а также включает меры по повышению прозрачности и мониторинга выбросов (Стратегия ЕС).

Позднее Климатический закон ЕС / European Climate Law (Регламент ЕС 2021/1119) установил обязательства по достижению углеродной нейтральности к 2050 г. Он включает в себя формулировку целей по сокращению выбросов парниковых газов, в том числе и метана, и требует от членов Союза разработки и выполнения национальных планов по снижению выбросов.

Необходимо отметить, что Регламент ЕС 2021/1119, широко известный как Европейский климатический закон, был принят 30 июня 2021 г. и закрепил ряд климатических новаций в законодательстве. В частности, в этом регламенте сформулирована цель по достижению климатической нейтральности в ЕС к 2050 г. (то есть сведение нетто-выбросов ПГ к нулю), а также определена промежуточная цель: сокращение нетто-выбросов ПГ не менее чем на 55 % к 2030 г. по сравнению с уровнем 1990 г. Кроме того, данным регламентом впервые учрежден Европейский научный консультативный совет по изменению климата с целью

предоставления рекомендаций по климатическим вопросам, а также предполагается разработка углеродного бюджета на период с 2030 по 2050 г.

13 июня 2024 г. члены Союза согласовали Регламент 2024/1787 о введении ограничения на выбросы метана при импорте газа в Европу начиная с 2030 г. (Регламент ЕС 2024/1787). Он регулирует выбросы метана (природного газа) от импортируемых в ЕС нефти, нефтепродуктов, газа и угля. Регламент ЕС 2024/1787 внес изменения в Регламент ЕС 2019/942 для сокращения выбросов метана в энергетическом секторе. Документ вступит в силу в 2030 г., и поставщикам необходимо будет доказывать, что их продукция соответствует предельному уровню содержания CH_4 . Принятые нормы обязывают производителей нефти и газа в Европе находить и устранять утечки этого парникового газа в ходе их деятельности, а также ограничивать большинство случаев сжигания газа в факелах. С 2027 г. ЕС также потребует, чтобы новые контракты на импорт нефти, газа и угля могли быть подписаны только с поставщиками, которые соответствуют требованиям ЕС. Таким образом, принятые в ЕС законодательные акты, касающиеся ограничения эмиссии метана, носят экстерриториальный характер.

Необходимо обратить внимание на то, что в настоящее время ЕС сталкивается с рядом проблем при имплементации разработанных законодательных актов, затрагивающих эмиссию метана. Поскольку метан выделяется в различных секторах промышленности и сельского хозяйства, это требует индивидуального подхода к каждому из этих секторов и к каждому государству, входящему в ЕС, создает сложности в разработке универсальных правил, закрепленных в соответствующих регламентах и директивах.

Правовое регулирование эмиссии метана и климатическая политика в Бразилии

Как известно, Бразилия является пятым по величине эмиссии метана государством-эмитентом, в связи с чем правительство Бразилии запустило новый пакет стимулирующих мер, направленных на развитие программ и действий по сокращению выбросов метана, в частности путем развития инициатив в области биогаза и биометана. Новый пакет мер под названием «Федеральная стратегия стимулирования устойчивого использования биогаза и биометана» включает в себя Национальную программу достижения нулевого уровня выбросов метана / Programa Metano Zero (Пост. 71/2022), которая соответствует обязательствам, принятым Бразилией в контексте GMP [9].

Основа климатической политики Бразилии характеризуется развитым правовым регулированием, которое сконцентрировано на международных обязательствах, национальных стратегиях и законодательных инициативах. Базисом законодательства в этом вопросе является упомянутая выше Национальная программа достижения нулевого уровня выбросов метана, принятая не только во исполнение GMP, но и в более широких рамках обязательств Бразилии по РКИК ООН и ПС [10]. Данная программа представляет собой одну из мер бразильского правительства, которая поощряет развитие устойчивой экономики, сокращение выбросов метана, продвижение углеродного рынка метана и поддержку таких секторов, как сельское хозяйство и животноводство. Согласно положениям обсуждаемой Национальной программы, финансовая поддержка будет поступать от государственных банков через целевое финансирование и кредитную линию. Перечисленные стимулы позволят, в частности, построить и ввести в действие новые центры по производству биометана, увеличив предложение этого продукта. Фактически названная программа направлена на стимулирование рынка углерода, особенно метановых кредитов, призвана содействовать внедрению биоре-

акторов и систем очистки биогаза, а также использованию их в качестве возобновляемых источников энергии. Для развития данного сектора экономики предусматривается разработка конкретных соглашений по реализации Национальной программы достижения нулевого уровня выбросов метана, которая координируется секретариатами Министерства окружающей среды Бразилии по качеству окружающей среды, по климату и международным отношениям. На федеральном уровне Бразилия разработала также несколько стратегий по снижению выбросов метана в сельском хозяйстве и области управления отходами, основная цель которых – переработка к 2030 г. около 208.4 млн куб. м отходов животноводства.

Необходимо подчеркнуть, что правовое регулирование эмиссии метана в Бразилии находится на довольно хорошем уровне. Это государство обладает достаточным потенциалом для достижения климатических целей относительно ограничения эмиссии метана.

Климатическая политика и правовое регулирование эмиссии метана в Мексике

Мексика стала первым государством Латинской Америки, разработавшим в 2020 г. Национальную стратегию по сокращению выбросов короткоживущих парниковых газов в секторе метана и черного углерода. В настоящее время Мексика стремится сократить к 2025 г. выбросы метана в нефтегазовом секторе на 40–45 %, что соответствует целям, декларируемым в Глобальном обязательстве по метану. В стране действуют Национальные стратегии, которые требуют от компаний в нефтегазовом секторе более строгого контроля за выбросами [11]. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что правовое регулирование эмиссии метана в Мексике находится на начальной стадии развития, хотя и обладает в Латинской Америке достаточным потенциалом для достижения целей GMP относительно ограничения эмиссии метана.

Климатическая политика и правовое регулирование эмиссии метана в государствах, не присоединившихся к GMP

Для получения полной картины относительно правового регулирования выбросов метана в основных государствах-эмитентах рассмотрим национальные правовые акты и климатическую политику в этой сфере в некоторых из государств, пока не присоединившихся к Глобальному обязательству по метану 2021 г., а именно правовые акты КНР, Индии, России, Ирана и Австралии.

КНР положила начало развитию нормативных правовых актов, касающихся эмиссии метана, в рамках более широкой стратегии по достижению углеродной нейтральности к 2060 г. Хотя метан не находится в центре внимания правового регулирования КНР (в отличие от CO₂), в республике приняты обновленные правила в области контроля за выбросами метана в нефтегазовом секторе и внедрения стандартов для оценки и мониторинга утечек. Этот шаг фактически является первым на пути эффективного регулирования выбросов метана. Кроме этого, в 2023 г. в стране принят План по сокращению выбросов метана, включающий цели по утилизации шахтного метана и контролю над попутным нефтяным газом [12]. Согласно данному документу, ожидается, что к 2025 г. годовая утилизация шахтного метана достигнет 6 млрд куб. м.

Что касается Индии, то государство пока не приняло на себя никаких обязательства по метану, соответствующих целям GMP, оно не имеет отдельного законодательного акта относительно контроля за выбросами метана и реализует собственные программы, основная цель которых связана с обеспечением устойчивого энергопотребления внутри страны, а не

с сокращением выбросов парниковых газов, включая метан [13]. Индия объявила о своих климатических целях еще до GMP и ориентируется на достижение нулевых выбросов ПГ к 2070 г., возлагая ответственность за глобальное потепление антропогенного характера на промышленно развитые страны. Как известно, Индия реализует различные стратегии, которые лишь косвенно влияют на снижение выбросов метана. Например, в государстве еще в 2008 г. в целях изучения последствий изменения климата принят Национальный план действий по борьбе с изменениями климата (NAPCC).

Относительно правового регулирования эмиссии метана в России необходимо отметить, что уже более 25 лет в природоохранном законодательстве Российской Федерации метан рассматривается не только как парниковый газ, но и как загрязняющее вещество. Поэтому выбросы метана подлежат нормированию и взиманию платы за его эмиссию, что приводит к более строгому контролю и оценке его интегрального баланса. Метановые выбросы регулируются распоряжением Правительства РФ от 8 июля 2015 г. «Об утверждении перечня загрязняющих веществ», постановлением Правительства РФ от 13 сентября 2016 г. «О ставках платы за негативное воздействие на окружающую среду» (Пост. 2016). В соответствии с указанными нормативными документами плата за выбросы метана составляет 108 руб. за тонну в пределах установленных допустимых норм.

Правовое регулирование эмиссии метана в Австралии представляет собой довольно сложный юридический процесс, в котором участвуют как федеральные структуры, так и власти штатов и территорий. Австралийское правительство применяет адаптивное управление для снижения экологических рисков, связанных с добычей газа. В частности, Федеральный закон «Об охране окружающей среды и сохранении биоразнообразия» 1999 г. регулирует добычу газа из угольных пластов [14]. На сегодняшний день Австралия явно не присоединилась к Глобальному обязательству по метану, она лишь декларирует приверженность цели сокращения выбросов метана к 2030 г. на 43 %.

Климатическая политика Ирана в области ограничения эмиссии метана (и парниковых газов в целом) не отличается последовательностью. Необходимо в связи с этим отметить, что Иран подписал Парижское соглашение по климату 2015 г., однако ратификация Соглашения была заблокирована специальным надпарламентским органом власти Ирана – так называемым Советом стражей конституции Ирана. В настоящее время говорить о присоединении этого государства к GMP преждевременно, поскольку в отношении Ирана действуют международные санкции, что является препятствием на пути присоединения государства к международным соглашениям относительно эмиссии метана. Об этом было прямо сказано руководством страны при подписании GMP на 26-й Конференции Сторон Рамочной конвенции ООН в Глазго в 2021 г. [15]. В настоящее время Иран не имеет отдельного законодательного акта, посвященного контролю за выбросами метана.

Что касается Индонезии, то стоит отметить ее особую роль как среди государств, присоединившихся к GMP, так и среди не присоединившихся к нему. По величине добычи Индонезия является третьим в мире угледобывающим государством после Китая и Индии, причем, по оценкам аналитиков, загрязнение угольных шахт Индонезии метаном существенно превышает официальные данные и государство осознает свою ответственность за ограничение глобальной эмиссии CH_4 . Свидетельством этого служит тот факт, что правовое регулирование эмиссии метана в Индонезии находится на этапе активного формирования и развития. Государство стремится адаптировать международные практики к национальным условиям, является активным участником Парижского соглашения. На сегодняшний день Индонезия представила перспективные обязательства по ограничению выбросов метана к

2030 г. на 30 % по сравнению с 1990 г., но пока ограничилась лишь разработкой дорожной карты [16].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что не все основные государства – участники GMP, ответственные за 62 % эмиссии метана, склонны придерживаться принципов Глобального обязательства по метану. Очевидно, что необходима еще долгая и кропотливая законодательная работа на уровне национального законодательства основных эмитентов метана, которая должна учитывать правовые, экономические, политические условия в каждом конкретном государстве [17].

Заключение

Подводя итоги проведенного анализа, можно констатировать, что Глобальное обязательство по метану 2021 г. представляет собой важный инструмент по борьбе с глобальным потеплением, особенно в краткосрочной перспективе. На январь 2025 года к нему присоединилось 159 государств-участников. Необходимо вместе с тем отметить, что, с одной стороны, национальные законодательства далеко не всех основных эмитентов метана, присоединившихся к GMP, соответствуют его целям, а с другой – значительная часть крупнейших эмитентов CH_4 , ответственных более чем за 1/3 суммарных выбросов метана в мире, пока не является его участниками. Таким образом, для того чтобы Глобальное обязательство по метану превратилось в эффективный инструмент сдерживания роста глобальной температуры антропогенного происхождения, предусмотренного Парижским соглашением, предстоит пройти еще большой и долгий путь, на котором будет необходимо предпринять ряд последовательных шагов по развитию GMP и политико-правовой адаптации национальных законодательств основных эмитентов метана к международным соглашениям климатической направленности.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The authors declare no conflicts of interest.

Источники

GMP – Global Methane Pledge – GMP. URL: <https://www.globalmethanepledge.org/#pledges>, свободный.

КП – Киотский протокол к Конвенции об изменении климата. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/kyoto.shtml, свободный.

ПС – Парижское Соглашение от 21 дек. 2015 г. URL: <http://unfccc.int/resource/docs/2015/cop21/rus/109r.pdf>, свободный.

Документ EPA 2021 – Actions and Notices about Oil and Natural Gas Air Pollution Standards // EPA United Nations Environmental Protection Agency. URL: <https://www.epa.gov/controlling-air-pollution-oil-and-natural-gas-operations/actions-and-notices-about-oil-and-0>, свободный.

Документ USDA 2022 – Climate Smart Agriculture and Forestry Strategy: 90-Day Progress Report // USDA. URL: https://www.nrcs.usda.gov/sites/default/files/2022-09/climate-smart-ag-forestry-strategy-90-day-progress-report_0.pdf, свободный.

Global Warming Solutions Act – Global Warming Solutions Act (State of California). URL: <https://sdgs.un.org/partnerships/global-warming-solutions-act-state-california>, свободный.

Агентство США по охране окружающей среды 2023 – United States Environmental Protection Agency 2023: Greenhouse Gas Reporting Program (GHGRP). URL: <https://www.epa.gov/ghgreporting>, свободный.

- Directive 2010 – Directive 2010/75/EU of the European Parliament and of the Council of 24 November 2010 on industrial emissions (integrated pollution prevention and control). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/RU/TXT/?uri=CELEX%3A32010L0075>, свободный.
- Directive 2009 – Directive 2009/128/EC of the European Parliament and of the Council of 21 October 2009 establishing a framework for Community action to achieve the sustainable use of pesticides (Text with EEA relevance). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/RU/TXT/?uri=CELEX%3A32009L0128>, свободный.
- Стратегия ЕС – Громов А. Стратегия ЕС по сокращению выбросов метана: новые вызовы для российского газа // Энергетическая политика. 2021. 14 мая. URL: <https://energypolicy.ru/strategiya-es-po-sokrashheniyu-vybrosov-metana-novye-vyzovy-dlya-rossijskogo-gaza/gaz/2021/16/14/>, свободный.
- Регламент ЕС 2021/1119 – Regulation (EU) 2021/1119 of the European Parliament and of the Council of 30 June 2021 establishing the framework for achieving climate neutrality and amending Regulations (EC) No 401/2009 and (EU) 2018/1999 ('European Climate Law'). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/RU/TXT/?uri=CELEX%3A32021R1119>, свободный.
- Регламент ЕС 2024/1787 – Regulation (EU) 2024/1787 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 on the reduction of methane emissions in the energy sector and amending Regulation (EU) 2019/942. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/FR/TXT/?uri=CELEX%3A32024R1787&qid=1734527915839>, свободный.
- Пост. 71/2022 – Programa Nacional de Redução de Emissões de Metano – Metano Zero (Portaria – 71/2022). URL: <https://catalogo.ipea.gov.br/politica/727/programa-nacional-de-reducao-de-emissoes-de-metano-metano-zero>, свободный.
- Пост. 2016 – Постановление Правительства РФ от 13 сент. 2016 г. № 913 «О ставках платы за негативное воздействие на окружающую среду и дополнительных коэффициентах» (с изменениями и дополнениями) // Собр. законодательства РФ. 2016. № 38. Ст. 5560.

Литература

1. Международное экологическое право / Т.Г. Авдеева, А.И. Алиев, Р.Р. Амирова [и др.]; отв. ред. Р.М. Валеев. М.: Статут, 2012. 637 с.
2. Пекарникова М.Е., Валиуллина К.Б. Правовое регулирование эмиссии метана и его роль в достижении основной цели Парижского соглашения: общий анализ проблемы // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 6. С. 145–159. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.6.145-159>.
3. Пекарникова М.Е., Полонский А.Б. Анализ реалистичности достижения основной цели Парижского соглашения при существующей системе правового регулирования и контроля за антропогенными выбросами парниковых газов // Фундаментальная и прикладная климатология. 2022. Т. 8, № 2. С. 190–208, <https://doi.org/10.21513/2410-8758-2022-2-190-208>.
4. КС-26: Совместные действия на благо нашей планеты // Организация объединенных наций. URL: <https://www.un.org/ru/climatechange/cop26>, свободный.
5. Семенов С.М., Говор И.Л., Уварова Н.Е. Роль метана в современном изменении климата. М.: [б. и.], 2018. 105 с.
6. Reporting Form Instructions // United States Environmental Protection Agency 2023. URL: <https://ccdsupport.com/confluence/display/help/Reporting+Form+Instructions>, свободный.
7. The White House Office of Domestic Climate Policy 2021: U.S. Methane Emissions Reduction Action Plan. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2021/11/US-Methane-Emissions-Reduction-Action-Plan-1.pdf>, свободный.
8. Пекарникова М.Е., Полонский А.Б. Антропогенные изменения климата и международно-правовая деятельность по смягчению их последствий. Часть 2: Реализация климатических правовых актов на современном этапе и их перспективы // Государство и право. 2021. № 5. С. 118–124. <https://doi.org/10.31857/S102694520012784-3>.

9. Попова И.М. Основные направления и инструменты политики низкоуглеродного развития Бразилии // Вестн. междунар. организаций. 2023. Т. 18, № 4. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2023-04-02>.
10. Бразилия // Climate and Clean Air Coalition. URL: <https://www.ccacoalition.org/ru/partners/brazil>, свободный.
11. Пришло время отпраздновать климатический успех: правила Мексики по метану для нефтегазового сектора подняли планку для остального мира // Climate and Clean Air Coalition. URL: <https://www.ccacoalition.org/ru/news/time-celebrate-climate-success-mexicos-methane-regulations-oil-and-gas-sector-have-raised-bar>, свободный.
12. Сидорович В. Китай ужесточает выбросы метана угольных пластов // Климат. Общество. ТЭК. URL: <https://reenen.ru/kitaj-uzhestochaet-standarty-vybrosov-metana-ugolnyh-plastov/>, свободный.
13. Индии нужно больше долгосрочных контрактов на поставку СПГ. URL: <https://oilcapital.ru/news/2024-10-23/indii-nuzhno-bolshe-dolgosrochnyh-kontraktov-na-postavku-spg-5229563>, свободный.
14. Methane emissions remained stubbornly high in 2022 even as soaring energy prices made actions to reduce them cheaper than ever. URL: <https://www.iea.org/news/methane-emissions-remained-stubbornly-high-in-2022-even-as-soaring-energy-prices-made-actions-to-reduce-them-cheaper-than-ever>, свободный.
15. Организация Объединенных Наций FCCC/CP/2021/12. Рамочная конвенция об изменении климата. Доклад Конференции Сторон о работе ее двадцать шестой сессии, состоявшейся в Глазго с 31 октября по 13 ноября 2021 года. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/cp2021_12R.pdf?utm_source=chatgpt.com, свободный.
16. Основные моменты 2023 года Global Methane Pledge // Climate and Clean Air Coalition. URL: <https://www.ccacoalition.org/ru/news/highlights-2023-global-methane-pledge-ministerial>, свободный.
17. Плюхина М. Занижают показатели выбросов метана в семь раз // Энергетика и промышленность России. 2024. № 07 (483). URL: <https://www.eprussia.ru/epr/483/2109430.htm>, свободный.

References

1. Avdeeva T.G., Aliev A.I., Amirova R.R., et al. *Mezhdunarodnoe ekologicheskoe parvo* [International Environmental Law]. Valeev R.M. (Ed.). Moscow, Statut, 2012. 637 p. (In Russian)
2. Pekarnikova M.E., Valiullina K.B. Legal regulation of methane emissions and its role in supporting the goal of the Paris Agreement: General issues. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 6, pp. 145–159. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.6.145-159>. (In Russian)
3. Pekarnikova M.E., Polonskiy A.B. Analysis of the realism of achieving the main goal of the Paris Agreement under the existing system of legal regulation and control of anthropogenic emissions of greenhouse gases. *Fundamental'naya i Prikladnaya Klimatologiya*, 2022, vol. 8, no. 2, pp. 190–208. <https://doi.org/10.21513/2410-8758-2022-2-190-208>. (In Russian)
4. United Nations. COP26: Together for our planet. URL: <https://www.un.org/ru/climatechange/cop26>. (In Russian)
5. Semenov S.M., Govor I.L., Uvarova N.E. *Rol' metana v sovremennom izmenenii klimata* [The Role of Methane in the Modern Climate Change]. Moscow, s.n., 2018. 105 p. (In Russian)
6. United States Environmental Protection Agency. Reporting form instructions. 2023. URL: <https://ccdsupport.com/confluence/display/help/Reporting+Form+Instructions>.
7. The White House Office of Domestic Climate Policy 2021: U.S. Methane Emissions Reduction Action Plan. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2021/11/US-Methane-Emissions-Reduction-Action-Plan-1.pdf>.
8. Pekarnikova M.E., Polonsky A.B. Anthropogenic climate change and international-juridical activity on climate mitigation. Part 2: Implementation of climate legal acts at the present stage and their prospects. *Gosudarstvo i Pravo*, 2021, no. 5, pp. 118–124. <https://doi.org/10.31857/S102694520012784-3>. (In Russian)

9. Popova I.M. Key low-carbon development policies and instruments in Brazil. *International Organisations Research Journal*, 2023, vol. 18, no. 4, pp. 34–61.
URL: <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2023-04-02>.
10. Climate and Clean Air Coalition. Brazil. URL: <https://www.ccacoalition.org/ru/partners/brazil>. (In Russian)
11. Climate and Clean Air Coalition. Time to celebrate a climate success: Mexico's methane regulations for the oil and gas sector have raised the bar for the rest of the world. URL: <https://www.ccacoalition.org/ru/news/time-celebrate-climate-success-mexicos-methane-regulations-oil-and-gas-sector-have-raised-bar>. (In Russian)
12. Sidorovich V. China strengthens coal mine methane-emission requirements. *Klimat. Obshchestvo. TEK*. URL: <https://renen.ru/kitaj-uzhestochet-standarty-vybrosy-metana-ugolnyh-plastov/>. (In Russian)
13. India needs more long-term contracts for LNG supply. URL: <https://oilcapital.ru/news/2024-10-23/indii-nuzhno-bolshe-dolgosrochnyh-kontraktov-na-postavku-spg-5229563>. (In Russian)
14. Methane emissions remained stubbornly high in 2022 even as soaring energy prices made actions to reduce them cheaper than ever. URL: <https://www.iea.org/news/methane-emissions-remained-stubbornly-high-in-2022-even-as-soaring-energy-prices-made-actions-to-reduce-them-cheaper-than-ever>.
15. United Nations. Report of the Conference of the Parties on Its Twenty-Sixth Session, Held in Glasgow from 31 October to 13 November 2021. Framework Convention on Climate Change. FCCC/CP/2021/12. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/cp2021_12R.pdf?utm_source. (In Russian)
16. Climate and Clean Air Coalition. Highlights from 2023 Global Methane Pledge Ministerial. URL: <https://www.ccacoalition.org/ru/news/highlights-2023-global-methane-pledge-ministerial>. (In Russian)
17. Plyukhina M. Countries underreporting methane emissions by seven times. *Energetika i Promyshlennost' Rossii*, 2024, no. 07 (483). URL: <https://www.eprussia.ru/epr/483/2109430.htm>. (In Russian)

Информация об авторах

Пекарникова Марина Евгеньевна, главный юрисконсульт¹, аспирант кафедры международного и европейского права², ¹ Институт природно-технических систем РАН, ² Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: pekarnikowa@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-2960-2039>

Валиуллина Ксения Борисовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и европейского права, Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: valiullina.ksenia@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1892-3148>

Author Information

Marina E. Pekarnikova, General Counsel, Institute of Natural and Technical Systems, Russian Academy of Sciences; Postgraduate Student, Department of International and European Law, Kazan Federal University

E-mail: pekarnikowa@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-2960-2039>

Ksenia B. Valiullina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of International and European Law, Kazan Federal University

E-mail: valiullina.ksenia@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1892-3148>

Поступила в редакцию 15.01.2025

Принята к публикации 15.03.2025

Received January 15, 2025

Accepted March 15, 2025

Оригинальная статья

УДК 342

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.184-197>**Принципы государственного финансового контроля в сфере государственного оборонного заказа****Р.П. Ширенин***Российский федеральный ядерный центр – Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики, г. Саров, 607188, Россия**RPShirenin@vniief.ru***Аннотация**

В условиях внешней геополитической напряженности в любом государстве возрастает интерес к программам и проектам, направленным на поддержание обороноспособности и защиты своего суверенитета в том числе в сфере государственного оборонного заказа. Вместе с тем увеличиваются риски нарушений в экономической части реализации данных программ, что, в свою очередь, требует совершенствования механизмов государственного финансового контроля для предотвращения подобного рода преступлений и безусловного выполнения государственного оборонного заказа. В настоящей статье проанализированы существующие подходы к определению понятия «принципы государственного финансового контроля» для предприятий, выполняющих государственный оборонный заказ, исследованы теоретические принципы государственного финансового контроля и их практическое применение в нормативном правовом регулировании сферы государственного оборонного заказа Российской Федерации. Предложены дополнения в гл. 5.1 ФЗ № 275 в части определения принципов государственного финансового контроля в сфере ГОЗ.

Ключевые слова: государственный финансовый контроль, принцип, государственный оборонный заказ

Для цитирования: Ширенин Р.П. Принципы государственного финансового контроля в сфере государственного оборонного заказа // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2025. Т. 167, кн. 1. С. 184–197. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.184-197>.

Original article

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.184-197>

**Principles of state financial control
in the state defense order fulfillment**

R.P. Shirenin

Russian Federal Nuclear Center – All-Russian Research Institute of Experimental Physics, Sarov, Russia

RPShirenin@vniief.ru

Abstract

In times of geopolitical tensions and hostile political conditions, any state prioritizes defense capability programs and projects, including those in the fulfillment of the state defense order, to protect its independence and sovereignty. However, this also opens the door to financial crimes. To mitigate the risks of financial misconduct and streamline the defense procurement process, efficient and up-to-date mechanisms of state financial control are needed. Using the existing approaches, this article defines the concept “principles of state financial control” applying to commercial and state entities fulfilling the state defense order. The theoretical principles of state financial control and their practical implementation within the legal framework of defense procurement in the Russian Federation were analyzed. Some amendments were suggested to Chapter 5.1 of Federal Law No. 275 of the Russian Federation covering the definition of the principles of state financial control in the field of the state defense order fulfillment.

Keywords: state financial control, principle, state defense order

For citation: Shirenin R.P. Principles of state financial control in the state defense order fulfillment. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2025, vol. 167, no. 1, pp. 184–197. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.184-197>. (In Russian)

В научной литературе при поиске путей совершенствования механизмов осуществления государственного финансового контроля в сфере государственного оборонного заказа (далее – ГОЗ) нельзя обойти стороной вопросы, касающиеся принципов его функционирования, которые играют важную роль в исследовании государственного финансового контроля.

Понятие «принцип контроля»

Если брать широкое толкование термина «принцип», то его можно считать основополагающим началом, главной идеей, на основании которой регулируются любые юридически значимые отношения. То же самое можно сказать и о принципах в сфере государственного финансового контроля – они являются этими самыми главенствующими идеями, правилами, которым должны следовать любые субъекты вышеуказанного института.

Под «принципами контроля» можно понимать такие требования, которые предъявляются к проверкам, а также к инструкциям, положениям и порядкам составления и использования документов во время аудиторской деятельности [2]. В юридической науке существует мнение, что исходные положения, которыми характеризуется аудиторская деятельность, ос-

новываются именно на составе принципов контроля и, как следствие, использование этих положений на практике улучшает его качество [1, с. 1039].

Считаем, что, учитывая вышеприведенные определения терминов «принцип» и «принцип контроля», в настоящее время под «принципами государственного финансового контроля» предприятий, выполняющих государственный оборонный заказ, можно понимать основную нормативно-правовую базу, благодаря которой функционирует сам институт финансового контроля в сфере государственного оборонного заказа.

Заслуживает внимание еще и тот факт, что принципы государственного финансового контроля трансформируются из общепризнанных принципов права. И действительно, принципы исследуемого нами правового института являются общеобязательными, так как они закреплены в самих нормах права или по крайней мере легко выводятся из совокупности правовых норм.

Если в правовой деятельности учитывать правовые принципы, то они будут ключом к правильному пониманию и толкованию любой правовой нормы, что в итоге позволит ликвидировать наиболее заметные «серые зоны» законодательства, по мнению Н.И. Химичевой [3].

Не вызывает сомнений то, что указанные нами выше принципы помогают в правовой деятельности и законодателю, и правоприменителю. Первому они дают возможность юридически адекватно и грамотно толковать действующие правовые нормы, второму – кодифицировать правовую документацию в сфере государственного финансового контроля. Считаем, что именно принципы права в сфере контроля за ГОЗ могут дать толчок дальнейшему развитию института государственного финансового контроля.

Понятие «принципы финансового контроля»

По нашему мнению, принципы финансового контроля впервые были документально закреплены в 1977 г., когда по результатам заседания конгресса Международной организации высших органов финансового контроля была принята Лимская декларация принципов контроля (ЛДРПК). После анализа официального перевода данной декларации мы можем выделить такие принципы финансового контроля, как законность, правильность, объективность, гласность, финансовая и правовая независимость органов-контролеров, эффективность, экономичность, ответственность за полученный результат, разграничение функций и полномочий, системность.

Мы полагаем, что Лимская декларация дала определенный толчок развитию исследуемого нами института и в отечественной науке: схожие принципы мы можем увидеть, например, в Федеральном стандарте внутреннего государственного финансового контроля, которым утверждены Принципы контрольной деятельности органов внутреннего государственного финансового контроля (ППРФ-95). В Стандарте прописано, на основании каких принципов должна осуществляться общая и узконаправленная профессиональная деятельность по государственному финансовому контролю в том числе в сфере государственного оборонного заказа.

Считаем оправданным акцентировать внимание на том, что в упомянутом документе приводятся прежде всего принципы внутреннего государственного финансового контроля и основополагающие нормы, которыми во время профессиональной деятельности обязаны руководствоваться уполномоченные должностные лица: объективность, достоверность, компетентность, мотивированный профессиональный скептицизм, этичность, независимость, целеустремленность.

Однако правовая наука продолжает развиваться, и поэтому в вышеуказанном Федеральном стандарте можно найти иные принципы, нежели те, что закреплены в Лимской декларации. Они напрямую связаны с развитием экономической и правовой науки государства.

Важно отметить – описанные нами принципы финансового контроля утверждены в Федеральном стандарте *исключительно для проведения внутреннего государственного контроля*. Как следствие, только данными принципами нельзя руководствоваться при государственном финансовом контроле в сфере государственного оборонного заказа ввиду того, что постановление Правительства РФ № 95 не регулирует деятельность предприятий, выполняющих государственный оборонный заказ.

В РФ система принципов внешнего государственного аудита реализуется в регламентирующей работу Счетной палаты РФ (СП РФ) документации, тем самым СП РФ наделяется правом на осуществление внешнего государственного контроля. Она руководствуется уже перечисленными нами выше принципами независимости, эффективности, гласности, законности и т. д. в соответствии со ст. 4 Федерального закона № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» (ФЗ-41). К сожалению, в этом законе не раскрывается внутреннее содержание интересующих нас принципов и, как мы уже выше отмечали относительно Федерального стандарта, они характеризуют государственный финансовый контроль не всеобъемлюще. В связи с обозначенным фактом нам кажется интересным исследование И.Б. Лагутина, который замечает, что правовые принципы должны выводиться не только на основе научных изысканий и анализов, но и в соответствии с текущим развитием правовых институтов государства, с тем, насколько хорошо данные принципы могут интегрироваться в существующую правовую модель [4].

Наиболее видные исследователи финансового права предложили свою классификацию принципов финансового контроля, в которой мы можем увидеть их разделение на общеправовые (среди них можно выделить принципы законности, справедливости, равноправия среди контролеров), институциональные (к ним можно отнести принципы финансовой и правовой независимости аудиторов, их ясности, достоверности и компетентности) и отраслевые (принципы плановости, федерализма, социальной направленности работы) [5].

Представленная выше классификация принципов финансового контроля имеет один, но важный нюанс, из-за которого мы вынуждены назвать ее необъективной – она совершенно не отражает особенности экономических (финансовых) отношений между субъектами при исполнении государственного оборонного заказа.

По нашему мнению, некоторые из принципов финансового контроля вовсе не ориентированы на сферу государственного оборонного заказа и не могут применяться к нему. Представляются довольно интересными исследования Ф.Ш. Измайловой, которая весьма обстоятельно разработала собственные принципы системы государственного финансового контроля. В качестве таковых она выделяет определение полномочий, ответственности и статуса органов аудита на законодательном уровне; обязательную координацию действий органов аудита между собой в профессиональной деятельности; соизмеримость нарушения и санкций, применяемых к нарушителям; общественную гласность результатов финансового контроля при учете соблюдения государственной и коммерческой тайн подконтрольных субъектов; официальное закрепление за органами контроля перечня полномочий, без которых они не смогут выполнять свою профессиональную деятельность; регулярность и плановость проведения аудиторских мероприятий; компетентность инспекторов, аудиторов и других членов контролирующего органа при проведении профессиональной деятельности;

правовую и финансовую независимость контролирующего органа (в определенной степени) от государства и от влияния подконтрольных лиц, невозможность влияния на результаты проверочных мероприятий; единство информационной базы для всех органов-контролеров; обязательность наказания правонарушителей; обратную связь с подконтрольным объектом; эффективность контроля как по действенности, так и по экономичности, чтобы затраты были минимальны для получения желаемого результата [6].

Принципы государственного финансового контроля в ГОЗ

Законодателем в Федеральном законе от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» не определены принципы государственного финансового контроля в сфере ГОЗ, лишь в ст. 1 указано, что ФЗ № 275 определяет основные принципы государственного регулирования цен на продукцию по ГОЗ, а в ст. 9 прописан лишь принцип законности (ФЗ-275). Поэтому на основе анализа научных исследований и нормативного правового материала предлагаем выделять нижеследующие принципы государственного финансового контроля ГОЗ.

1. Принцип законности, являясь наиболее важным, на наш взгляд, позволит обеспечить неукоснительное соблюдение законов и иных нормативно-правовых актов в области государственного финансового контроля и государственного оборонного заказа субъектами его исполнения, как контролирующими, так и подконтрольными. Иными словами, суть данного принципа в том, что каждое действие подконтрольных субъектов и тем более контролирующих органов должно законодательно регламентироваться, чтобы не допустить злоупотребления властью.

Нарушение принципа законности в процессе реализации государственного финансового контроля при выполнении государственного оборонного заказа влечет за собой серьезные последствия в виде невыполнения разнообразных планов, доктрин и целевых программ в сфере экономики и обороноспособности нашей страны, что является приоритетом в настоящее время политической нестабильности. Кроме того, оно ведет к безнаказанности нарушителей в деликатном правовом институте финансового контроля ГОЗ, к отсутствию дополнительных бюджетных ассигнований на нужды в сфере безопасности, к срыву программ и уязвимости государства перед внешними угрозами.

Государственный оборонный заказ в РФ регулируется следующими наиболее значимыми нормативно-правовыми актами и законами (список не является исчерпывающим): Конституцией РФ, Бюджетным Кодексом РФ, Гражданским Кодексом РФ, Федеральным законом РФ № 275-ФЗ, постановлением Правительства РФ от 2 февраля 2017 г. № 1465 «О государственном регулировании цен на продукцию, поставляемую по ГОЗ, а также о внесении изменений и признании утратившими силу некоторых актов Правительства РФ», приказом Министерства промышленности и торговли РФ от 8 февраля 2019 г. № 334 «Об утверждении порядка определения затрат, включаемых в цену продукции, поставляемой в рамках ГОЗ», приказом Федеральной антимонопольной службы РФ от 16 декабря 2022 г. № 995/22 «Об утверждении форм документов, предусмотренных Положением о государственном регулировании цен на продукцию, поставляемую по государственному оборонному заказу, утвержденным постановлением Правительства РФ от 2 декабря 2017 г. № 1465», постановлением Правительства РФ от 3 марта 2017 г. № 249 «О казначейском сопровождении средств в валюте РФ, получаемых при осуществлении расчетов в целях исполнения государственных контрактов (контрактов) по государственному оборонному заказу» и др.

Из вышеперечисленного следует, что принцип законности при государственном финансовом контроле в сфере ГОЗ в настоящее время реализуется в полном объеме, опираясь на достаточно проработанную нормативно-правовую базу.

2. Принцип эффективности. Прежде всего отметим, что современные исследователи под эффективностью государственного финансового контроля или финансового контроля вне сферы в целом понимают исключительно эффективные способы экономии затрачиваемых средств [4], что, на наш взгляд, абсолютно неверно.

Юридически термин «эффективность» закреплён СП РФ в Стандарте внешнего государственного контроля СГА 104 (СГА-104). Данный термин, согласно Стандарту, обозначает соотношение между использованными для достижения определенных результатов федеральными ресурсами и реально достигнутыми результатами. Опять же, эффективность в таком случае все еще рассматривается исключительно с точки зрения экономности в тратах в том числе при осуществлении государственного финансового контроля в сфере государственного оборонного заказа. Таким образом, здесь эффективность определена лишь как количественный показатель с игнорированием качественного, что, безусловно, требует юридической коррекции и дополнений.

Особенно отчетливо экономическая эффективность в работе высшего органа государственного финансового контроля РФ – СП РФ – видна при анализе обеспечения возврата средств в бюджеты всех уровней бюджетной системы РФ (2020 г. – 16.42 млрд. руб., 2021 г. – 5.32 млрд. руб., 2022 г. – 8.85 млрд. руб., 2023 г. – 26.39 млрд. руб.) (ОРСП-23).

3. Принцип независимости предполагает, что контролирующие органы должны быть независимы от контролируемых (подконтрольных) лиц, а также защищены от постороннего влияния.

Отдельного внимания заслуживает финансовая независимость органов государственного финансового контроля в сфере ГОЗ, которая проявляется в обеспечении в полном объеме средствами всех сфер деятельности органов государственного финансового контроля, а также в выделении средств на осуществление профессиональной деятельности органа государственного финансового контроля особой строчкой в государственном бюджете, в самостоятельном его распоряжении своим бюджетом, что соответствует принципу независимости.

В ст. 2 ФЗ-41 закреплены положения принципа независимости СП РФ: СП РФ обязана отчитываться только перед Федеральным Собранием, характеризуется независимостью в распоряжении финансами, способе организации и реализации своих функций. Кроме того, она имеет право осуществлять свою деятельность самостоятельно, без возможности ее приостановления даже в случае роспуска Государственной Думы РФ.

Гарантии членов СП РФ закреплены в ст. 39 ФЗ-41. Под членами СП РФ подразумеваются все должностные лица из Коллегии СП РФ, инспектора, иные сотрудники. Перечисленные должностные лица обладают особым статусом – на них запрещено оказывать любое воздействие с целью воспрепятствования исполнению их непосредственных служебных обязанностей или принуждения к выбору необъективного решения при проведении контроля под угрозой ответственности по текущему законодательству РФ.

Таким образом, из приведенного примера очевидно, что принцип независимости органов государственного финансового контроля реализуется в РФ в полном объеме.

4. Принцип объективности подразумевает, что результаты государственного финансового контроля должны быть объяснены с точки зрения текущей правовой базы, сопоставления реальных фактов, которые были выяснены при проверке, с законами и подза-

конными актами (положениями, распоряжениями, приказами, инструкциями руководящих органов-контролеров) [7, с. 17].

Действительно, настолько важная сфера, как ГОЗ, требует при государственном финансовом контроле максимальной объективности, отсутствия предвзятости у контролирующих органов, которые должны руководствоваться только фактами и доказательствами, а не своими личными убеждениями и интересами. В данном случае подразумевается устранение влияния групповых или личных интересов на процесс и результаты проведения государственного финансового контроля в сфере ГОЗ.

Происходящие в настоящее время проверки государственных контрактов в сфере ГОЗ Министерства обороны РФ и предприятий, выполняющих ГОЗ в интересах Министерства обороны РФ, а также количество возбужденных уголовных дел свидетельствуют о применении принципа объективности и в сфере ГОЗ.

5. Принцип плановости означает, что для любых контрольных мероприятий требуется своя программа, план, продуманный и составленный заранее, на основании которого и будет осуществляться деятельность аудитора в каждый временной отрезок его деятельности. Этот принцип, на наш взгляд, также верен и для работы органов – государственных финансовых контролеров по ГОЗ.

Планирование аудита в сфере ГОЗ требует еще более тщательно продуманной технологии деятельности, тем самым становясь комплексным (ввиду многообразия аспектов контроля), непрерывным (так как выпуск оборонной продукции невозможно остановить без фатальных для государства последствий), а также системным, потому что требуется работа внутри готовой системы.

Как мы уже отмечали, принцип плановости позволяет определить деятельность органов-контролеров на определенный период времени в зависимости от сроков планирования. В современной финансово-правовой науке, в том числе российской, наиболее популярно деление на краткосрочный, среднесрочный и долгосрочный периоды.

В качестве примера реализации принципа плановости государственного финансового контроля в сфере государственного оборонного заказа на территории РФ обратимся к уже знакомому нам органу – СП РФ. Проведение контрольных мероприятий СП РФ на каждый год регулируется планом работы СП РФ (ПРСР-24), в нем четко расписана программа реализации аудиторских мероприятий по каждому временному периоду отчетного года.

На основании вышеперечисленного представляется оправданным считать принцип плановости одним из принципов государственного финансового контроля в сфере ГОЗ.

6. Принцип публичности. В основу данного принципа мы закладываем идею о том, что деятельность органа финансового аудита по ГОЗ должна быть предана публичной огласке, быть общедоступной, однако с учетом защиты сведений, составляющих государственную тайну. Иными словами, любой гражданин государства может (в силу своих профессиональных качеств) обсудить результаты проведенных мероприятий по контролю, при этом, разумеется, не раскрывая информацию ограниченного распространения. Так, СП РФ занимается информированием общественности, причем положения этой деятельности закреплены в ее регламенте (РСР), на основании которого СП РФ обязана обеспечивать доступ к информации о своей деятельности широкому кругу масс. Несмотря на то, что в регламенте указано множество путей информирования населения и государства о деятельности СП РФ, наиболее значимыми нам кажутся те, что напрямую предполагают отчет перед палатами Федерального Собрания (отчет о работе, оперативный доклад об

исполнении государственного бюджета Совету Федерации и Госдуме), перед президентом РФ или органами государственной власти на уровне субъектов, а также официальные публикации в сети Интернет, в печатном виде и в виде официальных комментариев – в средствах массовой информации, что, безусловно, помогает повысить уровень информирования населения о работе регулятора.

Практическая реализация принципа публичности в сфере ГОЗ необходима и при проведении государственного финансового контроля за такими объектами, как государственные заказчики, головные исполнители и соисполнители ГОЗ в актуальной теме контроля за ценообразованием в сфере ГОЗ, соблюдения требований постановления Правительства РФ от 2 декабря 2017 г. № 1465 и приказа Минпромторга РФ от 8 февраля 2019 г. № 334. Необходимо публикация в открытых источниках методики проведения субъектами государственного финансового контроля проверок ценообразования в сфере ГОЗ с целью недопущения и предупреждения нарушений объектами государственного финансового контроля обоснования цены на продукцию, товары и услуги, поставляемые в рамках ГОЗ. В настоящее время в открытом доступе отсутствует методика проведения экспертизы цены на продукцию, товары и услуги, поставляемые в рамках ГОЗ.

7. Принцип комплексности означает, что исследуемый нами финансовый контроль всеобъемлюще охватывает все аспекты финансовой деятельности контрольных мероприятий в части выделенных им государством средств.

Возвращаясь вновь к СП РФ, можно увидеть реализацию данного принципа в ст. 13 ФЗ-41, согласно которой СП РФ осуществляет свою деятельность различными методами (формами, способами), будь то экспертно-аналитическая работы над проектами ФЗ о бюджете на конкретный плановый период, внешняя проверка бюджетной отчетности об исполнении государственного бюджета (при расходовании средств), мониторинг (наблюдение) целевых показателей по приоритетам развития государства (при создании документов о стратегическом развитии РФ) или оперативный контроль освоения и исполнения федерального бюджета на текущий год с последующим анализом целесообразности расходов, а также осуществление государственного финансового контроля за выделенными бюджетными ассигнованиями государственным заказчикам в сфере ГОЗ.

По нашему мнению, принцип комплексности также соблюдается при финансовом контроле в сфере государственного оборонного заказа.

8. Принцип превентивности. В соответствии с данным принципом государственный финансовый контроль, особенно в сфере ГОЗ, должен проводиться не только после совершения нарушений, но и для их предотвращения.

Например, принцип превентивности реализован в Плане-графике профилактических мероприятий Федеральной антимонопольной службы России на 2024 г., утвержденном приказом Федеральной антимонопольной службы РФ от 19 декабря 2023 г. № 1017/23 (ПФАС-1017). В качестве приоритета среди профилактических мероприятий, проводимых в отношении государственного финансового контроля в сфере ГОЗ, выделено информирование, которое, в свою очередь, возможно проводить путем формирования, ведения, размещения перечня нормативно-правовых актов, его актуализации и информирования о его наличии на официальном сайте Федеральной антимонопольной службы России и т. п.

Консультирование по вопросам государственного финансового контроля осуществляется Методическим советом ФАС России; методическая помощь оказывается посредством разъяснений и выпуска методических рекомендаций, работы сервиса «Общественная

приемная». Публичные мероприятия включают пресс-конференции, научно-практические конференции.

К профилактическим мероприятиям в сфере ГОЗ Федеральная антимонопольная служба России также относит формирование, выдачу и контроль исполнения требований о прекращении любой деятельности, в которой усматривается нарушение законодательства по контролю в сфере ГОЗ; оформление представлений об устранении причин и условий, из-за которых изначально возникли риски совершения преступного деяния при государственном финансовом аудите при реализации ГОЗ.

Считаем очевидным, что исследуемый в данном пункте принцип реализован в РФ в непосредственной связи с принципом гласности, так как профилактические мероприятия, описанные выше, также являются работой с общественностью.

9. Принцип четкости, ясности и достоверности результатов. Соблюдение данного принципа означает, что чаще всего результаты государственного финансового контроля в сфере ГОЗ оформляются официальным актом, отчетом, заключением; они составляются при наличии достаточного количества доказательств, на основании которых и были сделаны выводы и предложения по результатам аудиторской деятельности. Иными словами, названный принцип требует от контролирующих органов максимальной степени объективности при осуществлении их деятельности.

Четкость и достоверность результатов контроля подразумевают, что результаты аудиторской деятельности контролирующих органов основываются на прямых фактах, которые были зафиксированы в ходе аудита.

Ясность государственного финансового контроля в сфере ГОЗ, в свою очередь, требует оформления отчетного документа, причем таким языком, чтобы написанное в отчете было понятно даже третьим лицам, не связанным с проведенными мероприятиями, а вся терминология, используемая в отчетном документе, должна быть разъяснена со ссылкой на нормативную правовую базу; считаем, что без данного принципа было бы невозможно соблюдать принцип гласности, так как отчет, написанный малопонятным языком, не способствует информированности населения о проведенной контролирующим органом деятельности.

Отчет субъекта государственного финансового контроля должен быть ясным, объективным, кратким в части описании процесса и результатов аудита; сами выражения и формулировки, используемые в документе, должны быть четкими, понятными даже лицу, незнакомому с проверочным мероприятием; в описании следует соблюдать хронологическую последовательность и логику произошедшего; в отчете могут быть упомянуты только те фактические данные, которые инспектор-контролер наблюдал и анализировал лично, то же касается и документации, которая будет упомянута в отчете. Как следствие, в последний запрещено включать различного рода предположения или данные, которые невозможно документально подтвердить, а также информацию, полученную из других контрольных, надзорных и правоохранительных органов.

Рассматриваемый принцип означает, что государство наделяет субъект государственного финансового контроля, в том числе в сфере ГОЗ, определенными полномочиями по наказанию объекта аудита за совершенные нарушения в ходе профессиональной деятельности.

В соответствии со ст. 28 ФЗНК-41 СП РФ в ходе или по результатам проведения аудита имеет право уведомить с представлением доказательств компетентный орган-контролер, который примет решение о применении мер бюджетного или финансового принуждения в адрес нарушителей.

К сожалению, вынуждены констатировать, что СП РФ не имеет возможности применять к нарушителям меры наказания, а может лишь уведомлять соответствующие органы о наличии состава преступления, что, разумеется, является слабым проявлением принципа действенности и, наоборот, показателем высокого уровня бюрократизации процесса применения принудительных мер к нарушителю.

11. Принцип взаимодействия реализуется при профессиональном взаимодействии с другими контролирующими органами при выполнении ГОЗ.

В соответствии со ст. 30 ФЗНК-41 контрольные органы Президента РФ и Правительства РФ, органы государственной безопасности, правоохранительные органы, финансовые органы, налоговые и иные государственные органы обязаны оказывать содействие деятельности СП РФ, предоставлять по ее запросам информацию, необходимую для выполнения ее задач и функций.

В Стандарте организации деятельности (СОД-17) СП РФ утверждает регламентацию своей деятельности по кооперации совместного контроля с остальными органами-контролерами в РФ. Среди последних выделяют Федеральную налоговую службу РФ, Министерство внутренних дел РФ, Федеральную службу судебных приставов, Следственный комитет РФ и др.

12. Принцип стандартизации означает применение единых стандартов государственного финансового контроля в сфере государственного оборонного заказа.

В п. 6 ст. 35 ФЗНК-41 закрепляется обязанность СП РФ по созданию общеотраслевых требований к стандартам внешнего аудита для своей профессиональной деятельности. Очевидно, что принцип стандартизации довольно последовательно реализуется в сфере финансового контроля, потому что стандартизация, на наш взгляд, является основой любой адекватной бюрократизации процесса, без должного уровня которой контролировать огромные финансовые процессы, такие как, например, при выполнении ГОЗ, было бы попросту невозможно.

13. Принцип экономности требует достижения органами-контролерами в сфере государственного финансового контроля, в том числе при исполнении ГОЗ, заданных результатов при использовании наименьшего числа (объема) государственных ресурсов.

В ст. 1.1.5. СГА-104 напрямую указано, что Стандарт создан для контроля за эффективным использованием средств (включая средства федерального бюджета), в гл. 2 Стандарта описываются навыки, необходимые для контроля эффективности, в гл. 3 – цели и вопросы аудита эффективности, в гл. 4 – процесс сбора информации и получения аудиторских доказательств в том числе для сравнения с критериями и потенциальными рисками нарушений, в гл. 5 – методология для заполнения отчетности и создания рекомендаций как следствия правильного аудита. Иными словами, упомянутый документ является не чем иным, как пособием для аудитора в сфере финансового контроля, обучающим, как правильно оценить эффективность затраченных бюджетных средств, чтобы при минимальных затратах получился наилучший результат, что, полагаем, напрямую коррелирует с принципом экономности.

14. Принцип результативности основывается на достижении объектами аудита наилучших непосредственных, конечных результатов и итогового эффекта с использованием определенного объема ресурсов при контроле за исполнением ГОЗ.

Мы также считаем, что принцип результативности напрямую связан с упомянутым нами выше СГА-104, потому что преследует ту же цель – достичь наибольшего результата при минимальных затратах (в разумных пределах). Полагаем, что два последних принципа практически идентичны, за исключением небольшой разницы в денотации – если принцип

экономности, на наш взгляд, требует минимальных затрат для получения исключительно минимально требуемого результата, то принцип результативности, следовательно, позволяет «потратить больше», если итоговый результат окажется выше, чем при минимальных тратах, то есть при сопоставлении затрат и пользы коэффициент полезности окажется выше, чем при минимально требуемом результате, полученном при наименьших тратах.

15. Принцип равенства означает равенство всех субъектов государственного контроля в сфере ГОЗ перед законом и судом, их равный статус.

Проведя параллели с принципом действенности, мы вынуждены признать, что у некоторых субъектов государственного контроля в финансовой сфере намного меньше полномочий, допусков, способов государственного принуждения и санкционирования, чем у других надзорных органов. Так, например, СП РФ не может инициировать возбуждение уголовных или административных дел; доказательства, полученные в ходе аудита СП РФ, не могут являться доказательствами по делу в суде, пока они формально не приняты следователями Следственного комитета РФ, ФСБ РФ или МВД РФ и т. д. Следовательно, нельзя констатировать равенство в степени наделенности надзорных органов полномочиями со стороны государства, потому что некоторые из них имеют намного больше возможностей оказывать влияние на контроль как таковой.

16. Принцип компетентности определяет профессиональную подготовку сотрудников, осуществляющих государственный финансовый контроль в сфере ГОЗ – все участники контрольного мероприятия должны обладать достаточной квалификацией для проведения государственного финансового контроля.

Вернемся к уже не раз упомянутому нами СГА-104. В разделе 2.3. Стандарта прописано, что качественное достижение целей государственного финансового аудита, в том числе при ГОЗ, возможно исключительно при проведении контрольных мероприятий инспекторами и другими членами СП РФ, имеющими соответствующие профессиональные компетенции, профессиональные навыки и опыт работы в данной сфере.

Считаем, что, несмотря на некоторую юридическую неточность требований к компетенциям аудиторов в сфере финансового контроля, принцип компетентности все же реализуется в финансовом государственном контроле в РФ.

17. Принцип сочетания убеждения и принуждения обуславливает установление законодателем оптимального соотношения мер убеждения и принуждения, что выражается в предоставлении проверяемому возможности добровольного исправления выявленного нарушения в сфере ГОЗ. Считаем, что ст. 26, 27 ФЗ-41 ярко демонстрируют законодательное закрепление вышеуказанного принципа, а СП РФ активно практикует его применение в своей деятельности

В случае если СП РФ обнаружит в ходе проведения контрольных мероприятий любые нарушения в хозяйственной, финансовой, бюджетной, бухгалтерской и др. видах деятельности, а также примет решение о том, что данный факт причиняет ущерб интересам государства и требуется безотлагательное пресечение противозаконной деятельности, то она, как орган-регулятор, направляет на объект аудита представление, в котором рекомендует устранить выявленные недостатки и нарушения, возместить причиненный ущерб и привлечь к ответственности лиц, допустивших подобного рода нарушения. При игнорировании или недостаточном исполнении представлений СП РФ она направляет уже обязательные для выполнения предписания по принятию необходимых мер в целях устранения наруше-

ний законодательства. Если объект аудита отказывается исполнять ранее направленные ему предписания, Коллегия СП РФ имеет право принять решение о полном приостановлении всех видов финансовых операций (платежных и расчетных) по счетам проверяемого лица. Считаем принцип сочетания убеждения и принуждения особенно актуальным при государственном финансовом контроле предприятий, выполняющих ГОЗ.

Все вышеперечисленные принципы используются в практической деятельности органов государственного финансового контроля РФ, в том числе и в сфере ГОЗ, поэтому полагаем целесообразным (уместным) дополнить гл. 5.1 «Государственный контроль (надзор) в сфере ГОЗ» ФЗ № 275 пунктом 15 в редакции: «15. Государственный финансовый контроль в сфере ГОЗ осуществляется на основании принципов законности, эффективности, независимости, объективности, плановости, публичности, комплексности, превентивности, четкости, ясности и достоверности результатов, взаимодействия с другими контролирующими органами, стандартизации, экономности, результативности, равенства, компетентности, сочетания убеждения и принуждения».

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

Источники

- ФЗ-275 – Федеральный закон от 29 дек. 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» // СПС КонсультантПлюс.
- ЛДРПК – Лимская декларация руководящих принципов контроля (принята IX Конгрессом Международной организации высших органов финансового контроля в г. Лиме 17–26 октября 1977 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901935176>, свободный.
- ППРФ-95 – Постановление Правительства РФ от 6 февр. 2020 г. № 95 «Об утверждении федерального стандарта внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля “Принципы контрольной деятельности органов внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля”» // СПС КонсультантПлюс.
- ФЗ-41 – Федеральный закон от 5 апр. 2013 г. № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
- СГА-104 – СГА 104. Стандарт внешнего государственного аудита (контроля). Аудит эффективности (утв. постановлением Коллегии Счетной палаты РФ от 9 февр. 2021 г. № 2ПК) (ред. от 6 сент. 2024 г.) // СПС КонсультантПлюс.
- ОРСП-23 – Отчет о работе Счетной палаты Российской Федерации в 2023 году // Официальный сайт Счетной палаты РФ. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/b0b/2s91597z2ddcymmd4c34y25090vcvatc.pdf>, свободный.
- ПРСП-24 – План работы Счетной палаты РФ на 2024 год (утв. Коллегией Счетной палаты РФ 22 дек. 2023 г., протокол № 79К (1684)) // Официальный сайт Счетной палаты РФ. URL: https://ach.gov.ru/upload/pdf/Plan_proverok_2024.pdf, свободный.
- РСП – Регламент Счетной палаты Российской Федерации (утв. постановлением Коллегии Счетной палаты РФ от 26 сент. 2023 г. № 12ПК) (ред. от 26.12.2024) // СПС КонсультантПлюс.
- ПФАС-1017 – Приказ Федеральной антимонопольной службы России от 19 дек. 2023 г. № 1017/23 «Об утверждении Программы профилактики нарушений обязательных требований при осуществлении государственного контроля (надзора) за соблюдением антимонопольного законодательства, законодательства в сфере государственного оборонного заказа, в сферах естественных

монополий и в области государственного регулирования цен (тарифов) на 2024 год и плановый период 2025–2026 годов» // СПС КонсультантПлюс.

СГА-101 – СГА 101. Стандарт внешнего государственного аудита (контроля). Общие правила проведения контрольного мероприятия (утв. постановлением Коллегии Счетной палаты РФ от 7 сент. 2017 г. № 9ПК) // СПС КонсультантПлюс.

ФЗНК-41 – Федеральный закон от 5 апр. 2010 г. № 41-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

СОД-17 – СОД 17. Проведение Счетной палатой Российской Федерацией контрольных мероприятий с участием правоохранительных и иных государственных органов Российской Федерации. Стандарт организации деятельности Счетной палаты РФ (утв. Коллегией Счетной палаты Российской Федерации, протокол от 28 апр. 2012 г. № 19К (852)) // СПС КонсультантПлюс.

Литература

1. Ендовицкий Д.А., Пожидаева Т.А., Спиридонова Н.Э. Принципы организации и осуществления внутреннего финансового контроля государственных (муниципальных) учреждений // *Международный бухгалтерский учет*. 2023. № 9. С. 1038–1056. <https://doi.org/10.24891/ia.26.9.1038>.
2. Финансово-кредитный энциклопедический словарь / Под общ. ред. А.Г. Грязновой. М.: Финансы и статистика, 2004. 1165 с.
3. Финансовое право / Отв. ред. Н.И. Химичева. М.: Норма, 2005. 462 с.
4. Бедоева З.Н. Принципы плановости и эффективности осуществления государственного бюджетного контроля // *Финансовое право*. 2020. № 2. С. 26–29. <https://doi.org/10.18572/1813-1220-2020-2-26-29>.
5. Контроль в финансово-бюджетной сфере / И.И. Кучеров, Н.А. Поветкина, Н.Е. Абрамова [и др.]. М.: Контракт, ИЗиСП, 2016. 317 с.
6. Измайлова Ф.Ш. Государственный контроль (понятие, принципы, система государственного контроля) // Конституция. Проблемы управления и прокурорского надзора. М.: Манускрипт, 1996. С. 31–33.
7. Арзуманова Л.Л., Болтинова О.В., Бубнова О.Ю. Правовое регулирование финансового контроля в Российской Федерации: проблемы и перспективы / Отв. ред. Е.Ю. Грачева. М.: Норма; Инфра-М, 2013. 383 с.

References

1. Endovitskii D.A., Pozhidaeva T.A., Spiridonova N.E. The concepts of establishing and maintaining internal financial control over public (municipal) facilities. *Mezhdunarodnyi Bukhgalterskii Uchet*, 2023, no. 9, pp. 1038–1056. (In Russian)
2. Gryaznova A.G. (Ed.) *Finansovo-kreditnyi entsiklopedicheskii slovar'* [Finance and Credit Encyclopedic Dictionary]. Moscow, *Finans. Stat.*, 2004. 1165 p. (In Russian)
3. Khimicheva N.I. (Ed.) *Finansovoe pravo* [Financial Law]. Moscow, Norma, 2005. 462 p. (In Russian)
4. Bedoeva Z.N. The principles of planning and efficiency in state budget control. *Finansovoe Pravo*, 2020, no. 2, pp. 26–29. <https://doi.org/10.18572/1813-1220-2020-2-26-29>. (In Russian)
5. Kuchеров I.I., Povetkina N.A., Abramova N.E., et al. *Kontrol' v finansovo-byudzhethnoi sfere* [Control in the Financial and Budgetary Area]. Moscow, Kontrakt, IZiSP, 2016. 317 p. (In Russian)
6. Izmailova F.Sh. State control (concept, principles, and system of state control). In: *Konstitutsiya. Problemy upravleniya i prokurorskogo nadzora* [Constitution. Problems of Control and Prosecutorial Oversight]. Moscow, Manuscript, 1996, pp. 31–33. (In Russian)

7. Arzumanova L.L., Boltinova O.V., Bubnova O.Yu. *Pravovoe regulirovanie finansovogo kontrolya v Rossiiskoi Federatsii: problemy i perspektivy* [Legal Regulation of Financial Control in the Russian Federation: Problems and Prospects]. Gracheva E.Yu. (Ed.). Moscow, Norma, Infra-M, 2013. 383 p. (In Russian)

Информация об авторах

Ширенин Роман Павлович, специалист, Российский федеральный ядерный центр – Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики

E-mail: RPShirenin@vniief.ru

Author Information

Roman P. Shirenin, Specialist, Russian Federal Nuclear Center – All-Russian Research Institute of Experimental Physics

E-mail: RPShirenin@vniief.ru

Поступила в редакцию 10.12.2024

Принята к публикации 10.02.2025

Received December 10, 2024

Accepted February 10, 2024

